
АНТИЧНЫЙ МИР И АРХЕОЛОГИЯ

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ,
МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНОСТИ

Межвузовский научный сборник

Выпуск 7

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1990

Статьи 7-го выпуска межвузовского научного сборника посвящены вопросам политической и социально-экономической истории, идеологии и культуры древней Греции и Рима. Основное внимание уделено Элладе VIII—II вв. до н. э., Риму эпохи Империи. Рассматриваются актуальные проблемы археологических исследований Северного Причерноморья в античную эпоху.

Для студентов и преподавателей исторических факультетов, специалистов-антиковедов, всех интересующихся историей древности.

Редакционная коллегия:

докт. ист. наук *Ю. В. Андреев*; докт. ист. наук *В. Г. Борухович* (отв. редактор); канд. ист. наук *В. И. Кац*; канд. ист. наук *Е. В. Мавлеев*; канд. ист. наук *С. Ю. Монахов*; канд. ист. наук *В. Н. Парфенов* (отв. секретарь); докт. ист. наук *Э. Д. Фролов*.

Рецензенты: кафедра всеобщей истории Казанского государственного университета;
докт. ист. наук *А. С. Шофман*

0503010000—59 20—90
А 178(02)—90
ISBN 5—292—00484—7

© Издательство
Саратовского
университета,
1990

I. ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ

А. А. КУРБАТОВ

Военное значение аристократии в архаической Греции

В отечественной историографии до сих пор сравнительно слабо разработана проблема роли правящих классов в истории. Это относится и к вопросу о месте и значении аристократии в процессах, происходивших в эллинских полисах архаической эпохи. Данная статья, не притязая на его общее решение, посвящена выяснению лишь одной из составляющих его частей, может быть, наиболее наглядной: роли аристократии в военной области. Значимость этой проблемы вытекает из факта принципиального совпадения гражданской, политической и военной организаций выросшего из родовой общины древнегреческого полиса¹.

В первую очередь, не вызывает сомнения тесная связь аристократии с кавалерией. Аристотель в нескольких местах «Политики» говорит об этом весьма недвусмысленно. Он указывает, что в древности государства, военная мощь которых базировалась на коннице, имели олигархический строй, приводя в пример Эретрию и Халкиду на Эвбее и Магнесию на Меандре, а также несколько неопределенно упоминая «многие другие» (города) по всей Азии (Arist. Pol. IV. 3. 2. 1289b). Хронологически он относит появление таких режимов к эпохе крушения монархий, когда полноправными гражданами являлись всадники, поскольку в ранних войнах именно конница была решающей силой ввиду отсутствия опыта правильной и

¹ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 46. Ч. I. 465—466.

эффективной организации гоплитов (Arist. Pol. IV. 10. 10. 1297b). Эти соображения Аристотеля разделяются современными авторами². Экономическая причина аристократизма раннегреческой кавалерии — возможность содержания коней только крупными собственниками (Arist. Pol. VI. 4. 3. 1321a). Современные ученые и здесь согласны с великим философом³.

Вероятно, не случайно халкидские аристократы на Эвбее именовались гиппоботами («воспитывающими коней»), которых Геродот называет «жирными» (Hdt. V. 77). Их упоминает и Страбон, со ссылкой на Аристотеля отмечающий, что в древности во главе правительства «всадников» в Халкиде стояли выбранные на основе имущественного ценза лица, управляющие в аристократическом духе (Strab. X. 1. 8). В соседнем эвбейском полисе Эретрии государственная власть находилась, по Аристотелю (Ath. pol. XV. 2), также в руках всадников (по крайней мере, в период второго изгнания Писистрата из Афин). Плутарх, упоминающий об удалении гиппоботов из Халкиды Периклом, характеризует их как богачей, пользовавшихся особенной славой (Plut. Per. 23). Сходным образом именовались жившие в Магнесии и Колофоне гиппотрофы

(ἵπποτρόφοι) — «выращивающие коней» (Her. Pont. XXII), причем правящая группа в Колофоне составляла тысячу человек (Her. Pont. XI). По предположению М. Арнхейма, население Колофона составляло около 30000 человек (7500 домовладельцев), а 1000 составляла правящую аристократию⁴.

Коневодство с древнейших времен было развито в Фессалии, где господствовали аристократические роды Алевадов, Скопадов, Креондов и др., и кавалерия играла важную роль. Так, фессалийцы послали Писистратидам, ввиду вторжения спартанцев, 1000 всадников во главе с царем Кинеем из Конии (Hdt. V. 63). Фессалийская конница была существенной силой (Hdt. VII. 173. 196). Во времена Ксенофонта Фессалийский союз располагал силой в 6000 всадников и более 10000 гоплитов, не считая пельтастов (Xen. Hell. VI. 1. 8—9).

Кавалерия сохраняла известное значение и в Беотии. В битве при Платеях фиванские всадники сражались на стороне персов (Hdt. IX. 69). Известно, что во 2-й половине V в.

² Arnheim M. T. W. *Aristocracy in Greek society*. L., 1977. P. 54; Jeffery L. H. *Archaic Greece: The City States c. 700—500 B. C. L.*, 1978. P. 67.

³ Chamoux F. *La civilisation Grecque a l'Époque archaïque et classique*. P., 1963. P. 62, 154; Finley M. I. *Early Greece: the Bronze and Archaic Ages*. L., 1970. P. 100.

⁴ Arnheim M. T. W. *Op. cit.* P. 54.

войско Беотийского союза составляли 11000 гоплитов и 1100 всадников (Hell. Охуг. XI. 3). По тимократической конституции Солона, в Афинах «Всадниками» назывались граждане с доходом не менее 300 медимнов⁵, причем Аристотель особо отмечает, что это название, вероятно, отражает их действительную службу (Arist. Ath. pol. I. 7). К сожалению, их количественный состав неизвестен. В период правления Перикла афинская конница (вместе с конными лучниками) насчитывала 1200 всадников (Thuc. II. 13. 7). Поэтому трудно полностью согласиться с мнением А. Берна, что к концу архаической эпохи с ростом военного значения гоплитской фаланги в Греции к югу от Фессалии падает значение кавалерии, которая к началу V в. до н. э. там даже временно исчезает⁶. Представляется также недостаточно обоснованным мнение Г. Шеманна о том, что в условиях разорения части аристократии и появление богачей из незнатных, только эвпатриды явно обозначают родовую аристократию; «всадники» же могут быть не только аристократами, но и людьми со всадническим цензом⁷. Совершенно очевидно, что этот термин в значении цензовой категории мог употребляться лишь с позднеархаического времени, с появлением тимократических конституций, в которых, вероятнее всего, зафиксированы реальные доходы аристократов, необходимые для службы в кавалерии.

К этому времени аристократия сложилась вполне, со всеми ее отличительными признаками и идеологией; с ростом же военного значения гоплитской фаланги, повлекшим за собой некоторую демократизацию общества (Arist. Pol. IV. 10. 10. 1297b), коневодство осталось обязанностью и привилегией знатных семейств как отличительная черта аристократизма⁸, олицетворяя доблесть и богатство; а старинное богатство и доблесть, по определению Аристотеля (Pol. IV. 6. 5. 1294a), и есть благородство.

Действительно, в традиции разведение коней считалось благородным занятием, свидетельствующим о знатности рода⁹. Пиндар посвящает одну из своих од «конному роду могучих Алкмеонидов» (Pind. Pyth. 7). Коней, выступавших на Олимпиадах, выращивали не только тираны, богатейшие в Греции люди, но и другие представители аристократических

⁵ Arist. Pol. II. 9. 4. 127a; Ath. pol. I. 7. 3. Plut. Sol. 18.

⁶ Burn A. The Lyric Age of Greece. L., 1978. P. 175 f.

⁷ Schoemann G. R. Griechische Alterthümer. B., 1897. Bd. I. S. 130 f.

⁸ Arnheim M. T. W. Op. cit. P. 54; Chamoux F. Op. cit. P. 154.

⁹ Aristoph. Nub. 60 fr., Diog. Laert. VIII. 2. 51.

родов, например, Филаиды (Hdt. VI. 35—36) и Эвпатриды (Thuc. VIII. 73. 3; Plut. Alc. 11) в Аттике. Алкивиад, как и его предки, служил в коннице, о чем свидетельствует спасение Сократа в битве при Делии (Plut. Alc. 7). Нельзя сбрасывать со счета и такие отмеченные М. Финли факты: распространенность изображений всадников на расписной архаической керамике; появление кавалерии в Италии с греческими переселенцами, что придавало гопплитскому войску мобильность на поле боя¹⁰.

Несколько сложнее обстоит дело с лакедемонской конницей, о которой достоверно известно только с классического времени¹¹. Правда, имеется туманное свидетельство о реформе спартанской конницы Ликургом (Plut. Lyc. 28). Однако и в классическое время, несмотря на то, что содержание лошадей поручалось богатейшим из граждан, боеспособность спартанской конницы была весьма низкой (Xen. Hell. VI. 4. 10—11). Тем не менее, судя по сообщениям античных авторов, и в Спарте существовали так называемые «всадники». Из сообщений о них ясно, что это было отборное подразделение спартиатов¹², насчитывавшее 300 человек¹³, являвшихся царскими телохранителями¹⁴, которыми командовали трое начальников

конницы (οι ιλαροεταί) ¹⁵. «Всадники» выполняли и тайные поручения геронтов и эфоров, что явствует из рассказа о подавлении заговора Кинадона (Xen. Hell. III. 3. 9), а Эфор причислял «всадников» вместе с геронтами к высшим спартанским государственным должностям, указывая при этом, что спартанские «всадники», в отличие от критских, не держат коней (Strab. X. 4. 18). Проблема происхождения и функций спартанских «всадников» стала предметом специального изучения¹⁶. Несомненно элитарность этого корпуса, являвшегося важным исполнительным органом¹⁷. нас, однако, интересует лишь происхождение этого отряда. В весьма содержательной статье, исходя из определения некоторыми античными авторами «всадников» как эфебов, Ю. В. Андреев присое-

¹⁰ Finley M. I. Op. cit. P. 100.

¹¹ Thuc. V. 67. 1; Xen. Hell. IV. 3. 4—6; 5. 11—12; V. 4. 52.

¹² Hdt. VIII. 124; Xen. Resp. Lac. IV. 2—5. Comp.: Plut. Lyc. 25.

¹³ Hdt. VIII. 124; Thuc. V. 72. 4; Dion. Hal. II. 13.

¹⁴ Hdt. VI. 58; Thuc. V. 72. 4; Xen. Hell. IV. 3. 6.

¹⁵ Xen. Hell. III. 3. 9; Resp. Lac. IV. 3.

¹⁶ Андреев Ю. В. Спартанские «всадники» // ВДИ. 1969. № 4. С. 24—36.

¹⁷ Там же. С. 35—36.

дним в этом вопросе к мнению Жанмера, видевшего в них реликтовую форму юношеского союза гомеровского периода¹⁸.

Однако этому противоречит отмеченный Геродотом факт ежегодного перехода старейших (*πρεσβυτάτοι*) из «всадников» в количестве пяти человек в состав *αυαφόρων*, выполнявших в течение года посольские функции, для которых юноши вряд ли были пригодны. Срок службы в отряде «всадников» нам неизвестен. Это заставляет с осторожностью относиться к гипотезе о «всадниках» как реликте эпохи военной демократии. Не менее вероятно, что спартацкие «всадники» классической эпохи представляли рудимент более позднего периода недолгого господства в Спарте аристократии. Может быть, это были потомки некогда знатных родов или семейств Спарты, происходивших от Гераклидов и слившихся с другими спартиатами в *οροιοι*.

Символична сама численность «всадников»: она указывает на трехчисленное деление, характерное для дорийцев. Может быть, до реформ Ликурга в Спарте существовал отряд настоящих всадников, составленный из представителей аристократических родов, по 100 от каждого племени? Нельзя исключить и сакрального значения цифры «300»: во время второй Мессенской войны Аристомен сформировал отборный отряд из трехсот человек (Paus. IV. 18. 1); Леонид, направляясь к Фермопилам, отобрал 300 спартиатов, имевших детей (Hdt. VII. 205); в битве при Платеях на призыв Павсания заменить мегарцев откликнулся афинский отряд в 300 отборных бойцов (Hdt. IX. 21); наконец, когда позднее Горгид организовал священный фиванский отряд, его численность также была установлена в 300 мужей (Plut. Pel. 18. 23).

Возвращаясь к архаике, следует согласиться с тем, что прогресс в экономической области (в частности, развитие металлургии и рост торговли) оказал глубокое воздействие и на военное дело: понижение стоимости вооружения и перманентная межполисная борьба способствовали развитию гоплитского строя¹⁹. Важно определить роль аристократии в этом процессе. Ч. Старр считает, что появление фаланги не является чисто аристократическим феноменом, поскольку новый

¹⁸ Там же. С. 31.

¹⁹ Littman R. J. The Greek experiment. Imperialism and social conflict 800—400 B. C. Honolulu, 1974. P. 114.

строй преимущественно комплектовался из свободных крестьян, и подчеркивает, что крупные и мелкие землевладельцы стояли вместе в рядах фаланги, как они стояли вместе против доминирования личного лидерства в политической сфере²⁰. По мнению В. Эренберга, хронологически эти изменения в военной, экономической и политической жизни, будучи соединенными друг с другом частями единого процесса, относятся ко 2-й половине VIII и к VII вв. до н. э., когда на место индивидуального боя пришла тактика тесной фаланги гоплитов, что стало возможно, только когда «рыцари» исчезли, и военный строй стал базироваться на равенстве, находящем свое дополнение в политическом строе как общине свободных людей²¹. Р. Литтман полагает, что фаланга, подрывавшая власть аристократии, была введена в Греции около 700 г. до н. э.²²; аристократы полностью потеряли контроль над военными силами государства, а их собственная военная роль упала до незначительности²³. В отличие от него, М. Финли считает, что преимущества гоплитской фаланги привели к ее доминированию в Греции лишь к концу VII века. Это вызвало глубокие социальные последствия, дав общинникам важную военную функцию, хотя не означало демократизацию армии, так как доспехи были достаточно дороги, и таковым процессом может считаться лишь использование бедняков на флоте, как в Афинах классической эпохи²⁴.

По проблеме хронологии следует отметить асинхронность сходных и тождественных процессов в отдельных районах Греции, а иногда их качественные и количественные различия. Так, можно полагать, что в Спарте гоплитский строй победил в 1-й половине VIII в. до н. э., до первой Мессенской войны, в других полисах — несколько позднее. Но роль, место и значение аристократии в магистральном развитии общества, в том числе и в военной области, на наш взгляд, в большинстве случаев оцениваются необъективно: не следует забывать, что появление гоплитского строя синхронно эпохе господства знати в Греции. Аристотель подчеркивал, что архаические виды государственного строя относятся к числу олигархических и монархических (Pol. IV. 10. 11. 1297b), поскольку гоплитская слу-

²⁰ Starr Ch. G. The origins of Greek civilisation 1100—650 B. C. N. Y., 1961. P. 334 f.

²¹ Ehrenberg V. The Greek State. 2 ed. L., 1969. P. 20.

²² Littman R. J. Op. cit. P. 115.

²³ Ibid. P. 104 f.

²⁴ Finley M. I. Op. cit. P. 101 f.

жба, как и кавалерийская, скорее соответствует возможностям состоятельных людей, чем немущих, и только легковоруженные и матросы соответствуют демократии (Pol. VI. 4. 3. 1321a); стратегию же он считал одной из важнейших функций царской власти (Pol. III. 9. 2—3. 1285a-b).

Античная традиция донесла до нас множество свидетельств о представителях древних царских родов, сохранивших царское достоинство или перешедших в разряд аристократии, но первейшей обязанностью которых оставалось руководство военными действиями. Так, в дорийских общинах правители эпохи архаики возводили свои родословные к Гераклу. В Спарте это были не только царские роды Агиадов и Эврипонтидов²⁵, но и представители других родов, явно потомки прежней аристократии (ср.: Plut. Lys. 24). К Гераклидам возводили свое происхождение царские династии Теменидов в Аргосе, к которым принадлежал знаменитый Фидон (Strab. VIII. 3. 33), в Сикионе (Paus. II. 6. 7) и даже в Македонии²⁶; Эпитидов в Мессени до спартанского завоевания (Paus. IV. 3. 3—8. 15.4); Бакхиадов в Коринфе (Paus. II. 4. 3—4) и в Верхней Македонии (Strab. VII. 7. 9). Родичами Гераклидов считались этолийские цари (Paus. V. 3. 7).

Царская власть сохранялась в Аркадии по крайней мере до 2-й Мессенской войны (Paus. VIII. 1. 4—5. 13), на Кипре, где было несколько мелких царств до греко-персидских войн (Hdt. V. 104—113), в Эпире, в конце концов объединенном царями молоссов, возводившими свой род к Зевсу через Зака, Ахилла и Неоптолема²⁷. В Фессалии эпохи греко-персидских войн гражданская и военная власть находилась в руках династов из знатнейших родов Алевадов, Скопадов и других²⁸, составлявших, по мнению Г. Шеманна, общефессалийское собрание, призывавшее воинов на службу²⁹. Царское происхождение имел род Пенфилидов на Лесбосе (Strab. XIII. 1. 3; Paus. II. 18.6). Знатнейшие роды Афин и ионийского двенадцатиградья (Медонтиды, Мелантиды, Басилиды, Неленды и др.) возводили свою родословную через афинского царя Код-

²⁵ Hdt. VII. 204; VIII. 131; Polyb. IV. 35. 10(13); Strab. VIII. 5.5; App. II. 8. 4; Paus. III. 1. 1—10. 6; Plut. Agis. 3; Lyc. 1.

²⁶ Hdt. VIII. 137—139; Thuc. II. 99. 2; Diod. Sic. XVII. 1; Arr. Anab. Alex. III. 3. 2; Plut. Alex. 2; App. B. c. II. 151.

²⁷ Strab. VII. 7. 5; XIII. 1. 27; Diod. Sic. XVII. 1; Paus. I. 9. 7—8. 11. 1—3. 13. 3. 9; 29. 4; Plut. Alex. 2; Pyrr. 1; App. B. c. II. 151.

²⁸ Hdt. V. 63; VII. 6. 130; IX. 58; Pind. Pyth. X. 5; Xen. Hell. VI. 1. 19. Theocr. Idyll. XVI. 34 fr.

²⁹ Schoemann G. F. Griechische Alterthümer. 4 Aufl. B., 1902. Bd. 2. S. 83.

ра к сыну Нестора Нелею³⁰. Одним из знаменитейших афинских аристократических родов, давших славнейших мужей (Plut. De Herod. malign. 16. 27), в частности, таких известных магистратов, как Мегакл и Клизфен, был род Алкмеонидов, в традиции — также потомков пилосского царя Нестора (Paus. II. 18. 8—9). В эпоху Солона афинским главнокомандующим в войне дельфийской амфикионии с Киррой был явно представитель этого рода по имени Алкмеон (Plut. Sol. 9).

Характерным явлением архаики было возникновение старшей тирании, появившейся во всех наиболее развитых, в социально-экономическом отношении, полисах Греции, за исключением Халкиды на Эвбее, избежавшей ее, по мнению М. П. Нильссона, благодаря раннему расцвету и вовлечению в конце VIII в. до н. э. в длительную войну с Эретрией, и Эгины, отличавшейся большой дифференциацией населения, обычной для преимущественно коммерческого центра³¹. В определенной степени было бы правомерно рассмотреть военную политику раннегреческих тиранов, их роль в войнах и в организации военного дела, поскольку подавляющее большинство их вышло из аристократии³², и в своей политике выражало определенные тенденции эпохи. Еще Аристотель отмечал склонность тиранов вести войны с целью упрочения личной власти (Arist. Pol. V. 9. 5. 1313b). Помимо агрессивности, для тирана часто создавали отряды телохранителей из наемников (Arist. Pol. V. 9. 4. 1313b). Однако социальная политика тиранов, направленная отчасти в пользу демоса, и недостаток места препятствует включению этого вопроса в данную статью, хотя анализ и изучение общей тенденции внешней политики наиболее передовых полисов в эпоху старшей тирании представляют исключительный интерес. При этом еще раз подчеркиваем, что раннегреческие тираны принадлежали часто по происхождению и всегда по положению к верхушке знати. Ч. Старр правильно называет «высшие классы» Греции архаической эпохи наиболее могущественной и агрессивной частью греческого общества³³.

³⁰ Hdt. I. 147; IX. 97; Strab. VIII. 4. 1—7. 1; XIV. 1. 3—4; Paus. VII. 2. 1—3; IV. 5. 10; Ael. Var. hist. VIII. 5 etc.

³¹ Nilsson M. P. The age of the early Greek tyrants. Belfast, 1936. P. 9—11.

³² Соловьева С. С. Раннегреческая тирания (К проблеме возникновения государства в Греции). М., 1964. С. 35; Zörner G. Kypselos und Pheidon von Argos. Untersuchungen zur frühen griechischen Tyrannis. Marburg/Lann, 1971. S. 77—85, 211.

³³ Starr Ch. G. Op. cit. P. 302.

История греко-персидских войн особенно наглядно показывает командную роль аристократов в организации армии и флота, в выработке стратегии и тактики, в руководстве войсками на полях сражений, ибо это считалось не только правом, но и исключительной обязанностью аристократии. Так походом на Сарды руководили брат зачинщика ионийского восстания Аристагора Харопин и другой милетянин — Гермофант, судя по имени — также аристократ (Hdt. V. 99). Персы, наступившие на Сарды в Эфесе, убили среди многих знатных лиц, участвовавших в набеге, эритрийского военачальника Эвалкида, победителя в состязаниях, воспетого Симонидом Кеосским (Hdt. V. 102). Если же знатные люди изменяли общему делу и переходили на сторону врага, оно оказывалось проигранным. Так, двое знатных изменников сдали Эретрию персам на седьмой день осады (Hdt. V. 101; Paus. VII. 10). На сторону Ксеркса перешли фессалийские Алевады³⁴, безусловно сыграв значительную роль в измене других фессалийцев, поначалу выступивших вместе с эллинами (Hdt. VII. 172—174). Фиванские аристократы поставили Фивы и почти всю Беотию в ряды союзников персов (Hdt. IX. 86—88; Paus. IX. 6. 1—2).

При изучении генеалогии крупнейших афинских полководцев той эпохи бросается в глаза, что все они — цвет аристократии. Марафонский победитель Мильтиад, сын Кимона, внук Стесагора, и его сын Кимон, не менее прославленный полководец, принадлежали к древнему роду Филаидов, возводивших свое происхождение через Теламона и Эака к Зевсу³⁵. Другой знаменитый герой, командир афинских гоплитов при Платеях Аристид (Hdt. IX. 28), лидер аристократов происходил из семьи, вероятно, принадлежавшей к знатному элевсинскому роду Кериков (Plut. Arist. 2. 5. 25). Его политический противник, знаменитый Фемистокл (Hdt. VII. 143), командир афинских гоплитов в Фессалии (Hdt. VII. 173) и афинского флота в сражении при Артемисии (Hdt. VIII. 4—5) и при Саламинне (Hdt. VIII. 57—110), также из знатного жреческого рода Ликомидов (Plut. Them. 1; Paus. I. 37. 1). Вероятно, афинский триерарх Ликомед, первым захвативший персидский корабль в Саламинской битве (Plut. Them. 15), был его родичем. И позднее, в середине V в. до н. э., победившая афинская демократия выдвигала на должность стратегов наиболее родовитых людей: Перикла, сына Ксантиппа

³⁴ Hdt. VII. 6. 130. 172; Paus. VII. 10. 2; IX. 6. 1—2.

³⁵ Hdt. VI. 103—104; Paus. II. 29. 2—4; Plut. Sol. 10; Cim. 4. То еffer I. Attische Genealogie. B., 1889. S. 320. Taf. 6.

(Plut. Per. 3. 16) из рода Бузигов³⁶, знатного богача Никия (Plut. Nic. 2), Алквиада, сына Клиния (Plut. Alc. 13—15) из рода Эвпатридов (Plut. Alc. 1)³⁷, и многих других. Избрание стратегом Клеона, с нескрывасмой иронией описанное Фукидидом (Thuc. IV. 27. 3—29. 1), являлось редким исключением из правил. Аналогичную картину мы наблюдаем и в демократических Фивах эпохи Пелопида и Эпаминонда, которые происходили из родов, знаменитых в городе (Plut. Pel. 3).

Обращаясь к вопросу о роли аристократии в развитии военного флота, организации морских походов и руководстве непосредственными действиями на море, следует обратить внимание на свидетельство Плутарха о «вечных мореплавателях»

(αειπλοῦται) — влиятельных людях в Милете после изгнания Фоанта и Дамасенора (Plut. Quaest. Graec. 32), то есть во 2-й половине VI в. до н. э. По Гесихию (Hesych. S. v.), это были милетские власти. Эти сообщения стали предметом специального анализа³⁸ и сопоставления с «вечными мореплавателями» из Эретрии с Эвбеи (древнейшая надпись, где они упоминаются, датируется V в. до н. э.)³⁹. Автор пришла к выводу, что «вечные мореходы» VI в. до н. э. были крупными земельными собственниками, аристократами, строившими и содержавшими корабли, предназначенные для военных действий, пиратства и торговли⁴⁰.

По преданию, сохраненному Фукидидом, коринфяне первыми в Элладе стали строить корабли способом, похожим на современный Фукидиду, создали первые триеры (Thuc. I. 13. 2). Помощь в строительстве четырех кораблей (вероятно, триер) на Самосе была также получена из Коринфа, по вычислениям Фукидида, примерно за 300 лет до окончания Пелопоннесской войны (Thuc. I. 13. 3), то есть около 700 г. до н. э., во время правления в Коринфе аристократического рода Бакхиадов, выступающих, таким образом, в качестве организаторов строительства нового типа боевых кораблей. В конце их правления, около 660 г. до н. э. (за 260 лет до окончания Пелопоннесской войны), произошла первая в Греции морская битва между коринфянами и керкирянами (Thuc. I. 13. 3), с исполь-

³⁶ Toeffler I. Attische Genealogie... S. 317. Taf. 1.

³⁷ Toeffler I. Op. cit. S. 317. Taf. 2.

³⁸ Vélissaropoulos J. Les Naucleres grecs. Recherches sur les institutions maritimes en Grece et dans l'Orient hellénisé. Geneve — Paris, 1980. P. 21 suiv.

³⁹ Ibid. P. 22—26.

⁴⁰ Ibid. P. 21—26, 336.

зованием триер, сыгравших столь большую роль для Эллады.

В дальнейшем важнейшей морской державой стал Самос: во 2-й половине VI в. до н. э., когда на острове установилась тирания Поликрата, самосский флот господствовал в Ионии (Hdt. III. 39; Thuc. I. 13. 6). Поликрат располагал флотом в 100 пентеконтер (Hdt. III. 39) и минимум 40 триер, на которых он отправил опасных для него сограждан в Египет на помощь Камбису (Hdt. III. 44). Вероятно, более низкими боевыми качествами оставшихся у Поликрата судов и объясняется его поражение в морской битве с возвратившимися изгнанниками. Вряд ли можно сомневаться в аристократическом происхождении Поликрата: помимо его имени, об этом косвенно свидетельствует любопытный эпизод, передаваемый Геродотом (III, 142—143), когда один из уважаемых (δόκιμος) граждан Самоса, Телесарх, заявил наместнику Поликрата, Меандрию, что тот не достоин властвовать, так как он подлого рода (γευφῶνος τε κακῶς...). Логично предположить, что ранее Поликрату подчинялись, поскольку он имел благородство. Весьма знатными людьми были и командиры кораблей ионийского флота на персидской службе: члены кипрского царского рода (Hdt. VII. 98; VIII. 11), многочисленные тираны (Hdt. IV. 97. 137—138; V. 11. 36—38) и аристократы (Hdt. V. 33; VI. 50; VII. 195; VIII. 82).

В Афинах флотоводцами также были виднейшие аристократы. Так, стратегом двадцати кораблей, направленных на помощь восставшей Ионии, афиняне назначили Меланфия, одного из самых уважаемых афинских граждан (Hdt. V. 97). В сражении при Артемисии отличился Клиний, сын Алкивиада (и отец Алкивиада) из рода Эвпатридов, участвовавший в войне на построенной за свой счет триере (Hdt. VIII. 17; Plut. Alc. 1). Известно, что в битве при Микале афинским флотом командовал Ксантипп, сын Арифрона и отец Перикла, из рода Бузигов (Paus. III. 7. 9). О происхождении Фемистокла достаточно сказано выше.

Примеры можно умножить, но и приведенных достаточно, чтобы сделать вывод, что и после определенной демократизации военной машины греческие аристократы архаической и даже классической эпох сохранили (в том числе и во флоте) руководящее положение. Следует упомянуть еще одну вескую причину, способствовавшую сохранению позиций знатных военачальников: необходимость жертвоприношений перед сражением или походом богам и героям от лица всей общины⁴¹

⁴¹ Starr Ch. G. Op. cit. P. 333.

класса ремесленников и торговцев, использовавших в широких масштабах труд рабов; кратковременность тирании в большинстве полисов он объясняет тем, что быстрые темпы экономического развития в VII—VI вв. до н. э. вскоре превращали тиранию в преграду для дальнейшего развития рабовладельческого производства (ремесла и торговли)⁶. Возникновение и падение тирании П. Олива считает делом одной и той же социальной группы. Более того, важнейшим звеном в деятельности ранних тиранов он называет поддержку ремесленников и купцов как во внутренней, так и во внешней политике, однако недооценивает роль крестьянства в то время, полагая, что оно оставалось пассивной массой, в лучшем случае лишь содействующей богатым рабовладельцам в их борьбе против евпатридов.

Глубокое знание П. Оливой источников и литературы позволило ему дать всесторонний анализ тирании в Малой Азии и на островах Эгейского моря, на Коринфском перешейке и в Афинах. Исследователь приходит к выводу, что тирания создавалась в борьбе против родовой знати и поэтому выступала против неограниченного аристократического господства. В полисах Коринфского перешейка она носила антидорийский характер, стремясь ликвидировать привилегированное положение дорийских землевладельцев; в Афинах и в ионийских полисах Малой Азии тирания резко выступала против собственной родовой аристократии и в этом направлении немало содействовала ликвидации остатков родовой организации и укреплению возникающего рабовладельческого строя. Она сыграла важную роль в борьбе против родовой знати и ее опоры — родовых фил, в том числе и в области идеологии, например, введением новых культов (Диониса, Афины); в отдельных греческих полисах появляется научный взгляд на мир, на природу и на человеческое общество, возникает греческая материалистическая философия.

Ценным, на наш взгляд, в монографии П. Оливы является стремление выделить специфические особенности тирании в различных полисах Эллады. Исследователь прав, полагая, что тирания Писистрата не сыграла такой решающей роли в процессе образования рабовладельческого государства, как тирании в других высокоразвитых полисах Эллады. Продолжительность борьбы передовых общественных сил с родовой знатью в Афинах П. Олива объясняет тем, что они представляли собой гораздо больший земледельческий район, чем другие полисы,

⁶ Ленцман Я. А. Указ. соч. С. 88.

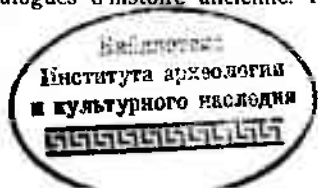
прошедшие ту же стадию тирании; поэтому позиции афинских евпатридов были гораздо сильнее, чем позиции аристократов в тех полисах, где сельское хозяйство играло менее значительную роль. Поэтому, развивая свою мысль П. Олива, в Афинах тирания и не устанавливается сразу: ей предшествует законодательство Солона, которое, с одной стороны, решало самый жгучий вопрос, освободив крестьян от рабства и запретив обеспечение долга личностью должника, с другой — вело осторожную политику по отношению к землевладельческой аристократии, устанавливая в качестве основания прав и обязанностей граждан ценз по величине получаемого ими с земли дохода, благодаря чему евпатриды еще сохраняли за собой сильные позиции. Серьезностью крестьянского вопроса в Афинах объясняется, почему Писистрат опирался в своем домогании тирании на обедневших и безземельных крестьян, требовавших раздела земли. Отсюда вытекает правильное суждение исследователя о том, что в отличие от истории других тираний, афинская не была еще последним словом в процессе образования афинского рабовладельческого полиса.

Нужно отдать должное П. Оливе и в констатации того, что было бы ошибкой односторонне переоценивать значение ранней тирании в истории архаической Греции. Тирания была только этапом в развитии рабовладельческих полисов. Ее характерным признаком является ее сравнительно краткое существование. Вскоре она становится тормозом для дальнейшего экономического и общественного развития Эллады. Подобно коринфскому тирану Персандру, и сыновья Писистрата в Афинах своим вмешательством в жизнь полиса только мешали развитию рабовладельческого хозяйства, в результате чего представители тирании вступают в конфликт с интересами тех общественных сил, которые до тех пор их поддерживали, и поэтому их власть падает.

Наблюдения о раннегреческой тирании П. Олива продолжил в последующих работах, активно дискутируя с зарубежными исследователями⁷. Свообразным итогом этой дискуссии явилась статья «Тирания в ранней Греции»⁸. Предполагая за-

⁷ Oliva P. Zur Problematik der frühen griechischen Tyrannis // ZG. 1959. Bd. 7. 869—874. Idem. Die Bedeutung der frühgriechischen Tyrannis // Klio. 1960. Bd. 38. S. 81—86.

⁸ Oliva P. Tyrannis v ranem Recku // LF. 1979. R. 102. S. 69—81. Idem. Die ältere Tyrannis // Wege der Forschung. Darmstadt. 1979. S. 226—244. Idem. The early Tyranny // Dialogues d'histoire ancienne. 1982. T. 8. P. 363—380.

имствование самого термина «тирания» из малоазийского обихода VII в. до н. э., он рассматривает ее как важный этап в развитии древнегреческих полисов. Было бы ошибкой, подчеркивает П. Олива, видеть в тиранах архаической Греции социальных реформаторов; скорее всего, они пользовались существующей социальной напряженностью для достижения своих собственных целей.

Подтверждая высказанное в упомянутой монографии мнение о том, что педизии Аттики были аристократами-землеладельцами, паралии — торговцами и ремесленниками, а диакрии, руководимые Писистратом, — малоимущими крестьянами и пастухами, П. Олива отрицает предположение буржуазных исследователей, считающих, что диакрии могут отождествляться с рудоколами Лаврийских рудников⁹.

Была отвергнута оценка Э. Клюве, данная им в отношении интерпретации тирании Писистрата П. Оливой. Последний подчеркивает, что Писистрат своими усилиями стабилизировал полис в экономическом и культурном развитии, способствовал процветанию различных групп граждан, что, естественно, благоприятствовало его хорошей репутации и укрепляло его политическую власть. Исследователь считает также необходимым упомянуть о наличии не только противоречий между аристократическими родами в Аттике, но и о социальных конфликтах, о чем свидетельствует спор 580—579 гг. до н. э. об избрании архонта.

Таким образом, приходит к выводу П. Олива, было бы неправильным пытаться умалить причины, приведшие к тирании, а также саму природу этой формы правления. Общие причины следует, по его мнению, искать в структурных изменениях архаических обществ. Благодатной почвой для зарождения тирании послужили растущее общественное недовольство и распри между отдельными аристократическими родами. Что касается самих тиранов, они принимали такие меры, которые обеспечили бы их автократическую власть; вначале выступали против своих соперников — аристократов, в дальнейшем поддерживали, хотя бы косвенно, тенденции, совпадающие с интересами остальных граждан.

К вопросу о возникновении Спартанского государства обращался П. Олива в работах 60—70-х годов¹⁰. В монографии

⁹ Oliva P. The early Tyranny. P. 370.

¹⁰ Oliva P. On the Problem of the Helots (Critical study) // *Historica*. 1961. T. III. P. 5—34. Idem. Die bürgerliche Gemeinschaft in Sparta // *Antiquitas graeco-romana ac tempora nostra*. Brno, 1968. S. 45—51; Idem. Das Lykurgische Problem // *AAnt* 1967. T. 15. S. 273—281.

«Спарта и ее социальные проблемы»¹¹ автор, ставя перед собой задачу анализа социального развития в эллинистической Спарте, рассмотрел также вопросы ее пред истории, в частности, дорийское вторжение на Пелопоннес, спартанскую диархию, землевладение, социальный статус населения, реформы Ликурга, а также Мессенские войны. Закономерно, что такая постановка вопроса вызвала оживленный интерес в марксистской и в зарубежной историографии. В. М. Строгоцкий, положительно оценивая концепцию П. Оливы о дорийском переселении и его хронологии, о возникновении спартанского государства и формировании его общественного строя, отдал должное исследователю и в том, что существующие в Спарте категории зависимости (илоты и перийки) складывались под влиянием завоеваний в условиях еще недостаточно развитой формы частной собственности на землю, что спартанский режим, приписываемый созданию Ликурга, является результатом постепенного развития спартанского общества¹².

Приняв точку зрения П. Оливы о том, что Ликургова ретра датируется VIII в. до н. э. и должна рассматриваться как выражение синойкизма, нужно согласиться с П. Оливой и В. М. Строгоцким, что в ретре отразились качественно новые процессы по сравнению с гомеровским обществом, начавшие совершенствоваться в Спарте после синойкизма. Утвердившееся в марксистской историографии, в частности, в работах Ю. В. Андреева¹³, мнение о том, что Спарта развивалась подобно Афинам по пути демократизации, проливает свет и на дискуссию П. Оливы с его рецензентом А. Эндрю¹⁴, проводившим параллель между ретрой и конституцией Клисфена. Правильнее, на наш взгляд, считать, как в свое время подчеркивал и В. М. Строгоцкий, что ранние следы системы конституционного правления прослеживаются в Ликурговой ретре, согласно которой герусия стала пробулевтическим органом для спартанского общества; следовательно, принятие ретры знаменовало начало ограничения влияния родоплеменных отношений и формирования спартанского полиса.

Нельзя не согласиться также с мнением П. Оливы и В. М. Строгоцкого в том, что чувство единства гражданского кол-

¹¹ Oliva P. Sparta a její sociální problémy. Praha, 1971.

¹² Строгоцкий В. М. Рец.: Oliva P. Sparta and her social Problems. Prague, 1971/ВДИ. 1974. № 3. С. 192—201.

¹³ Андреев Ю. В. Спарта как тип полиса // Вестник Ленингр. ун-та. 1973. № 8. Вып. 2. С. 48—56. Античная Греция. Т. 1. С. 194—216.

¹⁴ Andrewes A. Rec.: Oliva P. Sparta and her social Problems // Eirene. 1974. T. XII. P. 139—143.

лектива было в Спарте более выражено, чем в любом другом полисе Эллады, что могло быть обусловлено наличием еще сильных элементов родоплеменных отношений, а также тем, что в результате Мессенских войн спартанцы приобрели не только землю, но и власть над сельским населением, обрабатывающим эту землю. Наконец, необходимость сплочения спартиатов была вызвана опасностью восстаний пораженного населения — илотов. Описание П. Оливой обострения социальных противоречий, особенно после I и II Мессенских войн, создания «общины равных» и важной роли в этом процессе эфората — традиционно для марксистской историографии. Однако его мнение о том, что в архаической Спарте лишь выкристаллизовывались тенденции к развитию рабовладельческого полиса, несколько упрощено.

Касаясь вопроса об особенностях спартанского общества, П. Олива считает нужным объяснить их не только военной необходимостью. Это касается и сисситий, участие в которых было обязанностью и правом всех граждан.

Чехословацкий ученый подверг критике теорию К. М. Краймса о «феодальном» веке в Спарте, а также его мнение о том, что в архаический период в сисситиях принимали участие только аристократы и члены их дружин, а простые граждане были допущены позднее¹⁵. Аналогии можно найти и в других греческих полисах. Мужские союзы, например, известны в гомеровском обществе. Более тесные параллели с спартанскими сисситиями находим на Крите (согласно Аристотелю, спартанцы заимствовали этот институт на Крите, однако различие между ними было в том, что в Спарте в сисситии вносили вклад все граждане, а на Крите их покрывали из общественных средств)¹⁶.

Анализируя состояние землевладения в Спарте, П. Олива считает более правильной точку зрения В. Эренберга, полагавшего, что все спартанцы имели равные наделы из общественной земли, и, кроме того, отдельные из них обогачались за счет спартанской земли перийков¹⁷. Здесь, как и в родовых отношениях, сохранились свои особенности. Их общественную основу создавали, по мнению П. Оливы, пережитки старых дорийских племенных отношений. Они проявлялись, в частности, в том, что спартанцы были не собственниками, а держателями клеров.

¹⁵ Chrimes K. M. T. *Ancient Sparta*. Manchester, 1952. P. 245.

¹⁶ Arist. Pol. 2. 1271a. 28—30. 1272a. 2—4. 13.

¹⁷ Ehrenberg V. *Spartiaten und Lakedaimonier* // *Hermes*. 1924. Bd. 50. S. 48.

Проблему илоти в современной историографии П. Олива обобщил в специальной статье¹⁸. В монографии он обратился к наиболее известным теориям, дополнив их собственными наблюдениями. Как известно, в литературе илотов принято обозначать как рабов (иногда как государственных или общественных рабов), считают их и промежуточной между свободными и рабами категорией. П. Олива поддерживает мнение А. Б. Рановича, относящего илотию к «неразвитым типам рабовладельческого общества»¹⁹, что, на наш взгляд, ближе к истине.

Свои наблюдения по становлению афинской рабовладельческой демократии и связанной с ним законодательной деятельности Солона П. Олива обобщил в научно-популярной книге «Солон»²⁰. Автор считает синойкизм Тесея, предшествовавший деятельности Солона, позднейшей литературной фикцией и относит его к рубежу «гомеровского» и архаического периодов. К подобной фикции П. Олива относит и современную интерпретацию о существовании в Аттике родовых фил. Особое внимание уделяет он сейсахтеяе, тимократии, законам Солона и их роли в развитии афинской демократии. В книге дан также анализ тирании Писистрата и реформаторской деятельности Клисфена. Таким образом, книга П. Оливы делает попытку раскрыть проблему становления и развития афинской рабовладельческой демократии в целостном плане.

П. Олива продолжил исследование упомянутого круга вопросов в 70—80-е годы²¹. В частности, он подверг критике достоверность сведений античных авторов о встрече Солона с Крезом, а также сообщение Плутарха о разделении афинского населения Тесеем на три категории (евпатридов, геоморов и демиургов). Античные авторы, подчеркивает П. Олива, стремились соединить определенный этап развития афинского общества с наиболее популярным героем. Исследователь подтвердил также свое мнение о том, что синойкизм имел место в позд-

¹⁸ Строгоцкий В. М. Указ. соч. С. 192—201.

¹⁹ Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. С. 17.

²⁰ Oliva P. Solón. Praha, 1971.

²¹ Oliva P. Solónova ústava // Dějiny a současnost. 1964. R. 6. S. 38—43. Idem. Solon und seine Seisachteia // ZA. 1971. R. 21. Sv. 1. S. 103—122. Idem. Solon im Wandel der Jahrhunderte // Eirene. 1973. T. X. S. 31—65. Idem. Solon in der antike Komödie // Graecolatina et orientalia. 1973. T. 5. S. 25—33. Idem. Kroisos a Solon // Classica atque mediaevalia... Brno, 1975. S. 55—66; Idem. Die Geschichte von Kroisos und Solon // Das Altertum. 1975. Bd. 21. S. 175—181. Idem. Gesetze Solons und die athenische Polis // LF. 1983. R. 65—69.

негомеровской Греции или в начале архаического периода, и что он был длительным процессом, заключительным аккордом которого явилось присоединение Элевсина в VII в. до н. э.²² Тот же круг проблем, в частности, законодательство Солона, тирания Писистрата и реформаторская деятельность Клисфена, П. Олива обобщил в известной монографии «Возникновение греческой цивилизации», материал которой в значительной мере перекликается с содержанием книги о Солоне.

Историю ранней архаики затронул и Боузек, придя к выводу о том, что в конце VIII в. до н. э. в Аттике начинается застой, изоляция, и что власть там была полностью в руках евпатридов²³.

Менее интенсивно, по сравнению с предыдущими вопросами, изучалась в историографии ЧСФР Великая греческая колонизация. В 70-х гг. она рассматривалась преимущественно в вузовских пособиях и научно-популярных изданиях, в 80-е гг. к ней обратился П. Олива. Определенное влияние, на наш взгляд, на исследование этой проблемы в ЧСФР оказали научные симпозиумы, проводившиеся в Цхалтубо, в которых принимали участие и чехословацкие специалисты. Так, на II Всесоюзном симпозиуме по истории Причерноморья (1979) был заслушан доклад Я. Боузека «Кавказ, Греция и Гальштатская Европа в VIII—VII вв. до н. э.»²⁴, а на III симпозиуме (1982) — доклад П. Оливы «Древний союз между Македонией и Спартой»²⁵.

Вопросы колонизации рассматривались в пособии по истории первобытного общества и древнего мира под ред. Я. Печирки (он же автор раздела), однако только с точки зрения необходимости освоения новых земель и развития торговли²⁶.

В работе «Возникновение греческой цивилизации» П. Олива выступил против буржуазных историков, проводивших аналогию между Великой греческой колонизацией и политикой колонизаторов нового времени. Он определяет одну из причин раннего периода колонизационного процесса — демографиче-

²² Oлива P. Zrozeni řecké civilizace. S. 101—102. Ср.: idem. Vznik a vyvoj athénského státu // Dějepis ve škole. 1955. R. 2. S. 99.

²³ Боузек Я. К истории Аттики XI—VIII вв. до н. э. // ВДИ. 1962. № 1. С. 113. Прим. 46.

²⁴ Гяголашвили Е. Г. II Всесоюзный симпозиум по древней истории Причерноморья // ВДИ. 1982. № 1. С. 222.

²⁵ Гяголашвили Е. Г. III Всесоюзный симпозиум по древней истории Причерноморья // ВДИ. 1984. № 2. С. 219.

²⁶ Dějiny pravěku a starověku / J. Pečírka a kol. Praha, 1979. T. 1. 1. S. 480—487.

ский фактор и, в связи с ним, необходимость освоения новой территории; следующими причинами колонизации П. Олива называет необходимость торговли и классовую борьбу внутри полисов. Подчеркивая взаимопроникающую роль колонизационного процесса, П. Олива отстаивает фактор сильного влияния греческой цивилизации на этрусков начиная с конца VIII в. до н. э. Подобное влияние, по его мнению, греки оказали и на местное население Сицилии и Южной Италии; в свою очередь, эллины заимствовали искусство металлургии, теорию музыки и некоторые культы у народов Востока²⁷.

Вопросы колонизации были предметом внимания Р. Гошека и Я. Боузека²⁸. Они разделяют колонизационный процесс в ранней Элладе на три этапа. Начало второй колонизационной волны, направленной в Малую Азию, Южную Италию и на Сицилию, авторы датируют X—IX вв. до н. э. и считают ее продолжением старшей, микенской колонизации, основанной на системе факторий. Размах этой колонизации привел, согласно их мнению, к тому, что вместо факторий стали возникать эмпории, или города, подобные метрополиям. Подобное явление повторилось и во время третьей колонизационной волны, называемой Великой греческой колонизацией.

В докладе П. Оливы на XVI Международном конгрессе исторических наук в Штутгарте (1985)²⁹ автор стремился доказать, что все эмпории Причерноморья, предшествовавшие апойкиям, были вызваны необходимостью торговых отношений, а апойкии, возникшие на побережье Тирренского моря, диктовались сельскохозяйственными нуждами. П. Олива подтвердил высказанное раньше мнение о важной роли в колонизационном процессе демографического фактора и политической борьбы.

Исследователь коснулся также, в связи с колонизационным движением, проблемы сущности древнегреческих полисов и поддержал мнение Г. А. Кошеленко о существовании поляризации между городом («асти») и полисом (в смысле «город — государство»).

Что касается становления полиса в Афинах, П. Олива, по-

²⁷ O l i v a P. Zrození řecké civilizace. S. 64—85. Cp.: idem. Kolonisation als Phänomen der frühgriechischen Geschichte // *Eirene*. 1982. T. 19. S. 5—16.

²⁸ Hošek R. Země bohu a lidí. Pohledy do řeckého dávnověku. Praha, 1972. S. 42—66; Bouzek J., Hošek R. Antické Černomoří. Praha, 1978. S. 89—102.

²⁹ O l i v a P. Colonisation and the Rise of the Polis // *History and Society*. Published on the occasion of the XVIth International Congress of Historical Sciences in Stuttgart 1985. Prague, 1985. P. 205—232.

лемизируя с В. Эренбергом и некоторыми другими зарубежными исследователями, считает, что он возник на рубеже VIII—VII вв. до н. э., то есть задолго до реформ Солона, в период, когда была значительной роль греческих полисов в колонизации Средиземноморья. П. Олива не сомневается в том, что на протяжении VIII в. до н. э., или даже раньше, полис существовал, получив определенное экономическое, социальное и культурное очертание; о более раннем этапе мы знаем слишком мало, но можем предположить, что греки использовали и опыт развитых государств Ближнего Востока.

Таким образом, историки ЧСФР изучали проблемы развития архаической Греции всесторонне и достаточно глубоко. Их исследования отличает хорошее знание источников и литературы, убедительность аргументации и выводов. В целом эти работы вносят серьезный вклад в марксистскую историографию античной истории.

В. Г. БОРУХОВИЧ

Агесилай в Египте

Египетская экспедиция престарелого спартанского царя Агесилая особенно интересна в том отношении, что позволяет оценить объективность образа, созданного Ксенофонтом¹, стремившимся представить своего героя рыцарем без страха и упрека.

В действительности у Агесилая уже не оставалось и тени былых доблестей спартанских воинов, которыми они блистали во времена царя Леонида. И Агесилай, и его спартанское окружение превратились в худший сорт наемных вояк, готовых в любой момент предать нанявшего их патрона и перейти на сторону того, кто им больше заплатит. Агесилай был не столько полководцем (хотя он и обладал опытом ведения военных действий большого масштаба), сколько прожженным и бессовестнейшим политиканом. Пороки, которые ему уда-

¹ См.: Фролов Э. Д. Жизнь и деятельность Ксенофонта // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. ист. наук. 1958. № 251. Вып. 28. С. 41 сл.; См. также: Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975. Т. 24 сл.; *Greitenbach Xenophon* // RE. 2 R. 1967. Hbd. 18. Sp. 1571—1578. Фролов Э. Д. Ксенофонт и его «Киропедия» // Ксенофонт. Киропедия / Изд. подг. В. Г. Борухович и Э. Д. Фролов. М., 1976. С. 248; Лурье С. Я. Ксенофонт и его «Греческая история» // Ксенофонт. Греческая история / Пер. С. Лурье. Л., 1935. С. VIII.

валось как-то скрывать в молодые годы, к старости высветились в его характере со всей отчетливостью и определенностью, особенно в последний год жизни, проведенный на службе у египетских царей, постоянно восстававших против персидского господства и широко использовавших для этой цели греческих наемников (по традиции, установившейся со времен Саисских фараонов).

Агесилай вмешался в освободительную борьбу фараонов 30 династии при следующих обстоятельствах.

В 366 г. до н. э. знамя восстания против персидского царя подняли сатрапы Каппадокии Датам и Геллеспонта Ариобарзан. Последнему оказали помощь Афины, пославшие флот под командованием Тимофея, и царь Спарты Агесилай, явившийся туда с дипломатической миссией. Персидский царь поручил подавить мятеж сатрапу Лидии Автофрадату, которому должны были оказать в этом деле поддержку правитель Пафлагонии Котис и карийский династ Мавсол. Автофрадат осадил Ариобарзана в Ассе (небольшой город на севере Троады), но был вынужден снять осаду. Главную помощь Ариобарзану оказал афинский флот, Агесилай же, по обыкновению, занимался дипломатией². Но Ксенофонт, извращая истинное положение вещей, в указанном месте речи «Агесилай» изображает дело так, будто Автофрадат «испугался» Агесилая.

Вскоре восстание охватило всю Малую Азию, и к мятежникам присоединились сатрап Ионии Оронт, Мавсол и даже сам Автофрадат. Восставшие заключили союз с царем Египта Тахом и со Спартой в 362 г. до н. э. Движение «против великого царя» началось также в Сирии и Палестине: произошло «великое восстание сатрапов». Но восставшие действовали каждый на свой страх и риск, преследуя узко эгоистические цели, и это облегчало задачу персидскому царю. Дипломатическим путем (обещаниями включить в состав сатрапий новые территории), а также богатыми подарками он сумел переманить на свою сторону Оронта, главу мятежников. Оронт арестовал прибывших к нему от других сатрапов посланцев, которые привезли деньги для набора 20 000 греческих наемников,

² Xen. Ages. II, 26; Νεσρος, Dat. 5. В благодарность Ариобарзан передал Афинам Сест и Критоту на Херсонесе. Агесилая же вознаграждал деньгами, в которых так нуждалась Спарта («золото Ариобарзана весило больше, чем спартанские железные деньги» — саркастически замечает по этому поводу Бенгтсон — Bengtson H. Griechische Geschichte, 5 Aufl. München, 1979. S. 257.

что ныне, считаясь на словах союзником Спарты, он потребовал освобождения Мессенин»¹³.

Как мы увидим, «благодарность» Агесилая выразилась в том, что в самый критический момент он предал Таха, перейдя со своим наемным войском (наятым на деньги Таха) на сторону его противника (Ксенофонт делает неуклюжую попытку оправдать своего героя, но Плутарх в биографии Агесилая оценит этот факт по достоинству). Тем не менее демагогическая фразеология Ксенофонта отражает наличие издавна сложившихся связей между Египтом фараона Таха и Спартой, так нуждавшейся в это время в денежных средствах.

По сведениям Диодора, общее число наемников, поступивших на службу к фараону Таху, равнялось 10 000, но это несомненное преувеличение, как и количество египетских воинов Таха — 80 000. Агесилай, по словам Диодора, явился в Египет, захватив с собой 1000 спартанцев¹⁴. Сведения, которые Плутарх сообщает в биографии Агесилая, примерно совпадают со сведениями Диодора. По словам Плутарха, царь Агесилай на деньги, полученные им от фараона Таха, набрал наемников и с ними отплыл в Египет, захватив с собой 30 спартанцев в качестве советников¹⁵.

Данные Плутарха отличаются большей взвешенностью и интересны тем, что автор точно определяет состав войска Агесилая: это были наемники. Сведениям Диодора, согласно которым Спарту покинули 1000 спартанцев, доверять нельзя.

¹³ Речь идет о недавно основанном городе Мессена, возникшем вскоре после 369 г. до н. э., незадолго до приглашения Агесилая в Египет (Х е п. Ages. II. 29; P a u s. IV. 27, 9; P l u t. Agesil. 34). Потеря Мессени тяжело отозвалась на экономическом и политическом положении Спарты — см.: O l i v a P. Op. cit. P. 189. А. Тойнби пытался связать с этим фактом реформу эфора Эпитадея. См.: T o u n b e e A. The Growth of Sparta // J H S. 1913. 33. P. 272. Спартанцы упорно не хотели признавать Мессену независимым государством (N i e s e B. Beiträge zur griechischen Geschichte // Hermes. 1904. 39. S. 93). Вскоре после основания Мессены был заключен очередной договор «О всеобщем мире» по настоянию персидского царя (о нем упоминает Диодор — XV. 76). По-видимому, именно это вмешательство персидского царя, приведшее к признанию Мессены Коринфом и Фивами, имеет здесь в виду Ксенофонт («Всеобщий мир» мешал Спарте напасть на Мессену).

¹⁴ D i o d. XV. 9. 2. Эд. Мейер (Forschungen zur alten Geschichte. 1889. II. S. 508) относит появление Агесилая в Египте к лету 361 г. до н. э., и эта датировка наиболее вероятна. См. также: O l i v a P. Op. cit. P. 196.

¹⁵ Плутарх и Корнелий Непот (P l u t. Ages. 36; C. N e p o s. Ages. 8) сообщают, что Агесилаю было в это время 80 лет. Но, так как Агесилай умер, покидая Египет, в возрасте 85 лет, то можно сделать вывод, что в момент прибытия туда ему было уже далеко за 80.

Согласно Аристотелю, в Спарте этого времени насчитывалось всего 1000 граждан¹⁶. Командование флотом Тах поручил афинскому стратегу Хабрию, который, в отличие от Агесилая, прибыл в давно знакомый ему Египет по собственной инициативе, без решения соответствующих государственных органов Афин¹⁷. Хабрий был не только полководцем на службе у Таха, но и советником по политическим и экономическим вопросам. Он дал Таху несколько дельных советов, пользуясь которыми Тах изыскал средства для ведения войны с персами. По предложению Хабрия он оставил жрецам только десятую часть доходов, которые они получали раньше: остальные средства должны были поступить в царскую казну до окончания войны¹⁸. Ненависть к персам была столь велика, что жрецы охотно пошли на эту меру. Также по совету Хабрия Тах установил налог с оборота по продаже хлеба как с покупателя, так и с продавца в размере одного обола с артабы. Хлеб был главным предметом экспорта из Египта, и этот налог должен был принести особенно большой доход казне Таха. Был установлен также налог на ремесленников в размере одной десятой части дохода, и произведен заем у частных лиц. В данном случае Хабрий использовал государственный опыт Афин, где практиковался чрезвычайный военный налог (так называемая эйфора).

Готовясь к открытию военных действий, Агесилай посоветовал Таху оставаться в Египте и руководить военными действиями через своих полководцев, но Тах не внял этому совету, вероятно, потому, что не очень доверял Агесилаю.

Весной 360 г. до н. э. войско Таха, состоявшее из двух армий, вторглось в Палестину и Сирию. Одна из армий расположилась лагерем в Финикии. Воспользовавшись отсутствием Таха, оставленный в Египте наместник привел в исполнение план, сложившийся у него, как можно предполагать, еще ранее, и открыто заявил об отпадении от Таха. При этом он вступил в связь с командующим войсками Таха, находившимися в Сирии, — своим сыном, которого также звали Некта-

¹⁶ Aristot. Pol. II. 1270 A 23. Как подчеркивает Финли, в Спарте этого времени наблюдается catastrophic decline in manpower (Finley M. J. Politics in the Ancient World. Cambr., 1983. P. 116).

¹⁷ Хабрий выполнял функции адмирала, тогда как Агесилай командовал пехотой (C. Nepos. Chabr II: Aegyptiae classi praefuit, pedestribus copiis Agesilaus).

¹⁸ Aristot. Oeconom. II. 2. XXXVII. P. 1353 A.

небис (египетское имя — N H T — HR — H B J. T) ¹⁹. Есть основания считать, что самому Таху он приходился племянником ²⁰. Прикнув к восставшим против Таха, Нектанебис намеревался стать царем Египта. Так началась междуусобная борьба, значительно ослабившая силы Египта в борьбе за независимость.

Исход ее во многом зависел от того, какую позицию в ней займут наемники во главе с Агесилаем. Хабрий из всех сил уговаривал Агесилая не поддаваться на соблазнительные предложения претендента и сохранить верность Таху. Однако Агесилай его не послушал и занял откровенно враждебную позицию по отношению к Таху. Кинитц пытается объяснить поведение Агесилая тем, что Тах и его окружение насмеялись над непритязательной внешностью Агесилая ²¹. Когда Агесилай и его свита высадились в Египет, Тах и его ближайшее окружение были крайне разочарованы внешностью спартанского царя. «Перед ними был невзрачный старичок небольшого роста, лежавший в грубом простом плаще где-то в траве на берегу моря. Они не смогли удержаться от острот и смеха, говоря, что, по пословице, гора родила мышь» ²².

Параллели к этому рассказу моралиста можно найти в ряде других античных источников, но вряд ли следует принимать их на веру. Во всяком случае, циничного старого кондотьера, руководствовавшегося в своих действиях неизменно грубым расчетом и в душе глубоко презиравшего египтян, пренебрежительное отношение последних вряд ли могло взволновать. Решение Агесилая определялось только одним — величиной суммы, предложенной претендентом. Чтобы замаскировать свой предательский поступок, возможно, не вызывавший одобрения и некоторых его соратников, Агесилай отправил послов в Спарту для консультаций со спартанским правительством (а в действительности для того, чтобы формально утвердить уже принятое им решение). Туда же поспешили направить своих послов Тах и Нектанебис. Разумеется, спартанское правительство «утвердило» решение Агесилая, и тот сразу же поставил своих наемников на службу Нектанебису.

¹⁹ Струве В. В. Списки Манефона царей позднего Египта. М., 1935. № 5. С. 119; Meyer Ed. Kleine Schriften. B. II. Halle, 1924. S. 77. Претендент стал затем египетским царем Нектанебисом II. См.: Kienitz F. Op. cit. S. 172.

²⁰ Kienitz F. Op. cit. S. 97. Плутарх в биографии Агесилая прямо называет этого Нектанебиса племянником Таха.

²¹ Kienitz F. Op. cit. S. 96.

²² Plut. Agesil. 36.

Потеряв поддержку наиболее боеспособной части войска, Тах бежал к персидскому царю. Ему было суждено и умереть там, на чужбине, при дворе персидского царя, как мы узнаем из сообщения Элнана ²³.

Совершенно иной характер носит освещение этих событий у Диодора ²⁴. По его словам, в дельте Нила появился еще претендент на престол, собравший под свои знамена более 100000 воинов (Киниц справедливо называет эту цифру «бессмысленной») ²⁵. Тогда, якобы, Агесилай стал уговаривать Таха продолжать борьбу и ободрял его, заявляя, что число воинов в бою не является решающим фактором. Диодор далее рассказывает, как в последовавшем сражении Агесилай разбил войска противника Таха, и в результате одержанной победы Тах вернул себе власть над Египтом. Благодаря полководческому искусству Агесилая преимущество в силах, которым обладал претендент, оказалось бесполезным. После этого Тах наградил Агесилая богатыми подарками, и спартанский царь покинул Египет ²⁶.

Этот рассказ ни в малейшей степени не соответствует действительности. Вслед за Карштедтом и другими исследователями Киниц полагает, что здесь просто перепутаны имена: Нектанебис II назван Тахом, а новый претендент (как полагает Киниц, потомок XXIX династии) назван Нектанебисом ²⁷. Можно предположить, что источник, использованный Диодором, содержал преднамеренное искажение истины, причина которого понятна: он старался скрыть факт позорного предательства, совершенного Агесилаем. Подобная же тенденция ясно выражена в трудах Ксенофонта, написавшего после смерти Агесилая панегирик своему другу. Напротив, Плутарх в жизнеописании спартанского царя говорит о совершенном им предательстве. В оценке Плутарха отразилась другая, скорее всего, афинская традиция, по справедливости оценившая деятельность Агесилая.

В речи Ксенофонта «Агесилай» мы читаем о каком-то чувстве благодарности, которое Агесилай испытывал к Египту за оказанные Спарте благодеяния (имеется в виду, конечно, ма-

²³ A e l. Var. hist. V. 1.

²⁴ Di od. XV. 93. 2—6.

²⁵ Kienitz F. Op. cit. S. 98. Anm. 1.

²⁶ Рассказ Диодора весьма критически оценивается всеми новейшими исследователями. См.: Diodorus of Sicily. With an engl. Translation by Ch. Sherman. V. VII. London, 1952. P. 213. N 2.

²⁷ Kienitz F. Op. cit. S. 98; Kahrstedt. Forschungen zur Geschichte des ausgehenden V und IV Jdhrhundert. B. 1910. S. 4. Anm. 6.

териальная помощь). Если принять во внимание время, к которому относятся затрагиваемые в рассказе события, эти благодеяния должны были быть оказаны фараоном Тахом. Как-то намеки мы находим и у Ксенофонта в цитированной речи: «Агесилай совершил поистине удивительные деяния: и те, кто считал себя обязанным ему, и те, кто вынужден был бежать от его войск — все давали ему деньги»²⁸. Заметим попутно, что «удивительным» здесь является лишь корыстолюбие Агесилая, наложившее заметный след на его «подвиги». Вслед за цитированным местом Ксенофонт добавляет: «И Тах, и Мавсол, которые ради прежней дружбы с Агесилаем ссужали Спарту деньгами, отправляя его на родину, предоставили ему почетный эскорт»²⁹.

Отсюда можно сделать вывод, что Спарта получала от Таха деньги еще до того, как Агесилай отправился в Египет для принятия командования наемными войсками Таха. Возможно, что еще до поездки Агесилая, в 362 г. до н. э. Тах приступил к вербовке греческих наемников, пользуясь услугами Агесилая — к такому выводу приходит, например, Эд. Мейер³⁰.

Перейдем теперь к самому интересному месту речи Ксенофонта, где автор пытается как-то обелить своего героя. «Но после того, как египетский царь пригласил его, но не предоставил ему командования, Агесилай оказался жестоко обманутым и стал раздумывать, как поступить ему в дальнейшем. В это время от войска египетского царя, разделенного на две части, сначала отпала значительная армия, затем и все остальные оставили его. И сам царь, струсив, бежал, спасая свою жизнь, в финикийский город Сидон. Разделившись на две части, египтяне избрали себе двух царей. Агесилай подумал, что если он останется нейтральным, то ни один из обоих претендентов не выплатит эллинам жалованья за службу и не предоставит рынка для снабжения эллинских воинов припасами. Более того, тот, кто победит, непременно станет их врагом. Напротив, если он примет сторону одного из двух претендентов, то этот человек, добившись успеха, станет его другом. Рассуждая таким образом, Агесилай встал со своими воинами под знамена того, кто казался более дружелюбно настроен по отношению к эллинам. Одержав победу над другим претендентом, кото-

²⁸ Xenophon. Ages. II. 27.

²⁹ Там же. Необходимо, однако, отметить, что слово «Тах» в рукописях не читается и является конъектурой текста.

³⁰ Meyer E. d. Geschichte des Altertums. V. S. 454 ff.

рый относился к эллинам с ненавистью, он взял его в плен, первого же поддержал. Сделав последнего другом Спарты, Агесилай получил от него большую сумму денег и отплыл на родину, хотя была уже середина зимы»³¹.

Здесь необходимо сделать несколько пояснений, прежде чем перейти к анализу этого текста. Когда против Таха восстал его племянник Нектанебис (по другим версиям двоюродный брат), ставший затем фараоном Нектанебисом II, то в Мендесе, в дельте Нила, появился еще один претендент на египетский престол. Он также попытался привлечь на свою сторону греческих наемников во главе с Агесилаем, но тот оставил свой выбор на Нектанебисе. Предать одного за другим сразу двух патронов — это было слишком даже для Агесилая! Его не поняло бы и спартанское правительство, к которому он посылал своих порученцев с задачей всячески поносить Таха и хвалить Нектанебиса (как сообщает Плутарх в жизнеописании спартанского царя). Но главное, вероятно, заключалось в том, что предложенная Нектанебисом сумма вполне устраивала спартанского царя.

Анализ цитированного пассажа Ксенофонта показывает следующее. Автор пытается убедить нас, что Тах жестоко оскорбил Агесилая, не предоставив ему верховного командования над всеми войсками. Эта же мотивировка представлена и у Плутарха в биографии Агесилая. Но подобное условие и не входило в договорные отношения между Тахом и Агесилаем! Последний был лишь предводителем наемных войск, которые он набрал на деньги Таха. Еще во времена Саисских фараонов установился обычай, согласно которому египетские цари, использовавшие у себя на службе греческих наемников, не объединяли их со своими войсками, которые в греческих

источниках обычно называются *μαχιμοί*. Этим термином еще Геродот обозначал военное сословие египтян³². В Абу-Симбельской надписи времен фараона Псамметиха II мы ясно различаем два отряда войск фараона — египетский и греков-наемников, которые в надписи названы «иноязычными»

(*'αλ(λ)οῦλο(σ)οῖς*)³³. Если бы Агесилай рискнул выставить

³¹ Х е п. Ages. II. 30—31.

³² Ср., например, Herod. II. 30.

³³ Лучшее издание надписей Абу-Симбела см. в статье: Bernard A., Masson O. Les Inscriptions grecs d'Abou-Simbel // REG. 1957. T. LXX. P. 1—46; Cf. Jeffery L. The local scripts of archaic Greece. Oxf., 1961. P. 355 sq.

подобное требование о предоставлении ему верховного командования войсками Таха, то фараон это условие вряд ли стал бы выполнять — это ставило его в полную зависимость от Агесилая. В армии Таха, вторгшейся в Сирию и Палестину, египетскими «махимой» командовал египтянин, родственник Таха (что не помешало ему восстать против законного фараона).

Решающим обстоятельством, которое должно было определить позицию Агесилая в разгоревшейся гражданской войне, было то, что деньги для набора наемников он получил от Таха. У наемников выработался свой «кодекс чести», и Агесилай, перешедший на сторону Нектанебиса, грубо нарушил этот кодекс. Вот что пишет по этому поводу Плутарх: «Агесилай перешел с наемниками от Таха к Нектанебису, прикрыв интересами отечества» свой странный, необъяснимый поступок. Если отнять этот предлог, то мы с полным правом можем назвать этот поступок предательством»³⁴. В конце парной биографии Агесилая и Помпея, в своем наивном сравнении моральных качеств того и другого, всегда в общем добродушно настроенный моралист не смог умолчать о том, что Агесилай «достиг трона с помощью средств, заслуживающих порицания как со стороны богов, так и со стороны людей»; а в конце, оценивая достоинства Агесилая как полководца, он подчеркнул, что «если талант великого полководца заключается в том, чтобы заставить противника принять сражение, будучи сильнее его, и уклониться от боя, уступая ему численностью, то Агесилай всегда оставался непобедимым...». Надо учесть, что Плутарх всегда стремился представить великих греков достойными предшественниками римлян, и если он решил порицать Агесилая, то на это у него были веские причины. Он обладал великолепной библиотекой, где были собраны сочинения многих греческих историков, и не смог обойти молчанием отрицательную оценку поведения Агесилая, которую нашел в греческой историографии определенного направления.

Кратко изложим события, связанные с последними днями пребывания Агесилая в Египте.

Претендент из Меидеса запер войска Агесилая и его нового патрона Нектанебиса в одном из городов Дельты (Эд. Мейер, основываясь на так называемой «Демотической хронике», египетском источнике, изданном Шпигельбергом, полагает, что это был Гераклеополь)³⁵. Так как взять город штур-

³⁴ Plut. Ages. 37.

³⁵ Meyer Ed. Kleine Schriften. II. S. 80; C. f. Kienitz F. Op. cit. S. 98.

мом осаждающим не удалось, они стали окружать его валом и рвом, надеясь взять измором.

Агесилай между тем ждал выгодного момента, чтобы первому напасть на противника. Заметив, что тот ведет ров с двух сторон, он подождал, пока место, где обе части должны соединиться, не станет совсем узким: здесь он и решил атаковать осаждающих. Решение было разумным. Численное превосходство противника, который таким образом лишился возможности произвести маневр на поле боя, сводилось тем самым к нулю (прорытые части рва мешали ему произвести перегруппировку войск). В сражении Агесилай одержал победу, после чего помог Нектанебису утвердиться на престоле. События эти относятся примерно к зиме 360/59 г. до н. э.³⁶

Нектанебис II пытался удержать Агесилая на некоторое время в Египте, но тот торопился доставить в Спарту полученное вознаграждение, 200 талантов (цифра указана Корнелием Непотом в биографии Агесилая. Плутарх в жизнеописании спартанского царя называет сходную цифру — 230 талантов). Хотя была уже зима, Агесилай двинулся в ливийскую гавань (так называемую «гавань Менелая»), чтобы оттуда отплыть в Спарту, но скончался там в преклонном возрасте на 85 году жизни. Сопровождавшие его спартанцы опустили тело царя, которое по спартанским обычаям должно было быть залито медом (способствующим сохранности тела), в воск, за неимением меда, и так доставили его в Спарту³⁷.

Так окончил свои дни спартанский царь, оставив о себе двойственную память в трудах греческих историков. В оценке его деятельности победила апологетическая тенденция. Плутарх закончил биографию царя такими словами: «Сорок один год занимал он спартанский престол, из них более тридцати лет он стоял на вершине могущества и славы. До битвы при Левктрах он считался вождем и царем едва ли не всей Греции». (Plut. Ages. 40).

И. Р. БЛОХИНА

Выступление демократов в Сиракузах в IV в. до н. э.

В нашем представлении демократические тенденции в греческой истории тесно связаны с существованием полисной организации. Становление полиса сопровождалось, как правило,

³⁶ Kienitz F. Op. cit. S. 98.

³⁷ Ibid.

победами демоса над родовой знатью. Гарантии классического полиса обеспечивались активной позицией демократического большинства гражданского коллектива. Кризис полисной системы, разрушавший внутреннее единство греческих государств, проявился прежде всего в растущей имущественной поляризации, особом антагонизме олигархов и демократов. Известное признание Платона о существовании двух враждебных государств в каждом из полисов стало горькой формулой, отражающей реальную расстановку сил. В этих условиях демократическое движение трансформируется и все реже заявляет о себе как о силе, способной решать задачи восстановления единства граждан на прежней основе, все чаще используется как орудие борьбы за власть отдельными личностями.

Характерный пример выступления демократических сил можно наблюдать в Сиракузах, где пал в 356 г. до н. э. тиранический режим, просуществовавший более полувека. Экспедицию против тирании Дионисия Младшего организовали сиракузские аристократы, но немалую роль в успешном завершении предприятия сыграла поддержка широких масс сиракузян и других сицилийцев: за короткий срок армия Диона в Сицилии увеличилась с восьмисот человек до нескольких тысяч (Plut. Dion. 27; Diod. XVI. 9). На гребне этой волны освобождения в Сиракузах возродились демократические настроения. Плутарх подчеркивает, что для народа понятие обретенной свободы отождествлялось с надеждой на значительные демократические преобразования (Dion. 28).

Однако правление аристократа Диона, последовавшее за падением Дионисия, этих надежд ни в малой степени не оправдало. Тиранические замашки самого Диона, разгоревшаяся борьба за власть в среде сиракузской знати, финансовые трудности, усугубленные войной и необходимостью содержать большой контингент наемников — все это до предела обострило социальные отношения, заставило сиракузский демос сплотиться и заявить о своих требованиях.

О том, что представляли собой демократические силы города и их вожди, известно крайне мало. Носителями республиканских настроений были, несомненно, городские низы — контингент очень пестрый. Решающую роль приобретали моряки и ремесленники (ο ναυτικοὶ ἰοχοὶ καὶ βαναυσοὶ — Plut. Dion. 48). К ним примыкали, очевидно, малоимущие земледельцы. Весьма возможно, что в ходе нарастающей смуты часть наемников — несиракузян, недовольных своим положением в горо-

де, где было им обещано безбедное существование (Plut. Dion. 23. Ср. Nep. Dion. 5, 1), тоже выступила на стороне оппозиции Диону, то есть заодно с демократами. Показательно в связи с этим упоминание у Феопомпа о наемнике Архелаете из Димы, который оказался в числе демократов — правителей города после изгнания Диона (Frg. Hist. 115. F. 194). Особую активность демократическое движение приобретает после того, как сиракузский флот возглавил соперник Диона Гераклид, пользовавшийся популярностью у демоса, и после того, как флотом была одержана победа над силами тирана (Plut. Dion. 33—34. Diod. XVI. 2—4). Последнее обстоятельство давало демосу уверенность в своих силах и способствовало росту его претензий.

В это время выдвинулись и руководители движения. Можно строить лишь предположения о том, кто они. Плутарх называет их *οἱ δημαγωγοί*. По его словам, именно демагоги возглавили оппозицию Диону, настояли на его отставке, создали новое правительство — коллегия из 25 стратегов, а при возвращении армии Диона в город, бежали, обрекая себя на добровольное изгнание (Plut. Dion. 33, 37, 44, 47). Диодор же упоминает об ораторах-выскачках (*αἰχμοὶ δημαγωγοί*), которые подговаривали сиракузян не соглашаться с решениями Диона (XVI.17.1) ¹. Возможно, именно они стремились переманить наемников Диона на свою сторону (Plut. Dion. 38). Очевидно, правомерно отнести к руководителям демоса Сосида, выступившего с обвинением против Диона, а также Афанида — сиракузского историка и сторонника Гераклида, вместе с ним вошедшего в демократическую коллегия стратегов ². Одним из наиболее отчетливо представленных традицией вожakov народа был сиракузянин Гиппон: он внес радикальное предложение о перераспределении земли и домов в Сиракузах (Plut. Dion. 37).

Особое место в расстановке сил на арене борьбы за демократические преобразования занимал Гераклид — сиракузский аристократ. Прибыв в город с той же освободительной миссией, что и Дион, он верно оценил обстановку растущего

¹ Г. Берве полагает, что это относится прежде всего к сопернику Диона Гераклиду: Berge H. Dion (Abh. Akad. Mainz. Jg. 1956. N 10). Mainz-Wiesbaden, 1957. S. 85.

² См. Fuks A. Redistribution of land and houses in Syracuse in 356 B. C. and its ideological aspects // CQ. 18. N. 2. P. 212; Asheri D. Distribuzioni di terre nell'antica Grecia. Torino, 1960. S. 89.

недоверия сиракузян к стратегу-автократору и сумел ее использовать. Обладая, в отличие от высокомерного Диона, даром свободного общения с простыми людьми, Гераклид инспирировал все наиболее решительные действия демократов. Этот персонаж неоднозначно оценивается источниками: враждебная традиция, представленная Плутархом, восходит к члену Платоновой академии, другу Диона — Тимониду, в основе лояльного отношения Диодора и Непота лежат данные близкого к Гераклиду историка Афанида³. Противоречивость сведений рождает споры исследователей. Некоторые современные ученые разделяют мнение о Гераклиде как об убежденном демократе⁴. Но несомненно, ближе к истине другая точка зрения, согласно которой Гераклид — лишь ловкий политический авантюрист, не особенно разборчивый в выборе средств для достижения эгоистических целей⁵. Столь значительная роль этого политика в событиях 356 г. свидетельствует о слабости, разобщенности, стихийности демократического движения.

Для подавляющей массы сиракузян главной проблемой в это сложное время становится экономическое положение. Они ждали скорейших и действенных изменений. Конкретным выражением этого явилось требование перераспределения земли и домов, высказанное на народном собрании сиракузским демократом Гиппоном (*Plut. Dion. 37. Ср. Diod. XVI. 17. Nep. Dion. 6, 3*). Это требование — было ли оно продиктовано Гиппону Гераклидом, как утверждает Плутарх (*ibid.*), или сформулировано самими демократами — давно зрело в среде безземельного сиракузского демоса.

Аграрный вопрос в Сицилии, плодородные земли которой всегда служили основой благополучия сицилийских греков, в V—IV вв. до н. э. приобретает особую остроту. Неустойчивость социальной жизни полисов и растущая имущественная поляризация способствовали увеличению количества безземельных, а частые войны принесли разорение и гибель посевов. Идея справедливого перераспределения земли становится очень популярной в Сицилии.

³ Подробнее об этом см.: Porfer W. *Plutarchus life of Dion*. Dublin, 1952. P. 17—27; Drews R. *Diodorus and his sources // AJPH*. 1962. 83. № 4. P. 383—392.

⁴ Berve H. *Op. cit.* S. 81—82; Westlake H. *Dion. A study in liberation*. Durham Univ. Journal, 1945/46. Vol. 38. P. 43.

⁵ Fuks A. *Op. cit.* P. 212—213; Orth W. *Der syracusaner Herakleides als Politiker*. *Historia*. Bd. 18. 1979. Heft. S. 54—55.

Известны попытки решения проблемы. Так, при установлении тирании Гелона в начале V в. было предпринято наделение земель киллириев за счет крупных землевладельцев (Herod. VII. 155). В Леонтинах в 423 г. демократические силы столь активно выступили с требованием перераспределения земли, что состоятельные леонтинцы вынуждены были обратиться к Сиракузам. Только с их помощью беспорядки были ликвидированы, а территория Леонтин присоединена к Сиракузам (Thuc. V. 4). Затем, в 405 г. Дионисий Старший принял передел земли и домов в Сиракузах, сознавая значение этого преобразования для демоса и с его помощью готовя опору тирании в лице низших слоев сиракузян⁶. Ни одна из этих попыток не была вполне успешной.

К середине IV в. земельная поляризация усугубилась. Огромные владения сиракузской верхушки, включавшие лучшие земли, контрастировали с массой обедневших землевладельцев. Восстановление свободы для последних едва ли могло считаться окончательным, пока не было ликвидировано такое положение⁷. Естественно, что предложение Гиппона было восторженно встречено большинством собравшихся, значительную часть которых составляла «корабельная чернь» — самая безземельная и активная в политическом отношении часть жителей Сиракуз. В городе, по подсчетам А. Факса, этот контингент должен был насчитывать не менее 10—12 тысяч⁸. Но наряду с фактором стихийной силы, поддержавшей решение, мы сталкиваемся с продуманным обоснованием требования. Оно отчетливо звучит у Плутарха: «Равенство — начало свободы, бедность — начало рабства» (Dion. 37).

Это обоснование проливает некоторый свет на характер задуманного передела земли. Смелая формула наводит на мысль, что это была идея перераспределения всей земли и домов в Сиракузах с целью достижения всеобщего имущественного и социального равенства — самый радикальный тип передела из четырех, выделенных в специальной работе Ашерри⁹. Идея, определяющая не только политическое, но и экономическое содержание понятий «свобода» и «рабство», уста-

⁶ Впрочем, из фонда земель, конфискованных у политических противников, наделами были обеспечены прежде всего наемники Дионисия и отпущенные на волю рабы (Diod. XIV. 7, 4—5), а также окружение тирана. Подробнее об этом переделе см.: Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979. С. 95.

⁷ Ascheri D. Op. cit. S. 89—90.

⁸ Fuchs A. Op. cit. P. 214.

⁹ Ascheri D. Op. cit. S. 88, 89.

навливающая взаимозависимость важнейших факторов существования общественного блага — (сама по себе замечательна. Но, возможно, не следует переоценивать ее революционную роль (именно так поступает в статье, посвященной переделу земли в Сиракузах, А. Фукс)¹⁰, потому что, во-первых, она возможно была действительно продиктована Гераклидом и тогда приобретает демагогический привкус, и, во-вторых, она имела мало оснований для реального воплощения по причине общей слабости демократического движения. Скорее, демократы могли рассчитывать на распределение между беднейшими земель и жилищ свергнутого тирана и его окружения (Плутарх сообщает о расправе сиракузян с прислужниками тирана при приближении войска Диона к городу (Dion. 28), сам же Дион разочаровал демос своим лояльным отношением к бывшим царедворцам — Ibid).

Беспомощность демократии обнаруживается и в том, что передел, по-видимому, произведен не был, хотя осуществлением его и должна была заняться вновь избранная — после изгнания Диона — коллегия стратегов (Plut. Dion. 38). Далее — новая волна смуты: наступление войск тирана на город, возвращение Диона, отмена им закона о переделе и возобновление борьбы с Гераклидом, роспуск флота и убийство Гераклида — смела демократическое движение в Сиракузах.

Итак, демократическое движение оставалось одной из форм борьбы греческого полиса за свое существование. В Сиракузах оно приобрело широчайший размах, оживив деятельность народного собрания и заставив противника считаться с требованиями низов. Демократическая мысль поднимается до признания равенства как основы свободы: Но отсутствие в течение длительного времени у граждан политической инициативы, подмененной инициативой сильной власти, а также существование сильного противника в лице землевладельческой знати, позиции которой оставались прочными, сводили на нет позитивные процессы. Демократы в Сиракузах выступают как аморфная сила, лишенная руководителей, способных самостоятельно отстаивать их требования. В результате, демократическое движение становится орудием борьбы за власть отдельных честолюбцев вроде Гераклида. В этой аморфности следует видеть далеко зашедшее разложение основных черт полисной жизни.

¹⁰ F u k s A. Op. cit. P. 27.

**Лозунг освобождения греков
в межгосударственных отношениях
Восточного Средиземноморья (III — II вв. до н. э.).**

Проблема «освобождения греков» в эпоху эллинизма не осталась без внимания исследователей: отдельные ее аспекты детально рассмотрены западными (М. Олло, А. Хойсс, М.-Л. Хайдемани, Э. Бэдиан, Э. Грюн) и советскими (А. Б. Ранович, Ю. Е. Журавлев) антиковедами. Однако считать ее окончательно решенной преждевременно; в частности, не исследован достаточно полно вопрос о месте лозунга освобождения греков в системе средств дипломатии, межгосударственных отношений в период позднего эллинизма. Одни современные авторы переоценивают значение этого лозунга (так, Ю. Е. Журавлев считает его этапом во внешней политике Рима¹), другие принижают его роль в международных отношениях (например, Эрих Грюн, который рассматривает лозунг освобождения греков лишь как средство дипломатии²).

Появление и широкое распространение в эллинистическом мире лозунга освобождения греков связано с кардинальной проблемой эпохи — проблемой взаимоотношения полиса и монархии. В условиях возросшего военно-политического значения территориальных монархий в греко-эллинистическом мире полисы потеряли прежнюю независимость. Однако иллюзии греков о возможности свободы полисов сохранились.

Так было не только в период борьбы диadoхов за власть, но и в более позднее время. Немало выразительных примеров того, как греки ценили свою свободу в конце III — начале II в. до н. э., приводит Полибий. Одним из них является речь Агелая при заключении мира в Навпакте в 217 г. до н. э. Обращаясь к македонянам, этолийский стратег призывает завершить союзническую войну. В уста именно этого оратора Полибий вкладывает знаменитую метафору о «поднимающихся с запада (αλο της σπληρας) тучах (νεφη)» (Polyb. V. 104. 10). Под этими тучами подразумеваются, по-видимому, не только римляне, но и карфагеняне: кто бы из них ни победил, они не будут довольствоваться Италией, а устремят свои

¹ Журавлев Ю. Е. Лозунг борьбы за свободу греков в римской политике 90-х гг. II в. до н. э. // Проблемы всеобщей истории. М., 1974. С. 299.

² Gruen E. S. The hellenistic world and the coming of Rome. Berkeley a. o., 1984. V. 1. P. 132—157.

взоры на восток и попытаются положить конец греческой свободе. Против этой самой страшной для греков опасности — потери свободы — и выступает Агелай. Он призывает греков к бдительности и единению под руководством Филиппа (Polyb. V. 104).

Полибий в качестве критерия для оценки столь сложного и распространенного в его время явления, как предательство, указывает пограние в корыстных интересах законов (*νόμους*), лишение сограждан свободы (*τὴν ἐλευθερίαν*) и вольностей (*λαρρησίαν*) — (Polyb. XVIII. 14, 9).

Таким образом, возникшее противоречие между реальной потерей полисной свободы и иллюзией ее обладания в сознании греков создало основу для широкого распространения пропагандистского лозунга освобождения. И эллинистические правители действительно широко использовали его в политической борьбе друг с другом.

Усилиями ряда западных антиковедов³ доказаны эллинистические истоки лозунга освобождения, используемого римлянами. В результате сложилась определенная схема того, как применялся этот лозунг. Основные элементы ее следующие:

1) диадохи первыми применили его; здесь называются обычно имена Антипатра, Полиперхонта, но особенно часто — Антигона и Деметрия, использовавших лозунг против Кассандра;

2) затем его применили римляне в своей внешней политике;

3) в борьбе с ними Антиох III обращается к лозунгу освобождения греков как к контрпропагандистскому средству;

4) и, наконец, как только римляне отказываются от этого лозунга, он сходит с арены международных отношений.

Эта схема, которой нельзя отказать в четкости, переходит из одной исследовательской работы в другую и уже давно стала общим местом, однако она значительно упрощает и даже искажает историческую реальность. На самом деле лозунг освобождения греков использовался во взаимоотношениях эллинистических государств и греческих городов на протяжении всего III в. до н. э. Нарративные источники, правда, не

³ См.: Gruen E. S. Op. cit. V. 1. P. 133—142; Petzold K.-E. Die Eröffnung des zweiten römisch-makedonischen Krieges. B., 1940. S. 37; Sherwin-White A. N. The Roman citizenship. 2-nd ed. Oxford, 1973. P. 175—176; Taubler E. Imperium Romanum. Leipzig, 1913. Bd. 1. S. 434—436.

дают почти никакого материала; но надписи убеждают в том, что в первые три четверти III в. и Птолемен (Птолемей II и Птолемей III) и Селевкиды (Селевк I, Антиох I и Антиох II) применяли в качестве технических терминов такие, как *ελευθερία*, *αυτονομία*, *δημοκρατία*, *αφορολογία*⁴. Дело здесь не только в терминах; хотя эпиграфические свидетельства очень фрагментарны, за ними прослеживается вполне определенная внешнеполитическая реальность, в которой лозунг освобождения занимал прочное место.

Иначе обстоит дело с материалом о лозунге освобождения у Антигонидов. В надписях III в. до н. э. не удалось обнаружить почти ничего; исключение, казалось бы, составляет политика Филиппа V. Вероятно, объяснение этому следует искать в степени полноты нарративных источников по истории эллинистического мира III в. до н. э. Можно предположить, что если бы сохранились более полно сочинения античных авторов по истории этого периода, мы имели бы дополнительный материал о распространении лозунга освобождения греков в политической практике эллинистических правителей.

Данные Полибия и некоторые надписи позволяют судить о довольно активной пропагандистской политике Филиппа V в области освобождения греков. Разместив в Лисимахии гарнизон, македонский царь заявил, что сделал это не ради угнетения ее народа, но для его защиты (Polyb. XVIII. 4, 5—6). Еще в 218 г. до н. э. Филипп попытался заключить союз с элейцами, пообещав защитить их от внешних врагов и дать свободу по уже ставшей классической формуле: они должны быть свободны (*ελευθεροῦς*), избавлены от гарнизонов (*αφρουρητοῦς*) и уплаты подати (*αφορολογητοῦς*) и жить по своим государственным установлениям (*τοῖς ἰδίοις πολιτεύμασι* — Polyb. IV. 84, 5). По-видимому, македонский царь добивался присоединения Элиса к симмахии⁵, но попытка эта не увенчалась успехом (Polyb. IV. 84, 6—9). Позже, в 203 г. до н. э., жители Фасоса сдали город Филиппу в ответ на его предложение освободить их от гарнизона, выплаты дани и предоста-

⁴ См., например, Syll.³ 434, l. 13—18; Syll.³ 463, l. 5—6; Syll.³ 390, l. 12—15; OGIS, 45, l. 13—15; OGIS, 222, l. 15—18; OGIS, 223, l. 21—28; OGIS, 226, l. 5—7; OGIS, 228, l. 7—9; OGIS, 229, l. 7—12, 67—68. Cf. Gruen E. S. Op. cit. P. 138—140.

⁵ Walbank F. W. Philip V of Macedon. Hamden, 1967. P. 49.

вить им возможность жить по собственным законам ($\nu\omicron\mu\omicron\sigma\tau\omicron\sigma$ — Polyb. XV. 24, 2—3). По всей вероятности, македонский правитель не воздержался от пропагандистских заявлений и когда приказал выкупить из рабства димеев, захваченных в плен римлянами в ходе первой римско-македонской войны, и вернул гражданам Димы не только свободу (*libertatem modo*), но и родину (*patriam* — Liv. XXXII. 22, 10). Около 201 г. до н. э. он отправляет на остров Нисирос письмо, обещая его жителям, что они будут жить по отеческим законам ($\nu\omicron\mu\omicron\sigma\tau\omicron\sigma\ \mu\alpha\tau\epsilon\rho\iota\omicron\sigma$ — Syll³ 572, 11. 16—20)⁶. Примечательно, что все эти примеры относятся ко времени, предшествовавшему самому первому обращению римлян к лозунгу освобождения греков.

Можно утверждать, что этот лозунг стал характерным и весьма устойчивым элементом в системе взаимоотношений эллинистических государств на протяжении всего III в. до н. э. И произошло это потому, что он был тесно связан с политическими и идеологическими реалиями эпохи.

Попытки найти нечто подобное в римской внешнеполитической истории до 200 г. до н. э. оказались безрезультатными⁷. Когда развитие восточной политики Рима привело его к столкновению с эллинистическими государствами, римляне стали свидетелями широкого использования лозунга освобождения. Здесь закономерно встает вопрос: почему римский сенат взял на вооружение этот чисто греческий (или, точнее говоря, эллинистический) лозунг как пропагандистское средство во внешней политике? И почему это произошло именно в ходе второй римско-македонской войны? Ответы на эти вопросы, видимо, следует искать в отношении греков к римлянам вплоть до второй войны Македонии с Римом. Интересный материал есть у Полибия.

Раньше была упомянута речь этолийского стратега Агелая в Навпакте: в ней римляне рассматриваются как потенциальные порабитатели Эллады.

В 210 г. до н. э. в ходе первой римско-македонской войны на народном собрании в Спарте этолиец Хленей убеждает лакедемонян в необходимости присоединения к этолийско-

⁶ Cf. Gruen E. S. Op. cit. P. 141; Heidemann M.-L. Die Freiheitsparole in der griechisch-römischen Auseinandersetzung (220—188 v. Chr.). Bonn. 1966. S. 12.

⁷ Gruen E. S. Op. cit. P. 133, 143—145.

римской коалиции. Его важнейшие аргументы — это резко негативное изображение политики македонских царей, в частности, Филиппа V (Polyb. IX. 28; 29; 30, 1—2) и македонян вообще (Ibid. IX. 29, 12). Хорошая возможность для выступления с проримской речью здесь оказалась неиспользованной⁸.

Зато противник Рима акарнанский посол Ликиск, выступавший на том же собрании, что и Хленей, рисует яркий и выразительный портрет римлян, не жался при этом темных красок: они — варвары (Polyb. IX. 37, 5), с которыми неприлично заключать союз (συμμαχῆσαι — IX. 38, 5). Если война между греками есть состязание за славу и превосходство, война римлян с греками имеет целью порабощение эллинов (IX. 39, 3). Оратор приводит конкретные факты грубости и жестокости римлян⁹.

Примерно так же характеризует римлян и представитель нейтрального государства — Родоса — Фрасикрат, выступающий в 107 г. до н. э. в этолийском собрании с целью склонить этолян к миру с Филиппом (Polyb. XI. 4—6).

Таким образом, речи эллинов, представленные у Полибия, свидетельствуют о негативном отношении греков к римлянам¹⁰. Это отношение сводится к двум характеристикам: 1) римляне — варвары; 2) они стремятся поработить Элладу. Можно предположить с большой долей уверенности, что о таком отношении греков в римском сенате было известно. Римскому руководству для достижения дипломатического и военного успеха в *bellum Philippticum* — в этой весьма важной для Рима войне — необходимо было предпринять такие шаги, которые помогли бы снять негативное отношение к ним греков или, по меньшей мере, его нейтрализовать. И тогда, по-видимому, римский сенат обращается к лозунгу, столь близкому и понятному каждому греку. Он оказался очень удобным, ведь под его прикрытием можно было проводить прежнюю внешнюю политику, не меняя существенно ее принципы. Содержание лозунга не противоречило содержанию ультимативных требований, предъявленных Филиппу накануне второй римско-македонской войны (Polyb. XVI. 27, 2; 34, 4), напротив, вытекало из них и было логическим их про-

⁸ Ibid. P. 322; Heidemann M.-L. Op. cit. S. 15.

⁹ Heidemann M.-L. Op. cit. S. 16—17.

¹⁰ Cf. Gruen E. S. Op. cit. P. 323—325; Heidemann M.-L. Op. cit. S. 17—19.

должением¹¹. Тот факт, что римляне воспользовались греческим лозунгом, свидетельствует о внешнеполитической гибкости римского сената, его умении приспособляться к конкретным условиям места и времени.

М.-Л. Хайдеманн, специально занимавшаяся этим вопросом, убедительно показала, что римляне не сразу пришли к той формуле освобождения греков, которая была провозглашена на Истмийских играх в 196 г. до н. э.¹² Римская концепция освобождения складывалась в ходе военной и дипломатической деятельности Тита Фламиния в 198—197 гг. до н. э. Взяв на вооружение эллинистический лозунг, римляне оставили его содержание в сущности неизменным. На Истмийских играх проконсул Тит Фламиний от имени сената и римского народа объявил, что греческие города должны быть свободны, лишены гарнизонов, освобождены от подати, управляться по своим собственным законам: как передает Полибий, ελευθεροῦς, ἀφροουρητοῦς, ἀφορολογητοῦς, νομοῖς ἑσόμενοι τοῖς πατρίοις (XVIII. 46, 5); Тит Ливий дает еще более лаконичную форму освобождения: *liberos, immunes, suis legibus esse* (XXXIII. 32, 5). Радость была всеобщей (Polyb. XVIII. 46, 6—15; Liv. XXXIII. 32, 6—33, 8; Appian. Mac. 9, 4; Plut. Tit. 10, 4—11, 4). Провозглашение вызвало у греков удивление и ликование, видимо, не потому, что формула была неизвестной, а потому, что они слышали ее из уст тех самых римлян, которых в Элладе прежде считали варварами и поработителями¹³. По всей вероятности, римский сенат достиг своей цели: представление о римлянах у греков коренным образом изменилось.

Весьма показательна эпитафия Алкея Мессенского (Anth. Pal. XVI. 5), относящаяся к этому времени:

Некогда Ксеркс приводил на Элладу персидское войско,
И из Италии Тит войско с собою привел.

¹¹ Holleaux M. *Rome and Macedon: The Romans against Philip* // САН. Cambridge, 1930. V. 8. P. 160—166; Bickermann E. *Les préliminaires de la seconde guerre de Macédoine* // *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes*. P., 1935. V. 61. P. 165; McDonald A. H., Walbank F. W. *The origins of the Second Macedonian War* // *Journal of Roman Studies* L. 1937. V. 27. P. 194—197; Walbank F. W. *Op. cit.* P. 131, 134; Will E. *Histoire politique du monde hellénistique* (323—30 av. J.-C.). Nancy, 1982. V. 2. P. 133—134.

¹² Heidemann M.-L. *Op. cit.* S. 22 ff.

¹³ Gruen E. S. *Op. cit.* P. 146.

Но если первый стремился ярмо (*δοῦλον ζυγόν*) наложить
(*θητῶν*) на Европу, —

Освободить от ярма (*ἀμλαγῶν δουλῶσιναι*) хочет Элладу
второй.

(Пер. Л. Блуменау).

Здесь римляне сравниваются с персами — классическим типом варваров — и выгодно от них отличаются¹⁴.

У Полибия и в некоторых надписях греки называют Фламиния *εὐεργετής καὶ σωτήρ* или просто *σωτήρ*¹⁵. Кажется, здесь создается культ правителя; и тем самым, римский полководец приравняется к эллинистическому правителю.

Римляне умело использовали различные способы для передачи лозунга: письма правителям и городам, посольства, прямое провозглашение свободы при большом стечении представителей греческих полисов (как это было на Истмийских играх в 196 г. до н. э.). Своим объектом римская пропаганда имела не только правящие круги отдельных эллинистических государств и городов, но и целые народы, что, в частности, свидетельствует о международном характере отношений в Восточном Средиземноморье этого времени.

Важно отметить, что лозунг освобождения применялся римлянами на греко-эллинистическом Востоке наряду с другими пропагандистскими средствами. Так, во время войны с Персеем римские послы отправились по городам Пелопоннеса явно пропагандистскими целями: показать мягкость и благосклонность сената — *τὴν τῆς συγκλήτου πραότητα καὶ φιλοφροσύνην*, а также дать понять грекам, что римляне в равной степени недовольны как теми, кто уклоняется от дружбы с ними, так и своими противниками (Polyb. XXVIII. 3, 3—5). Это было эффективное средство, поощрявшее деятельность проримских группировок в полисах Эллады.

Если сопоставить содержание лозунга освобождения греков с той реальной политикой, которую Рим проводил под этим лозунгом, то становится очевидным его пропагандист-

¹⁴ Walbank F. W. *Alcaeus of Messene, Philip V, and Rome* // *Classical Quarterly*. L., 1943. V. 37. P. 2—3; Heidemann M.-L. *Op. cit.* S. 36.

¹⁵ Polyb. XVIII. 46, 12; IG. XII. 9. 931; Syll.³ 592; cf. Liv. XXXIV, 50, 8.

ский характер. В исследовательской литературе неоднократно отмечалось, что римляне поддерживали в Греции те группировки, которые ориентировались в своей политике на Рим; и это было, как правило, представители олигархических кругов греческих полисов¹⁶, хотя имелось немало исключений — политическая картина Эллады того времени была многокрасочной! В любом случае сенат оставлял за собой право трактовать содержание лозунга¹⁷. Достаточно вспомнить, какую волну возмущения со стороны большинства граждан Беотии вызвало вмешательство римлян во внутренние дела этого греческого государства¹⁸.

Накануне римско-сирийской войны на собрании магнатов Еврилох, занимавший высокую должность стратега (магнетарха), в пылу речи высказал вполне справедливое мнение, что город Димитриада только с виду свободен, а в действительности здесь все творится по мановению римлян (Liv. XXXV. 31)¹⁹.

Античные авторы сообщают об успешном использовании Римом лозунга освобождения греческих полисов Малой Азии в борьбе с сирийским царем Антиохом III; и современные исследователи подробно изучили этот исторический сюжет²⁰. Однако есть свидетельства, позволяющие судить о том, что римляне применяли отдельные элементы формулы освобождения и после Антиоховой войны (192—188 гг. до н. э.). Например, во время третьей римско-македонской войны для

¹⁶ См., например, Журавлев Ю. Е. Указ. соч.; Heide mann M.-L. Op. cit. S. 44; cf. Holleaux M. Op. cit. P. 195.

¹⁷ Scullard H. H. Roman politics: 220—150 B. C. Oxford, 1973. P. 108.

¹⁸ Polyb. XVIII. 43, 8; о дальнейших трагических событиях в Беотии см. *ibid.* XX. 4—6.

¹⁹ Cf. Heide mann M.-L. Op. cit. S. 62—63. Джэкоб Ларсен, задавшись выяснением вопроса «Была ли Греция свободна и в период с 196 по 146 гг. до н. э.?» (а именно так называется одна из его статей — см. Larsen J. A. O. Was Greece free between 196 and 146 B. C.? // *Classical Philology*. 1935. V. 30. P. 193—214), пришел к выводу, что если Эллада и была свободна, то она была свободна только поступать так, как того желал Рим (*ibid.* P. 209). Такого же мнения придерживался Морис Олло, считая, что в «освобожденной» Элладе (в 194 г. до н. э.) большинство государств, хотя и в различной степени, были зависимы от Рима (Holleaux M. Op. cit. P. 195).

²⁰ Holleaux M. Rome and Antiochus // *CAH*. Cambridge, 1930. V. 8. P. 199—240; Heide mann M.-L. Op. cit. S. 48—76; Walbank F. W. Philip V of Macedon. P. 186—221; Scullard H. H. Op. cit. P. 128 ff.; Will E. Op. cit. P. 195—223; Bengtson H. *Griechische Geschichte; Von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit*. München, 1979. S. 457—462; Gruen E. S. Op. cit. V. 1. P. 148—152; *ibid.* V. 2. P. 538—550.

восстановления свободы (*in libertatem*) города абдеритов римский сенат отправил в Грецию своих уполномоченных (Liv. XLIII. 4, 12). Это произошло лишь после того, как абдерские послы поведали сенаторам о бесчинствах римских полководцев. В столь неприятной для римлян ситуации потребовалось пропагандистское средство, и его вновь использовали.

В новейшей литературе лозунг освобождения греков обычно рассматривается как средство именно римской дипломатии; между тем в первой половине II в. до н. э. он, по-видимому, широко применялся многими эллинистическими правителями и некоторыми греческими городами. Это касается не только Антиоха III, который, прибыв в Европу накануне римско-сирийской войны, взял на себя, как сообщает Полибий, решение двух трудных задач: *την τε των Ελληνων ελευθεροσιν* и вести войну против римлян (Polyb. XX. 8, 1; cf. Liv. XXXV. 32).

В противовес Риму на этот лозунг ссылаются этолийцы (Liv. XXXIV. 23, 8—10). Их контрпропаганда оказалась весьма эффективной: не без ее влияния, а также из-за все возрастающего в греческом мире недовольства римским военным присутствием сенат был вынужден вывести свои войска из Эллады в 194 г. до н. э. — на этом настоял «освободитель греков» Тит Кв. Фламиний (Liv. XXXIV. 43; 48—50; Diod. XXVIII. 13). Если верить Плутарху, именно этолийцы посоветовали Антиоху III в качестве предлога (*προφασιν*) для войны с римлянами избрать освобождение греков — *ελευθεροσιν τους Ελληνας* (Plut. Tit. 15,1).

По всей вероятности, к лозунгу освобождения греков обращался в своей политике Филопемен. После того как этот видный политический деятель присоединил к Ахейскому союзу Спарту, спартанские аристократы надеялись обрести в лице Филопемена стража свободы — *φυλακα της ελευθεριας* (Plut. Phil. 15, 5). Даже если предположить, а это маловероятно, что ахейский стратег был непричастен к тому, что говорили и думали знатные лакедемоняне, и что в его политическом лексиконе не было терминов из формулы освобождения греков, приводимый Плутархом факт позволяет все же судить о том, насколько широко был распространен среди населения Эллады этот пропагандистский стереотип.

Римляне, по утверждению Персея, открыто стремились поработить Македонию — *Macedoniam in servitutem petere* (Liv. XLII. 52, 15—16). И царь в войне с ними, как и его отец Филипп V, рассматривал себя человеком, который освободит мир (*orbem terrarum*) от владычества римлян — *ab imperio Romano* (Liv. XLII. 50. 9).

К сожалению, характер дошедших до нас источников таков, что не позволяет во всей полноте проследить использование этого лозунга правителями эллинистических государств и отдельными греческими полисами.

Закономерен вопрос: почему борьба римлян с эллинистическими царями — Филиппом, Антиохом III, Набисом, Персеем и др. — под лозунгом освобождения греков оказались столь успешной? Не последнюю роль в этом сыграло то, что римляне, как правило, всегда верно соотносили свою пропаганду с реальной политической действительностью; даже в противоборстве с сильными противниками им удалось разумно сочетать различные средства внешней политики: военные, политические, идеологические. Этого нельзя сказать о внешнеполитической деятельности эллинистических царей в первой половине II в. до н. э. Так, Антиох III, по-видимому, слишком поверив в эффективность пропаганды в городах Греции и забыв о важности других средств, стал жертвой своей веры²¹. Ведь неслучайно великий полководец — замечательный стратег и тактик — Ганнибал порицал сирийского царя за то, что тот, готовясь к войне с Римом, не уделяет должного внимания своей армии (Liv. XXXVI. 7).

Таким образом, лозунг освобождения греков был весьма распространенным идеологическим (пропагандистским) средством в межгосударственных и международных отношениях Восточного Средиземноморья как в III в., так и в I-й половине II в. до н. э.²² Для римлян, которые взяли на вооружение этот эллинистический лозунг и смогли мастерски применять его во внешней политике, он стал одним из наиболее эффективных средств, позволивших Риму достичь своих целей на греко-эллинистическом Востоке в первой половине II в. до н. э.

²¹ Cf. Heidem ann M.-L. Op. cit. S. 70.

²² Мнение Эриха Грюна о том, что практика применения этого лозунга существовала в эллинистическом мире вплоть до конца II в. до н. э. (op. cit. P. 156), хотя и представляет интерес, но источниками почти не подтверждается.

Фольклорные мотивы в изображении Артемиды древнегреческими поэтами (Пиндар и Телесилла) ¹

Образ Артемиды с древнейших времен привлекал внимание поэтов, которые, по-видимому, еще до Гомера охотно использовали его в соответствии со своими поэтическими замыслами, и потому образ богини, не исчерпывающийся представлениями архаической религии (сколь бы важной она ни была для поэтов) и восполненный фантазией, отличался от Артемиды как прямого объекта культа.

Среди различных функций, которыми наделяет Артемиду Гомер, одной из важнейших является способность и склонность богини нести смерть. Так, в «Илиаде» она послала смерть матери Андромахи (VI, 482), убила дочь Беллерофонта (VI, 205). Сюда же относится пожелание гибели Брисеиды (пусть и ирреальное), которое высказывает Ахилл (XIX, 59). В «Одиссее» она убила Арнадну, дочь Миноса (XI, 324), и жертвами ее стрел стал охотник Орнион (V, 123). Часто Артемида действует заодно со своим братом Аполлоном. В «Илиаде» она убивает дочерей, а Аполлон — сыновей Ниобы (XXIV, 606). В «Одиссее» она вместе с Аполлоном, тихо сойдя на землю, перебивает состарившееся поколение острова Сироса (XV, 410).

Об Артемиде — носительнице смерти говорит и Пиндар, повествуя о гибели Корониды, пораженной золотыми стрелами Артемиды по просьбе разгневанного Аполлона (Пиф. III, 10), и в рассказе о мести Артемиды Титию, посягнувшему на Лату-ну (Пиф. IV, 90).

На фоне такого материала в лирической поэзии имеются фрагменты, в которых Артемида выступает в роли, казалось бы, ей несвойственной. Спасаясь от преследования, Артемиды у Пиндара и Телесиллы, вместо того чтобы, по своему обыкновению, расправиться с преследователями стрелами, как и подобает грозной богине, неожиданно предпочитает действовать хитростью: то превращается в лань, то скрывается в толпе нимф, измазав лицо илом.

В первом случае речь идет о фрагментах Пиндара. В переводе М. Л. Гаспарова эти фрагменты звучат так:

¹ Рукопись депонирована с некоторыми изменениями в ИНИОН СССР № 11845 от 21 дек. 1982 г. Редкол. журн. Вестник ЛГУ. Сер. история, язык, литература. Л., 1982.

...Быстрые всходи в крутые взметнув небеса...

Вбили друг в друга копыя обоюдной смерти...²

В лемме сказано, что здесь говорится об Оте и Эфиальте. Из «Одиссеи» мы знаем, что От и Эфиальт — это братья-великаны, угрожавшие богам взгромоздить гору Осса на Олимп, а на Оссу — Пелион и так достичь неба, за что были убиты стрелами Аполлона (XI, 307—320). О смерти Алоадов на острове Наксосе упоминает Пиндар (Пиф. IV, 89).

Более понятным становится фрагмент Пиндара, если сравнить его с рассказом автора «Библиотеки» (I, 7,4): «Артемиде уничтожила Алоадов на острове Наксосе, прибегнув к обману. Приняв образ лани, она прыгнула и встала между ними. Алоады же, пытаясь поразить животное дротиками, пронзили друг друга» (Пер. В. Г. Боруховича)³.

Таким образом, у Пиндара представлен любопытный фольклорный мотив — хитрость, с помощью которой обычно более сильных противников заставляют сражаться и даже убивать друг друга. Этот мотив обследован в справочнике Стифа Томпсона (1082. 0.1.K.1082.2)⁴. Он широко распространен у многих народов: в Греции, Германии, Индии, Исландии, Африке, Индонезии, среди коряков и эскимосов.

Приведем несколько примеров этого универсального мотива из античной литературы. В мифе об аргонавтах есть эпизод, когда Язон по совету Медеи бросает камни среди воинов, выросших из посеянных в землю зубов дракона, в результате чего каждый воин, думая, что это делает сосед, вступает с ним в сражение (Аполлодор I, 9,23; Апол. Род. III, 1364—1380; Гигин 28).

Таким же образом поступает и Кадм, бросая камни среди Спартов (Аполлодор III, 4,1).

В позднем варианте мифа, переданном Гигином (28), излагается одна из вариаций известного из «Одиссеи» рассказа: когда Алоады посягнули на Артемиду, Аполлон, защищая ее, послал между ними лань, целясь в которую, они убили друг друга копиями.

² Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты / Изд. подг. М. Л. Гаспаров. М., 1980. Фрагм. 162—163.

³ Аполлодор. Мифологическая библиотека / Изд. подг. В. Г. Борухович. Л., 1972.

⁴ Thompson St. Motif-Index of Folk-Literature. 2-nd. Bloomington, 1955—1958. 6 Vols.

Близкий к изложенному выше фольклорный мотив находим в немецкой сказке «Храбрый портняжка» братьев Гримм⁵. Портняжка, взобравшись на дерево, под которым спали два великана, бросает в них камни. Великаны просыпаются. Каждый из них, думая, что камни бросает его сосед, вступает в драку, которая кончается смертью обоих великанов.

Точно такой же сюжет и в корякской сказке «Хитрый Вика»⁶. Вика, как и портняжка, с дерева бросает камни в спящих на земле великанов. Они просыпаются и вступают в драку.

Подобный сюжет представлен и в исландской саге⁷. В ней рассказывается, как сын бедного крестьянина, мстя за отца, на пиру у короля приколачивает гвоздями одежду кутил к скамьям. Когда пьяные обнаруживают происшедшее, каждый думает, что это проделки другого — тогда король и его люди начинают убивать друг друга.

У индейских племен Северной Америки этот мотив связан с ведьмами, имеющими острые локти. Они имели обыкновенные сажать между собой человека, попавшего в их жилище, и протыкать его насмерть своими острыми локтями. Но герой обманывает старых ведьм, помещая между ними какой-нибудь предмет. Думая, что между ними сидит их гость, те начинают колоть друг друга, пока не протыкают насмерть⁸.

Итак, универсальность интересующего нас мотива (хитрость, при помощи которой более сильных противников заставляют сражаться и даже убивать друг друга) не может вызвать сомнения.

Рассмотрев фрагмент Пиндара, обратимся к фрагменту песни поэтессы VI в. до н. э. Телесиллы. Сохранилось два стиха:

Артемиде же, о девы,
Бежавшая от Алфея.

Эту песню старался реконструировать Р. Герцог⁹, по мнению которого далее излагался сюжет, известный нам из «Описания Эллады» Павсания (VI. 22,8): «Алфей влюбился

⁵ Grimm. Вг. Kinder und Hausmärchen. В., 1959. N. 20.

⁶ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М., 1974. № 138.

⁷ Jiriczek O. L. Amletsage auf Island. Germanistische Abhandlungen. Breslau, 1896. Hf. 12. S. 103.

⁸ Lowie R. H. The Assiniboine // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. 1910. Vol. IV. Part 1. P. 183—184.

⁹ Herzog R. Auf den Spuren der Telesilla // Philologus. 1912. 71. S. 1—23.

в Артемиду, но, влюбившись и поняв, что ни убеждениями, ни просьбами ему не склонить ее на брак, он решился овладеть богиней насильем; он явился в Летрины на ночной праздник, справляемый самой Артемидой и нимфами, которые, веселясь, присоединились к ней и сопровождали ее на праздник, но Артемиду, подозревая Алфея в злом умысле, вымазала лицо грязью и илом, как у себя, так и у тех нимф, которые тут были, и, когда пришел Алфей, он не мог отличить Артемиду от других и вернулся, не выполнив своего намерения (Пер. С. П. Кондратьева).

Как и в рассматриваемом фрагменте Пиндара, Артемиду опять выступает в несвойственной ей роли. Как будто забыв о своих смертоносных стрелах, она идет на хитрость: измазав себя и других илом, становится неузнаваемой.

Подобный мотив встречается в сказке братьев Grimm «Девушка-дикарка» (№ 65). Дочь короля, видя, что нет никакой возможности отвлечь от себя страсть отца, бежит из дома в лес, делая себя совершенно неузнаваемой: она вымазывает себе лицо и руки сажей.

Задача, которая стояла перед Алфеем — узнать Артемиду среди подобных ей нимф, — встречается во многих сказках. Узнавание определенного лица в толпе совершенно сходных с ним лиц происходит в долганском мифе: прозорливец во сне пытается узнать среди трех совершенно одинаковых по внешнему виду девушек умершую дочь старика¹⁰. Этот же мотив встречается во многих русских, белорусских и украинских сказках: «Учитель и ученик»¹¹, «Ивашка, белая рубашка, горький пьяница»¹², «Хитрая наука»¹³, «Морской царь и Василиса премудрая»¹⁴, «Ох»¹⁵ и другие¹⁶, а также в индийском эпосе (Дамаянти среди пяти похожих друг на друга муж-

¹⁰ Долганский фольклор. М., 1937. С. 65.

¹¹ Садовников Д. Н. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884. № 64.

¹² Садовников Д. Н. Указ. соч. № 1.

¹³ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. М., 1938. Т. 2. № 249—252.

¹⁴ Афанасьев А. Н. Указ. соч. № 219—220.

¹⁵ Рудченко И. Народные южно-русские сказки. Киев, 1870. С. 109.

¹⁶ Романов Е. Р. Белорусский сборник. Сказки. Вып. 6. Могилев, 1901. № 32; Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. I. СПб., 1891. № 28; Романов Е. Р. Белорусский сборник. Т. I. Вып. 3. Сказки. Витебск, 1887. № 15—16.

чин выбирает Наля)¹⁷, в индонезийских преданиях¹⁸, в еще одной сказке братьев Гримм¹⁹ и в вариантах былины о Садко²⁰.

Итак, перед нами мотив явно фольклорного происхождения — героиня прячется среди себе подобных.

Наряду с существованием такого мотива, вероятно, было и празднество, какой-то местный культ, в котором, как предполагает Л. Венигер²¹, разыгрывалось представление: Артемида пряталась среди нимф, а Алфей пытался узнать ее. М. Нильссон²² также говорит, что лицо, намазанное илом, напоминает глиняные маски из Спарты, и считает, что намазывание лица происходило в культе в духе общей тенденции к переодеванию и надеванию маски²³.

В. Я. Пропп²⁴ отмечал, что задача — узнать искомого среди равных — встречается не только в мифах и сказках, но и как элемент свадебного обряда, зарегистрированный по всей Европе вплоть до XIX века.

Этот фольклорный мотив — узнавание определенного лица среди неотличимо похожих, использованный поэссой VI в. до н. э., дожил почти до наших дней. У Н. В. Гоголя²⁵, который часто черпал сюжеты из народной поэзии, мы находим очень близкую параллель в повести «Майская ночь, или утопленница», когда Левко пришлось среди русалок, одинаковых по внешнему виду, узнать ведьму.

Вернемся к фрагментам греческих поэтов. Артемида, оказавшись в трудной ситуации, могла бы немедленно распра-

¹⁷ Махабхарата. Сказание о Нале / Пер. с явд. Б. А. Смирнова. Ашхабад, 1959. III. Гл. 56.

¹⁸ Dixon R. B. Miscellaneous Tales // The Mythology of all Races. Boston. 1916. Vol. IX. P. 216—239.

¹⁹ Grimm. Op. cit. N. 62.

²⁰ Онежские былины, записанные летом 1871 года А. Ф. Гильфердингом. М.; Л., 1949—1950. I. С. 654; Былины / Под ред. В. Миллера. М., 1908. С. 265.

²¹ Weniger L. Der Artemisdienst in Olympia und Umgegend // Neue Jahrbücher für das klassische Altertum. 1907. Bd. 19. S. 103—105.

²² Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. Bd. I. S. 491; Greek Popular Religion. New York. 1940. P. 16.

²³ О масках, найденных в храме Артемиды Орфии в Спарте, см.: Bosanquet R. C. The Cult of Orthia as Illustrated by the Finds // The Annual of the British School at Athens. 1905—1906. N. 12. P. 338—343.

²⁴ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 302.

²⁵ Чудаков Г. И. Отражение мотивов народной словесности в произведениях Н. В. Гоголя // Университетские известия. Киев. 1906. № 12. С. 1—37.

виться со своими преследователями — с Отом и Эфиальтом (у Пиндара) и с Алфеем (у Телесиллы). Ведь именно так она поступила с Буфагом, который, как и последние, осмелился на нее посягнуть: «Говорят, что Артемида поразила своей стрелой Буфага на горе Фолое, дерзнувшего посягнуть на богиню» (Пер. С. П. Кондратьева. Павс. VIII. 27, 17).

Безусловно, и Пиндару, и Телесилле были хорошо знакомы основные функции и важнейшие места культа богини Артемиды. Не менее известен был им и ее грозный поэтический образ у Гомера. Однако наряду с этим, вне всякого сомнения, тем же поэтам были отлично известны и фольклорные мотивы, бытующие в народе независимо от рассказов о богах — о том, как девушка, спасаясь от преследования мужчины, скрывается в толпе себе подобных, или, как человек, попавший в трудное положение, хитростью заставляет опасных противников сражаться и убивать друг друга. И вот поэты с успехом используют эти увлекательные мотивы в традиционном материале поэзии, перенося их с безымянных народных образов на богиню из олимпийского пантеона.

Таким образом, сюжеты, введенные Пиндаром и Телесиллой, представляют собой поэтическую обработку универсальных фольклорных мотивов, в результате чего в их произведениях и возникают новые черты в облике богини, отличающиеся от ее грозного первообраза у Гомера, в основном определившего позднюю традицию.

Е. В. СМЫКОВ

Марк Антоний и политика *clementia Caesaris*

В ноябре 42 г. до н. э. в битве при Филиппах была уничтожена последняя армия Римской республики.

*Cum fracta virtus et minaces
Turpe solum fetigere mento.*

«В тот день и мужество низвергнулось в борьбе,
И грозные бойцы в крови легли во прахе», —

писал позже Гораций, в молодости отдавший дань республиканским увлечениям (Ног. Сarg. II. 7. 11—12. Пер. А. А. Фета). Республиканцы, уцелевшие в сражении и не попавшие в руки победителей, искали спасения в бегстве на острова Средиземного моря, в Малую Азию и к парфянам.

Римская республика как реальная политическая сила перестала существовать¹.

По заключенному после сражения договору Марк Антоний получил в свое ведение урегулирование дел на Востоке, куда он и отбыл в начале 41 г., имея ближайшей целью сбор денег для уплаты легионам². Начался новый, очень важный и сложный период его биографии, период, реальное содержание которого подверглось наибольшему искажению и фальсификации в духе позднейшей официальной пропаганды.

Наши источники (за исключением Плутарха) сравнительно мало говорят о деятельности Антония на Востоке в 41—36 гг. до н. э.; но и данные Плутарха для этого промежутка времени имеют весьма относительную ценность, поскольку его интересует в первую очередь «скаandalная хроника» александрийского двора, и он весьма усердно повторяет все сплетни и слухи об Антонии и Клеопатре, распущенные в свое время их политическими противниками с тем, чтобы опорочить Антония и противопоставить ему его коллегу по триумвирату. Тенденция эта выражена Плутархом со всей отчетливостью: «В Риме Цезарь (Октавиан. — Е. С.) был изнуряем смутами и войной, а он сам (Антоний), вернувшись к прежнему образу жизни и страстям, вполне наслаждался покоем и миром» (Plut. Ant. 24). За Плутархом часто следуют и современные историки, даже не пытаясь вскрыть политический смысл поведения триумвира на Востоке³.

Более объективную картину можно получить, используя в комплексе сообщения античных авторов и данные, полученные из нумизматических и эпиграфических источников.

Довольно подробную информацию о деятельности Антония на Востоке в 41 г. до н. э. содержит сочинение Аппиана (App. BC. V. 2—12). Его рассказ ценен, во-первых, тем, что довольно полно освещает промежуток времени от прибытия Антония на Восток до встречи его с Клеопатрой, о котором поч-

¹ Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. Пг., 1918. С. 88; Bengtson H. Marcus Antonius: Triumvir und Herrscher des Orients. München, 1978. S. 150; В. С. Сергеев последней организованной силой Республики считает флоты Секста Помпея и Домиция Агенобарба. См.: Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима. М., 1938. Ч. I. С. 356—357.

² Конец 42 г. Антоний провел в Греции (Plut. Ant. 24). Г. Бенгтсон считает, что он хотел собрать деньги и здесь, но оставил это намерение, поняв, что поживиться в ней нечем. См.: Bengtson H. Op. cit. S. 156.

³ См.: Бабст И. Антоний и Клеопатра // Прописки. М., 1854. Т. 4. С. 179; Кравчук А. Закат Птолемея. М., 1973. С. 158; Groebe P. Antonius... Der Triumvir // RE. 1894. Hbd. 2. Sp. 2605.

ти ничего не говорится у Плутарха, а, во-вторых, он свободен от столь любимых Плутархом дешевых эффектов и моралистических сентенций⁴.

Согласно Аппиану, Антонию сдались находившиеся на Востоке остатки республиканской армии; он помиловал всех, кроме непосредственных участников убийства Цезаря (App. BC. V. 4). Капитулировали и республиканцы, нашедшие прибежище на острове Фасос, передав при этом в руки победителя «сколько было на Фасосе денег и оружия, много продовольствия и большое количество других припасов» (App. BC. IV. 136) Часть прощенных врагов сразу же перешла к нему на службу; некоторые из них в дальнейшем входили в ближайшее окружение триумвира⁵.

Такое отношение к приверженцам враждебной партии не было обычным в период гражданских войн в Риме (достаточно вспомнить, что в Италии в 41 г. еще продолжались кровавые проскрипции триумвиров), да и сам Антоний отнюдь не отличался кроткостью и великодушием, что видно хотя бы на примере Цицерона, которого не спасли ни слава оратора, ни, может быть мнимое, заступничество Октавиана. Очевидно, причины снисходительности к республиканцам лежат не в его личных качествах, и нужно искать другое объяснение.

До Антония за всю историю гражданских войн в Риме один только Цезарь «позволил себе роскошь быть милостивым к побежденным»⁶. Это был Цезарь. В работах, посвященных исследованию его деятельности, неоднократно указывалось, что милосердие это было связано не столько с положительными сторонами его характера, сколько с политическими расчетами⁷. Цезарь откровенно писал своим друзьям: «Пусть это будет новый способ побеждать — укрепляться состраданием и милосердием» (*misericordia et liberalitate* (Cic. Ad Att. IX. 7 с. 1—2). обстоятельную характеристику

⁴ Как писал Маркс, «у него моралистическая манера убивает всякое теоретическое и практическое бескорыстие... Даже превращение целого народа в навозную кучу дает желанный повод к тому, чтобы предаться сладостным морализующим мечтаниям» // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 76.

⁵ К ним относятся, например, Гн. Домиций Агенобарб, предок императора Нерона, и Кв. Деллий, автор не дошедших до нас мемуаров.

⁶ Борухович В. Г. После мартовских ил 44 г. до н. э. // Античный мир и археология. Саратов, 1983. Вып. 5. С. 123.

⁷ Ковалев С. И. История Рима Л., 1986. С. 440; Машкин Н. А. История древнего Рима. М., 1950. С. 357; Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1984. С. 293, 296.

clementia Caesaris дал С. Л. Утченко⁸; он отмечал, что политика эта оказалась очень действенной в военных условиях и способствовала складыванию общественного мнения Италии в пользу Цезаря и массовым дезертирствам из республиканской армии в его собственную.

Таким образом, Антонию на Востоке великолепно удалось применить опыт своего гениального предшественника; результаты не замедлили сказаться — он в короткий срок прибрал к рукам остатки республиканской армии; особенно важно то, что при этом удалось избежать военных действий и вмешательства в них парфян, подстрекаемых Лабиемом, послем Брута и Кассия при дворе парфянского царя (*Iust. XLII. 4. 7; Dio Cass. XLVII. 24*). В дальнейшем эта же политика сделала возможным присоединение к армии Антония республиканского флота Гн. Домиция Агенобарба (*App. BC. V. 55; Dio Cass. XLVIII. 29.2; Suet. Nero. 3*)⁹.

Большое значение имела политика Антония и для его борьбы за главенство в цезарианской партии. Вопрос о том, кто из двух вождей партии — Антоний, за которым была слава соратника Цезаря и победителя при Филиппах, или Октавиан, «молодой Цезарь», за которым не было блеска военных побед, но зато он носил прославленное имя, — будет в глазах армии наследником великого диктатора, стоял очень остро. В этой борьбе за статус политического наследника Цезаря в ход шло все¹⁰, и *clementia* была, несомненно, сильным козырем в руках Антония именно из-за следования политическим традициям диктатора.

Однако еще более важным делом, чем отношения с остатками республиканцев, была для Антония выработка политической линии по отношению к зависимым от Рима царствам и малоазийским полисам. К этой стороне его деятельности античные авторы наиболее беспощадны. В их изображении действия Антония абсолютно произвольны, лишены логики

⁸ Утченко С. Л. Указ соч. С. 293—297.

⁹ Впрочем, имя Антония пользовалось уважением у республиканцев еще до битвы при Филиппах: Брут возражал против того, чтобы убить его вместе с Цезарем (*Plut. Ant. 13; Brut. 18*), а после Филипп пленные, встречая презрительным молчанием Октавиана, величали его коллегу императором.

¹⁰ Л. Кеппи полагает, что этой цели служило даже распределение легионов между Антонием и Октавианом после Филипп; по его мнению, статус наследника Цезаря должно было подчеркивать число старых цезаревых легионов в армии каждого из триумфиров. См.: Kappie L. The making of the Roman army. Totowa (N. J.), 1984. P. 133 f.

и вообще приличны для восточного деспота гораздо больше, чем для римского полководца. Дион Кассий утверждает, что он, переправившись «на азиатский материк... к одним прийдя сам, а к другим послав, облагал контрибуцией города и продавал царства» (Dio Cass. XLVIII. 24. 1); Плутарх говорит о том, что после прибытия в Азию Антония стали осаждать цари, а царицы соперничали между собой, помогаясь его благосклонности (Plut. Ant. 24). В целом сведения об этом периоде политической биографии триумвира наполнены анекдотами и скандальными подробностями, относящимися больше к его образу жизни, чем к политике; однако некоторые существенные детали содержатся и в этой крайне тенденциозной и враждебной Антонию информации.

На время резиденцией Антония в Азии стал Эфес — город, в который он собрал представителей населения провинции и выступил перед ними с речью (App. BC. V. 4)¹¹. Его въезд в город сопровождался пышной церемонией, в которой сам он изображал Диониса (Plut. Ant. 24). Довольно часто историки просто констатируют этот факт¹², или сводят все к субъективным моментам — желанию Антония подражать эллинистическим монархам¹³, тому, что он чувствовал себя земной копией Диониса¹⁴, или, не веря всерьез в свою божественность, играл роль подобно актерам греческой комедии¹⁵. С таким подходом трудно согласиться полностью, потому что он не учитывает совсем или учитывает лишь в незначительной степени политическую обстановку и религиозные традиции Востока. В этом регионе обожествление правителей имело уже многовековую историю, и эллинистические монархи, получая божеские почести, находились под влиянием местных традиций¹⁶. Римляне, соприкоснувшись

¹¹ Дж. Линдсей расценивает это событие, как создание «провинциального собрания Азии». См.: Lindsay J. Marc Antony. His World and his Contemporaries. L., 1936.

¹² Бабст И. Указ. соч. С. 179; Кравчук А. Указ. соч. С. 158.

¹³ Свенцицкая И. С. Марк Антоний и малоазийские полисы // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 124—127.

¹⁴ Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 341.

¹⁵ Smethurst S. E. Marc Antony — reluctant politician // Thought from the Learned Societies of Canada. Toronto, 1960, P. 165.

¹⁶ Дж. Линдсей замечает по этому поводу: «Азиатские города имели в обычае воздавать божественные почести даже посредственным правителям, их обращение к Антонию было только немногим более эффективным, чем обычно» (Lindsay J. Op. cit. P. 223).

с Востоком, также не избежали воздействия этих обычаев, как и греко-македонские завоеватели задолго до них. Отсюда-то и происходят божеские почести, которые получали в Греции и на Востоке римские полководцы, например Тит Квинций Фламиний (первый римлянин, удостоенный этой чести)¹⁷, Сулла, Цезарь. На основании этих фактов И. С. Свенцицкая делает справедливый вывод о том, что основой обожествления Антония могли послужить традиции местных культов и пример Цезаря¹⁸.

Но почему именно Дионис, а не какое-нибудь другое божество? По мнению И. С. Свенцицкой, этот бог был наиболее чужд римской религиозности (в доказательство этого она ссылается на то, что в свое время (!) в Риме было издано постановление Сената, запрещающее вакханалии), а разрыв с римскими традициями, как она полагает, стал для Антония естественным на эллинистическом Востоке.

Однако эту точку зрения факты не подтверждают. Разрыв Антония с римскими традициями произошел гораздо позже — после его неудачного парфянского похода, где-то в 36—35 гг. до н. э., когда изменился этнический состав его армии, и жители Востока составили в ней значительную часть, а на Западе Октавиан получил полное преобладание. Что касается отношения римской религиозности к культу Диониса, то здесь нелишне внести небольшое уточнение: сенат принял постановление о запрещении вакханалий в 186 г. до н. э. (Liv. XXIX. 8. 18; CIL. 12. 681). Это было время, когда превращение Рима в великую средиземноморскую державу еще только начиналось, и в нем самым сильным были консервативные настроения. За те без малого 150 лет, которые прошли со времени принятия этого сенатусконсульта, в сознании римлян, в том числе и в их отношении к иноземным божествам, произошли большие изменения. Дионис, в частности, стал отождествляться с Либером, очень почитаемым в Риме богом¹⁹. Популярность Либера еще усилилась в конце Республики, когда борющиеся за власть полководцы отождествляли себя с Либером-Дионисом, несущим «золотой век»²⁰. Следовательно-

¹⁷ Машкин Н. А. Указ. соч. С. 193.

¹⁸ Свенцицкая И. С. Указ. соч. С. 126.

¹⁹ Именно об Антонии-Либере, а не о Дионисе или Вакхе говорит Веллей Патеркул, которого от Антония отделяет всего несколько десятилетий (Vell. II 82).

²⁰ Штаерман Е. М. Либер // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 53.

но, ничего оскорбительного для римлян в персонификации Антония именно как Диониса не было.

В то же время в Малой Азии Дионис был одним из самых почитаемых божеств, с которым особенно охотно отождествляли себя эллинистические монархи. Так, в 88 г. до н. э. в Пергаме состоялась церемония прижизненного апофеоза Митридата VI Евлатора, причем чествовался он как Дионис Освободитель²¹ (эпитет понятный, учитывая, что с именем Митридата в тот период были связаны надежды азиатских эллинов на освобождение от римского господства). Поэтому особый интерес представляют эпитеты, применявшиеся к Анто-

нию в Эфесе: его именовали Χαρίδοτης και Μειλχιος, то есть «Подателем радости и Источником милосердия». Разумеется, не случайно из нескольких десятков эпитетов Диониса²² были избраны именно эти; их политический смысл в особых комментариях не нуждается²³.

Антоний, видимо, сумел почувствовать связанные с ним надежды местного населения и воспользоваться ими. Уже сама пышная церемония его въезда в Эфес больше импонировала эллинизированным жителям восточных провинций, чем продвижения Брута и Кассия, «проповедывавших свободу и разоривших города»²⁴. Однако это первое благоприятное для Антония впечатление очень скоро должно было рассеяться — ведь по взятым на себя после битвы при Филиппах обязательствам он должен был раздобыть в и без того разоренной Азии деньги для уплаты легионам. Об этом он и заявил в произнесенной в Эфесе речи; содержание ее сообщает Аппиан (App. BC. V. 4—5). В данном случае нас прежде всего интересует словесное оформление этого требования. Заломив сум-

²¹ Неверов О. Я. Геммы античного мира. М., 1983. С. 78.

²² Перечень этих эпитетов см.: Sethe K. Dionysos // RE. 1903. Hbd. 9. Sp. 1026—1034.

²³ То, что чествование Антония на Востоке как Диониса не было случайным капризом или прихотью триумвира, показывает его дальнейшая религиозная политика; в качестве этого божества он выступает вплоть до своего окончательного поражения. В 38 г. в Афинах был даже отпразднован брак Антония-Диониса и Афины, в роли которой выступала Октавия (Dio Cass. XLVIII. 39. 2); на кистофорах, которые выпускал Антоний, присутствует вместе с символами Диониса его собственный портрет. См.: Babelon E. Description historique et chronologique des monnaies de la République Romaine. P., L., 1885. T. 1. P. 179. N 60, 61.

²⁴ Машкин Н. А. Принципат Августа. М.; Л., 1949. С. 217.

му в 200 тыс. талантов²⁵, он прибавляет: «А вам, услышавшим о такой нашей милости (т. е. о том, что с них взимается лишь эта сумма — Е. С.), я хочу сверх этого сказать: ни на одного из вас не налагается наказание, равное вашей вине» (App. BC. V. 5). Таким образом, даже эти непомерные требования выдавались Антонием за милость по отношению к местному населению.

Этому выступлению триумвира по своей направленности соответствует и приводимый Иосифом Флавием любопытный документ — эдикт Антония, адресованный «первосвященнику и этнарху Гиркану и народу иудейскому» (Jos. Antt. Iud. XIV. 12). В начале его говорится о разорении Азии войсками Брута и Кассия, которые прошли по ней не «шадя городов и не соблюдая данных клятв», а затем, после сообщения о разгроме республиканцев, следует заявление, которое можно назвать программным: «Покарав их, мы надеемся, что Азия наконец будет вкушать мирную жизнь и отдохнет от войн. Поэтому дарованный нам богом мир мы делаем принадлежащим и нашим союзникам; итак, ныне, благодаря нашей победе, тело Азии словно бы поправляется после тяжелой болезни».

Итак, на словах Антоний выставлял целью своей политики восстановление мира на Востоке, противопоставлял свои действия действиям республиканских полководцев. Закономерен вопрос: насколько соответствовала этим заявлениям его реальная политика? Обратимся к фактам.

Аппиан сообщает, что Антоний освободил от налогов и подарил те города и земли, которые оказали сопротивление республиканцам²⁶, вернул проданных ими в рабство тарсийцев, сделал территориальные уступки родосцам (App. BC. V. 7); Иосиф Флавий говорит о возвращении иудеям их собственности, которой они были лишены во времена Кассия, и об освобождении проданных в рабство иудеев (Antt. Iud. XIV. 12); наконец, мы имеем ряд документов, исходящих от самого Антония.

²⁵ Аппиан говорит о требовании выплатить *tributum* за 10 лет в течение одного года (т. е. ту же сумму, которую уже взыскали с Азии республиканцы); цифру 200 тыс. талантов приводит Плутарх (Plut. Ant. 24). Однако существуют сомнения в ее точности. См.: Ильинская Л. С. Роль восточных провинций Рима в период гражданских войн конца республики // Древний Восток и античный мир. М., 1972. С. 219. Прим. 146.

²⁶ В сущности, это был лишь широкий жест: освобожденные от налогов города были настолько разорены республиканцами, что взять с них было нечего.

Известно письмо триумвира к находившимся в симполитии городам Афродисии и Пларасе, в котором он подтверждал привилегии, дарованные этим городам еще Юлием Цезарем — освобождение от податей, право полной власти над деревнями, местечками, укреплениями по границам, право асии для храма Афродиты на тех же условиях, что и у храма Артемиды Эфесской²⁷. В другом письме, адресованном «эллинам провинции Азия» (τοῖς κοινῶσι τῶν ἀλλο τῆς Ἀσίας Ἑλληνῶν), он подтверждает привилегии, которые имела организация награжденных венками победителей священных игр всего греческого мира — освобождение от повинностей и военной службы, свободу от постоя, личную неприкосновенность; одного из прибывших к нему представителей, Марка Антония Артемидора, он настойчиво именует своим другом и учителем, подчеркивая, что выполняет просьбу организации ради него²⁸.

Вероятно, были и другие документы аналогичного содержания. Как справедливо отмечает Г. Бенгтсон, «во всем остальном (кроме сбора денег — Е. С.) Антоний, некоронованный царь Востока, был вполне великодушен»²⁹. Таким путем он надеялся привлечь на свою сторону местное население и обеспечить лояльность по отношению к своей власти с его стороны.

Вновь вспомним Цезаря. Его политика *clementia* в годы гражданской войны лишь окончательно оформилась; начало свое она берет на завершающем этапе галльских войн: «Когда Цезарь зимовал в Бельгии, у него там была лишь одна цель — сохранить дружбу населения и не дать никакой надежды или повода для войны... Поэтому он, к общинам от-

²⁷ OGIS, 453—457. Анализ этого документа см.: Свенцицкая Я. С. Указ. соч. С. 122—124. Вряд ли есть основания противопоставлять в данном случае действия Антония и Суллы: Антоний не имел нужды обращаться за санкцией сената, поскольку дело это входило в круг вопросов, связанный с «устройством государственных дел», и он, как *Triumvir rei publicae constituendae* мог решать его единолично.

²⁸ См.: Sherk B. K. *Roman Documents from the Greek East: Senatus Consulta and Epistulae to the of Augustus*. Baltimore, 1969. P. 290f (N57). Датировка этого письма вызывает сомнение у Г. Брандиса, относящего его к 32—31 гг. до н. э. См.: Brandis H. Ein Schreiben des Triumvirn Marcus Antonius den Landtag Asiens // *Hermes*. 1897. Bd. 32. S. 509—522. Однако содержание этого письма очень хорошо соотносится с данными античных авторов о пребывании Антония в Азии в 42—41 гг. и сомнения эти представляются малообоснованными.

²⁹ Bengtson H. *Op. cit.* S. 157.

носясь почтительно, вождам посылая богатые дары, не налагая никаких новых поборов и вообще улучшая условия подчинения, истощенную столь многими неудачными сражениями Галлию легко удерживал в мире». (Caes. B. G. VIII. 49). Сходство политики Цезаря и Антония несомненно.

Конечно, нельзя сказать, чтобы кто-нибудь из них отказался от традиционного взгляда на провинции как на «поместья римского народа»; но Цезарь, видимо, понимал, как важно иметь в провинциях опорные пункты не только военного, но и политического значения³⁰, и Антоний, входя в его окружение, перенял этот опыт и использовал в своей деятельности на Востоке.

Политика Антония, родственная *Clementia Caesaris*, с блеском себя оправдала. Оценивая политические результаты 42—41 гг., приходится признать, что стоявшие перед ним административные, военные и финансовые задачи были решены довольно успешно; при этом не имеет большого значения, принадлежала ли при их решении главная роль самому Антонию или экспертам его штаба (как считает Г. Бенгтсон)³¹ — последние, разумеется, не могли действовать вопреки воле своего командующего, и в любом случае общее направление их деятельности определял он сам. Политика, проводимая Антонием на Востоке в 42—41 гг., показывает, что несмотря на бурный темперамент и все странности причудливого характера, он обладал качествами незаурядного политика, которые и позволили ему в течение десяти лет вести борьбу за верховное господство над римским миром.

В. Н. ПАРФЕНОВ

К оценке военных реформ Августа¹

Достаточно давно и справедливо считается, что военные реформы Августа завершили процесс формирования постоян-

³⁰ Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 219.

³¹ Bengtson H. Op. cit. S. 158.

¹ Статья представляет собой переработанный и расширенный вариант доклада, прочитанного на X Всесоюзной авторско-читательской конференции ВДИ АН СССР в 1987 г.

ной армии в Риме². Однако порой это понимается так, будто именно Август создал профессиональную римскую армию чуть ли не *ab ovo*³. В действительности же резкой грани между армией Республики и вооруженными силами Империи не было: военная организация раннего принципата в главных своих чертах фактически сложилась уже в период второго триумvirата⁴.

Основу вооруженных сил императорского Рима, как показано в недавно вышедшем исследовании Л. Кеппи, составили легионы Юлия Цезаря⁵. Разумеется, это не было случайностью: и здесь Октавиан стремился доказать, что именно он является подлинным политическим наследником «божественного Юлия». Принцип неуклонно выдерживался даже в тех случаях, когда бывшие легионы Цезаря оказывались под началом врагов и соперников Октавиана⁶. Логическим продолжением этой политической линии было наделение земель после завершения гражданских войн всех без исключения отставных легионеров, в том числе бывших солдат Брута и Кассия, Лепида и Антония (правда, воины Брута, Кассия и Лепида, в отличие от

² «Август завершил дело превращения римских вооруженных сил в постоянную регулярную армию» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 24). Интересные мысли о военных реформах Августа были высказаны Р. Смитом и В. Шмитхеннером, с мнением которых согласился С. Л. Утченко (Smith R. E. *Service in the Post-Marian Roman Army*. Manchester, 1958. P. 70 ff. Schmitthenner W. *Politik und Armee in der späten Römischen Republik* // *NZ*. 1969. Bd. 190. S. 1—17. Утченко С. Л. *Древний Рим. События. Люди. Идеи*. М., 1969. С. 212).

³ См.: Егоров А. Б. *Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата*. Л., 1985. С. 118.

⁴ Уже Р. Смит отметил, что Август оформил постоянную армию *de jure*, тогда как до него она существовала *de facto* (Smith R. E. *Op. cit.* P. 72). В годы второго триумvirата отчетливо прослеживается тенденция «по возможности сохранять постоянство военной организации», т. е. не набирать новые легионы и не распускать существующие (Hahn I. *Die Legionsorganisation des zweiten Triumvirats* // *AAnt*. 1969. Vol. 17. Fasc. 1—2. S. 220).

⁵ Keppie L. *The making of the Roman army. From Republic to Empire*. Totowa (N. J.), 1984. P. 132 ff., 142 f.

⁶ Минимум шесть легионов времени Августа были взяты им из армий Лепида и Антония (Hardy E. G. *Augustus and his legionaries* // *CQ*. 1920. Vol. 14. P. 188. Ср.: Jones A. H. M. *Augustus*. London, 1970. P. 110 f). В. Гардтхаузен наивно полагал, что предпочтение, которое Август отдавал легионам Цезаря, объяснялось «любовью к историческим воспоминаниям», хотя и «противоречило его трезвому практицизму» (Gardthausen V. *Augustus und seine Zeit*. Leipzig, 1896. Tf. I. Bd. 2. S. 629 f.).

антонианцев, некоторое время прослужили под знаменами Октавиана)⁷.

Годы второго триумvirата сыграли важную роль и в формировании императорской гвардии. В 23 г. н. э. она насчитывала повет praetoriae cohortes (Тас. Апп. IV. 5. 3). Нет оснований сомневаться в том, что и в начале принципата Августа насчитывалось девять преторианских когорт, однако неясно, почему было определено именно такое их количество. Как предположил М. Дюрри, Август якобы опасался, что десять когорт будут подозрительно напоминать полный легион, тогда как пребывание регулярных войск в Риме не допускалось традицией; он предпочел «счастлирое» число, кратное трем, почему и городских когорт учредил три: «Le rapport entre ces deux nombres, neuf et trois, symbolise arithmétiquelement la politique d' Auguste...»⁸. Нетрудно заметить, что это внешне остроумное объяснение слишком легковесно: едва ли подобное жонглирование числами могло серьезно повлиять на решение императора. Столь же произвольным мнение Ю. А. Ушакова, который вслед за С. И. Ковалевым считает, что, коль скоро при Республике каждый полководец мог иметь три когорты охраны (что тоже нуждается в доказательстве. — В. П.), то «Август, используя свой проконсульский статус, который распространялся на три провинции⁹, утроил число когорт преторианцев с трех до девяти»¹⁰.

Хорошо известно, что еще в Мугинской войне (43 г. до н. э.) каждый полководец, обладавший военным империем, имел, в полном соответствии с республиканскими порядками, по одной преторской когорте¹¹. Но уже осенью следующего года ситуация резко изменилась: когда после второй битвы при

⁷ Dio Cass. LI. 3. 1; Hygin. De lim. const. // SRF. Bd. I. S. 177. По мнению Г. Айгнера, именно обеспечение всех солдат землей позволило Октавиану остановить die sogenannte «Römische Revolution», так как прежде солдаты побежденной стороны становились мародерами и бандитами, готовыми за деньги служить кому угодно (Aigner H. Die Soldaten als Machtfaktor in der ausgehenden Römischen Republik. Innsbruck, 1974. S. 128 f.).

⁸ Duggu M. Les cohortes prétoriennes. P., 1938. P. 77 suiv.

⁹ Ср.: Jones A. H. M. Das Imperium des Augustus // Augustus. Hg. von Schmitthenner W. Darmstadt, 1969. S. 293.

¹⁰ Ушаков Ю. А. Роль преторианской гвардии во внутривластической жизни Римского государства при первых императорах // Античная гражданская община. М., 1984. С. 118. Ср.: Ковалев С. И. История Рима. Л., 1986. С. 476. Прим. 7.

¹¹ Cic. Phil. VIII. 25; Ad fam. X. 30. 1. 4—5; App. В. с. III. 66—70.

Филиппах 8 тыс. ветеранов цезарианской армии выразили желание продолжить службу, то Антоний и Октавиан, распределив это количество воинов между собой, образовали из них преторианские когорты: *συνελοχίσαν ἐς στρατίδας ταξείας*¹². Логично считать, что оба триумвира получили равное количество преторианцев и, если считать в каждой когорте по тысяче человек¹³, то Антоний и Октавиан имели теперь по четыре когорты личной гвардии, тогда как оставленный в Италии их коллега М. Эмилий Лепид продолжал сохранять одну. В 36 г. до н. э. на сторону Октавиана перешла армия Лепида, в том числе *cohors praetoria*, следовательно, число преторианских когорт в войске наследника Цезаря должно было возрасти до пяти. Имеется информация, подтверждающая такое предположение: в битве при Акции Октавиан располагал пятью преторианскими когортами (*Ogos. VI. 19.8*). Антоний, очевидно, продолжал сохранять четыре¹⁴, которые, будучи присоединены к пяти когортам Октавиана, завершили процесс формирования императорской гвардии.

На численность преторианской когорты времени Августа в источниках нет прямых указаний. Тацит (в повествовании о событиях 69 г.) и Дион Кассий указывают, правда, что *cohors praetoria* насчитывала 1000 человек, и это число принято авторитетными исследователями¹⁵. Однако М. Дюрри считает, что от Августа до Септимия Севера преторианская когорта состояла из 500 человек¹⁶. Свою точку зрения французский историк аргументирует следующим образом: сообщение Тацита «отражает необычное и скандальное положение дел»

¹² А р р. В. с. V. 3. 13. Видимо, с этого времени и следует говорить о преторианских когортах, чтобы подчеркнуть их принципиальное отличие от личной охраны полководца эпохи Республики. Значение этого события оценил уже Т. Моммзен: *Die Einrichtung der cohortes praetoriae in dem späteren Sinn gehört dem Triumvirat und dem J. 712 an...* (M o m m s e n Th. Die Gardetruppen der Römischen Republik und der Kaiserzeit // Hermes. 1879. Bd. 14. S. 30).

¹³ Это число наиболее вероятно, хотя во время гражданской войны жесткого ограничения численности такой когорты, видимо, не было: при необходимости она могла насчитывать и две тыс. человек (А р р. В. с. IV. 115. 479).

¹⁴ Его монеты с легендой [CO]NORTIUM PRAETORIARUM (Sydenham E. A. The coinage of the Roman Republic L., 1952. No 1212) доказывают, что когорт, во всяком случае, было несколько. S. 30; Gardthausen V. Op. cit. S. 640; Passerini A. Le coorti pretorie. Roma, 1939. P. 60 seg.

¹⁶ Durrig M. Op. cit. P. 82 suiv.; Idem. Praetoriae cohortes // RE. 1954. Hbd. 44. Sp. 1613 f.

¹⁵ Tac. Hist. 11. 93: 2; Dio Cass. LV. 24. 6; M o m m s e n Th. Op. cit.

во время гражданской войны, а Дион Кассий допускает анахронизм, перенося на принципат Августа положение дел, характерное для времени Септимия Севера. В подтверждение своего мнения Дюрри ссылается на Псевдо-Гигина. Однако назвать этот аргумент убедительным нельзя во-первых потому, что анонимный античный автор также не дает абсолютно бесспорных данных на этот счет, и, во-вторых, из-за сомнительности самого источника¹⁷. С другой стороны, едва ли допустимо отвергать достоверность информации Диона Кассия лишь на том основании, что он ошибочно указал на десять преторианских когорт Августа вместо девяти. Дело в том, что как раз к определению численности воинских подразделений времени Августа этот античный историк отнесся очень внимательно. Так, он указал, что точную численность телохранителей Августа и корпуса эвокатов ему, в отличие от преторианских и городских когорт, установить не удалось (Dio Cass. LV. 24. 7—8).

Очевидно, радикальность военных преобразований Августа заключалась не только в необходимых организационных изменениях: резкое сокращение численности вооруженных сил, упорядочение расходов на их содержание, введение гарантированного обеспечения ветеранов после отставки — все эти меры были естественны и не заключали в себе ничего принципиально нового. Самые глубокие перемены в сфере военной организации внешне выглядят малозаметными, поскольку они производились постепенно; но без их анализа невозможно понять и подлинную сущность принципата.

Цезарианская армия, победив в гражданских войнах, добилась выполнения своих основных требований: получила землю и деньги, был установлен оптимальный с ее точки зрения политический режим во главе с Октавианом, «сыном божественного Юлия», кумира легионов. Казалось, дальнейшая милитаризация Римского государства неизбежна. Однако наследник Цезаря избрал иной путь, который в отношении армии означал исключение ее из политической жизни и установление над ней абсолютного контроля императора как единственного руководителя. Определенную свободу действий после 30 г. до н. э. Октавиан получил потому, что армия была нейтрализована выполнением ее программ и, как выразился В. Шмитхен-

¹⁷ Неизвестен подлинный автор этого трактата, сохранившегося в составе сочинений Гигина Громатика, ученого землемера времени первых Антонинов; по-разному (от начала II до конца III вв.) определяется и время создания интересующего нас произведения (Hygini qui dicitur. De metatione castrorum liber. Ed. Grillone A. Leipzig, 1977. P. VIII).

нер, «ее непосредственная политическая роль была пока что сыграна»¹⁸. Разумеется, это как нельзя лучше устраивало принципса, но он понимал, что подобное состояние было неустойчиво: достаточно какого-либо повода для недовольства, и армия могла вновь, как не раз бывало прежде, выйти из повиновения. Следовательно, необходимо было сделать ее исключение из сферы «большой политики» необратимым, сохранив в то же время войско в качестве своей важнейшей политической опоры — задача в известной степени противоречивая и сложная.

Этнический и социальный состав легионов Августа мало изменился по сравнению с последними десятилетиями Республики. Тогда армия рекрутировалась в основном из сельского плебса Италии — социальные последствия процесса концентрации италийской земельной собственности¹⁹. Даже обширные земельные конфискации триумвиров не смогли затормозить развитие в Италии крупного землевладения, а при Августе, отмечает Тибуллетти, аграрное движение прекратилось, сельское хозяйство стало развиваться без политического вмешательства извне, и, «как монархия явилась платой за мир, так и упадок крестьянства старой Республики был ценой, которую Италия заплатила за изобилие на своих полях»²⁰. Однако слой мелких землевладельцев Италии был еще достаточно многочисленным, и объяснить прекращение борьбы за землю, вписавшей немало драматических страниц в историю поздней Республики, одним лишь «невмешательством» новой государственной власти в аграрные отношения невозможно. Конечно, часть разоренных крестьян не порывала с земледелием, некоторые оседали в Риме и в других городах Италии, но обеспечить средствами к жизни всех обездоленных земледельцев гражданское общест-

¹⁸ Schmitthener W. Politik und Arme... S. 16.

¹⁹ См.: Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987. С. 58.

²⁰ Tibuletti G. Die Entwicklung des Latifundiums in Italien von der Zeit der Gracchen bis zum Beginn der Kaiserzeit // Zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der späten römischen Republik. Hg. von Schneider H. Darmstadt, 1976. S. 73 ff. Сходной точки зрения придерживается П. А. Брант: «Думается, что при принцепате число мелких независимых фермеров продолжало уменьшаться. Мы не можем надеяться услышать многое об этом упадке: не было мятежных трибунов, которые могли бы быть выразителями их жалоб и, поскольку римские армии во все возрастающей степени набирались в провинциях, правительство имело мало причин заботиться о военных последствиях сокращения людских ресурсов Италии» (Brunt P. A. The Army and the Land in the Roman Revolution // JRS. 1962. Vol. 52. P. 83 f.).

во было явно не в состоянии²¹. Представляется очевидным, что эту задачу принцепсы предоставили решать армии. Исследователи римской истории достаточно давно пришли к заключению, что легионы ранней Империи комплектовались по преимуществу из италиков²². Документально доказано, что в первые десятилетия I в. италики составляли около 65% всех легионеров²³. Если учесть, что постепенно этот процент сокращался — место италийских уроженцев занимали провинциалы, — то можно уверенно предположить, что при Августе доля италиков должна была превышать эти 65%. Новобранцы происходили главным образом из Цизальпинской Галлии, где свободное крестьянство еще в I в. было достаточно многочисленным²⁴. Отслужив положенный срок, эти солдаты должны были получить положенное вознаграждение, прежде всего земельные наделы. Естественным было их желание обзавестись хозяйством на родине, но свободной земли в Италии не было. Что Август стоял здесь перед серьезной проблемой (как и в бытность свою триумвиром), показывает тот факт, что в 13 г. до н. э., когда, кажется, впервые после окончания гражданских войн возникла необходимость обеспечить необычно большое количество вете-

²¹ В. И. Кузищин отметил, что «разорение свободного крестьянства и его численное сокращение в I в. н. э. до известной степени (разрядка наша — В. П.) компенсировалось ростом прослойки арендаторов...» (Кузищин В. И. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1973. С. 21).

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 360; Кулаковский Ю. Римское государство и его армия в их взаимоотношении и историческом развитии. Спб., 1909. С. 13. Gardthausen V. Op. cit. S. 635.

²³ Forni G. Il reclutamento delle legioni da Augusto a Diocleziano. Milano; Roma, 1953. P. 157—212 (Appendix B). С выводами Форни согласны Г. Уэбстер и И. Гарлан (Webster G. The Roman Imperial Army of the first and second centuries A. D. L., 1969. P. 107 ff.; Garland Y. La guerre dans l'antiquité. P. 1972. P. 78).

²⁴ Уже Г. Дессау, несомненно, основываясь на своем превосходном владении эпиграфическим материалом, утверждал, что при Августе и его ближайших преемниках легионы Запада формировались главным образом из уроженцев Цизальпинской Галлии (Dessau H. Geschichte der römischen Kaiserzeit. B., 1924. Bd. I. S. 225 f.). Дж. Форни специально занимался проблемой происхождения легионеров и выяснил, что при Августе, Тиберии и Калигуле италики набирались в легионы в Кампании, Этрурии и, главным образом, в различных областях Цизальпинской Галлии (Forni G. Estrazione etnica e sociale dei soldati delle legioni nei primi tre secoli dell'impero // ANRW. Tl. II. Bd. 1. P. 366 seg.).

ранов²⁵, он попытался ввести денежные награды «взамен земли, которой они всегда добивались» — *anti tēs xōras tē aiote tōv* (Dio Cass. LIV.25.5). Хотя это нововведение и обеспечило императору большую свободу маневрирования — после 13 г. до н. э. интенсивность военной колонизации резко ослабевает²⁶ — полная замена земли деньгами оказалась невозможной, и уже мятежники 14 г. требовали вернуться к практике выдачи денежных вознаграждений вместо земли (Тас. Апп. I. 17.5)²⁷. Очевидно, дело здесь не только в хронической нехватке денег для расплаты с ветеранами: получая землю в провинциях, они становились важной частью социальной базы режима²⁸. Если учесть, что легионы комплектовались главным образом из добровольцев²⁹, а таковыми были прежде всего

²⁵ По мнению Ф. Райта, изменения в военном уставе были приурочены ко времени, когда воины, набранные после победы над Антонием, отслужили по 16 лет (Wright F. Marcus Agrippa. Organizer of Victory. L., 1937. P. 173). Шестнадцатилетний срок службы для легионеров был избран, видимо, потому, что при Республике граждани считался выполнившим свой воинский долг, если он участвовал в шестнадцати походах (см.: Webster G. Op. cit. P. 43).

²⁶ См.: Vittinghoff F. Römische Kolonisation und Bürgerrechtspolitik unter Caesar und Augustus. Wiesbaden, 1951. S. 98; Watson G. R. Discharge and resettlement in the Roman Army: The praemia militiae // NBGAW. P. 149.

²⁷ Это объясняется тем, что наделы ветеранам стали давать отнюдь не лучшего качества и на далекой периферии (Тас. Апп. I. 17. 3). Эти места, по справедливому замечанию Дж. Р. Уотсона, жителю Средиземноморья действительно должны были казаться краем земли (Watson G. R. Op. cit. P. 153. Note 6).

²⁸ Обычно считается, что ветераны пополняли ряды местной муниципальной знати (Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи (Италия и Западные провинции). М., 1961. С. 235 сл. Ее же: Кризис античной культуры. М., 1975. С. 33 сл.; Древний Рим: проблемы экономического развития М., 1978. С. 206; Dieter H., Günther R. Römische Geschichte bis 476. В., 1979. S. 222). Недавно предложено следующее уточнение: ветераны, как можно видеть на примере придунайских провинций, становились не только и не столько муниципальной знатью, сколько мелкими и средними землевладельцами (Мартемьянов А. П. Ветераны римской армии в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э. // X авторско-читательская конференция ВДИ АН СССР. Тез. докл. М., 1987. С. 133). Кстати, еще М. И. Ростовцев полагал, что в муниципальную аристократию из ветеранов попадали в первую очередь бывшие центурионы (Ростовцев М. Август // НЭС. Спб., б. г. Стб. 160). Однако бесспорно, что вообще ветераны в ранней Империи находились в особо привилегированном положении (Колосовская Ю. К. К вопросу о социальной структуре римского общества I—III вв. н. э. (Collegia veteranorum) // ВДИ. 1969. № 4. С. 123).

²⁹ Формально всеобщая воинская повинность для граждан продолжала существовать, но на практике к ней прибегали крайне редко (см.: Gardthausen V. Op. cit. S. 632 f., 641).

малоимущие и неимущие³⁰, т. е. потенциально взрывоопасный социальный слой, то понятно, насколько важную роль играла армия, превращая этих людей в массовую опору принципата. Думается, что именно постоянный отток сельского плебса в легионы и был наиболее существенной причиной прекращения борьбы италийского крестьянства за землю в эпоху Империи.

Политика Августа по отношению к вооруженным силам Рима (особенно легионам) могла принести успех лишь в том случае, если вся армия вплоть до последнего солдата, безразлично, находящегося в строю или отставного, ощущала свою неразрывную связь с принципсом. Сыгравшие столь важную роль в социально-политической борьбе последнего века Республики отношения военной клиентелы продолжали действовать, но теперь единственным патроном солдат мог быть только император. Л. Виккерт обратил внимание на то, что, если в 17 г. до н. э. в официальном документе еще шла речь о *legiones populi Romani*, правда уже отдельно от собственно *populus Romanus Quiritium* (Dess. 5050), то в конце своего правления Август не менее официально говорит уже об *exercitus meus, classis mea* (RgdA. 15. 26.30)³¹. В том же направлении эволюционировал традиционный институт военных полномочий. Если в период второго триумvirата, как показал Л. Шумахер, легаты триумвиров, подобно полководцам времени Республики, обладали всей полнотой военной власти, т. е. действовали под своими ауспигиями и в случае императорской аккламации имели право на триумф, то в начале принципата Августа такой порядок сохранился лишь для наместников «сенатских» провинций, тогда как легаты самого императора уже вели военные кампании под ауспигиями принципса, не имея права ни на аккламацию, ни на триумф. Однако к концу правления Августа и проконсулы «сенатских» про-

³⁰ М. И. Ростовцев полагал, что «армия Августа больше не была армией пролетариен» и комплектовалась из представителей имущих слоев италийского и провинциального населения; правда, он оговаривается, что «все суждения об армии августовского периода предположительны», особенно в отношении ее социального состава (Rostovtzeff M. Op. cit. P. 42 f., 499 f., note 2). Но это мнение маститого ученого источниками не подтверждается, напротив, Тацит устами императора Тиберия констатирует, что «добровольно избирают воинскую службу большей частью неимущие и бездомные» (*plerumque inopes ac vagi militiam sumant*. Tac. Ann. IV. 4. 2).

³¹ Wickert L. *Der Prinzipat und die Freiheit // Prinzipat und Freiheit*. Darmstadt, 1969. S. 117 ff.

винций, формально еще обладавшие империем и ауспигиями, практически утрачивают право на аккламацию и триумф³².

Примечательную эволюцию при Августе пережил культ Юлия Цезаря, который был важной составной частью идеологии цезарианской армии в 44—30 гг. до н. э.³³ В те годы Октавиан, «сын божественного Юлия» и неумолимый мститель за его смерть, умело спекулируя на этом, приобрел огромный политический капитал. Но с наступлением мирного времени в политике и идеологии многое переменилось. Исключения не составил и культ Цезаря. Отношению Августа к Юлию Цезарю посвятил специальное исследование Э. С. Рэмидж, сделавший ряд интересных наблюдений³⁴. Так, он подсчитал, что в «*Res gestae...*» Цезарь упоминается всего шесть раз³⁵, и, если судить лишь по этому источнику, Цезарь всего только и сделал в жизни, что занимал должность великого понтифика, начал строительство нескольких сооружений и, наконец, был убит и обожествлен. В «Энеиде», констатирует Рэмидж, Цезарь отсутствует среди изображенных на шите Энея персонажей римской истории (VIII. 626—731), нет его и в перечне римских героев у Проперция (III. 11. 61—68), а в «Метаморфозах» Овидия (XV. 745—870) выделена лишь роль Цезаря как божественного отца Августа. Напрашивается вывод, что Август старательно отмежевывался от реального Цезаря и его политики, оставив от покойного диктатора лишь его «божественность». Рэмидж усматривает в этом стремление первого принцепса подчеркнуть различие между его собственным политическим курсом и «тираническим» поведением Юлия Цезаря. Подобное объяснение, видимо, правильно, но неполно: американский исследователь не учитывает исключительную популярность Цезаря в армии и до и после его трагической гибели. Но с окончанием гражданских войн почти чисто военный по характеру культ Цезаря был в своем персона-

³² Schumacher L. Die imperatorische Akklamationen der Triumvirn und die auspicia des Augustus // *Historia*. 1985. Bd. 34. H. 2. S. 191—222; S. 191—222; Vgl.: Rosenberg. *Imperator* // *RE*. Hbd. 17. Sp. 1147.

³³ См.: Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1984. С. 300 сл.; Gesche H. Die Vergottung Caesars. Kallmünz, 1968. S. 89 ff.; Weinstock S. *Divus Iulius*. Oxf., 1971. P. 364 ff.; Alföldi A. La divinisation de César dans la politique d'Antoine et d'Octavien entre 44 et 40 avant J. C. *RN*. VI s. 1973. T. XV. P. 99—128.

³⁴ Ramage E. S. *Augustus' Treatment of Julius Caesar* // *Historia*. 1985. Bd. 34. H. 2. P. 223—245.

³⁵ Заметим, кстати, что Август избегает называть его по имени, ставя тем самым «божественного Юлия» на одну доску со своими врагами Брутом, Кассием, Секстом Помпеем, Лепидом и Антонием.

чальном виде неприемлем: он мог вызывать у армии нежелательные воспоминания о времени ее фактического всевластия, о том, кому и чему обязан своим единодержавием Август и т. п., о чем теперь, с точки зрения императора, было уместно забыть³⁶. После Августа к образу Цезаря-полководца обращались лишь в критических ситуациях — когда требовалось обеспечить лояльность легионов (см.: Tac. Ann. I. 42. 3; Suet. Vitell. 8).

Подобную же эволюцию испытал и культ Марса Мстителя — божества, популярного среди солдат цезарианской армии и связанного именно с отмщением за убийство Цезаря: Октавиан дал обет построить храм Марса Мстителя, когда в 42 г. до н. э. триумвiry вели войну против республиканцев³⁷. Затем функции Марса Мстителя изменились — он превратился в мстителя внешним врагам Рима. Так, именно в этом храме были помещены возвращенные парфянами римские боевые знамена³⁸. Когда уже при Тиберии Марса Мстителя попытались рассматривать в прежнем значении (как мстителя за смерть Германика), то этому воспрепятствовал сам принцепс: *prohibuit, ob externas ea victorias sacrari dicitans, domestica mala tristitia operienda* (Tac. Ann. III. 18.2). Такая позиция Тиберия показывает, что, как и в случае с культом Цезаря, эволюция культа Марса Мстителя отнюдь не была случайной и являлась частью общей политики по отношению к армии, проводимой как Августом, так и его преемником.

В заключение целесообразно задаться вопросом, действительно ли Августу удалось превратить армию в «бессловесное орудие политики, находящееся под полным контролем принцепса»³⁹?

Характеризуя военный мятеж 14 г., Ф. Энгельс пронизательно заметил, что в нем «обнаруживается крепкая сплоченность войска, по отношению к которому вождь нарушил свое слово»⁴⁰. Действительно, после гражданских войн отношения армии и лидера, которого она привела к власти, базировались на своего рода взаимной договоренности. Достаточ-

³⁶ Хорошо известен весьма характерный для политики Августа факт — отмена им введенного Цезарем обращения к армии: «*Commilitones!*», замененного более нейтральным: «*Milites!*» (Suet. Aug. 25. Comp.: Suet. Jul. 67).

³⁷ Ovid. Fast. V. 569—578; Suet. Aug. 29.

³⁸ RgdA 29; Ovid. Fast. V. 579—594.

³⁹ Егоров А. Б. Указ. соч. С. 119. Ср.: Rink В. *Exercitus Romanus — die schlagkräftigste Armee ihrer Zeit // Altertum*. 1986. Bd. 32. H. 3. S. 150.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 466.

но выгодные условия службы, гарантированное обеспечение ветеранов после отставки и их привилегированное положение, личная связь каждого военнослужащего с императором как клиента с патроном — все это в сочетании с огромным личным авторитетом Августа⁴¹ обеспечило в армии «глубоко укоренившуюся любовь к Цезарям» (*penitus infixus in Caesares amor*. — *Tac. Ann. II. 76. 3*). Однако процесс встраивания армии в государственный механизм императорского Рима был сложным и порой болезненным. Есть основания считать, что мятеж 14 г. был отнюдь не первым проявлением ее недовольства⁴². О том, что обоснованную тревогу нового принцепса вызывало настроение военных вообще, свидетельствует распространение Тиберием уступок, сделанных германским легионам, на легионы Паннонии, либо даже на все остальные⁴³.

Таким образом, задуманная Августом роль армии в системе принципата выдерживалась, да и то с трудом, лишь при жизни самого Августа. Сразу же после его кончины армия весомо заявила о своих претензиях, в том числе, как правильно отметил В. Шмитхеннер, и политических⁴⁴. Тем не менее Тиберий, поначалу пойдя на временные уступки тактического характера, продолжил политику предшественника в отношении легионов⁴⁵.

⁴¹ М. И. Ростовцев справедливо указывает на то, что Август был окружен полурелигиозным ореолом спасителя всего римского мира от ужасов гражданских войн (Ростовцев М. Рождение Римской империи. Пг., 1918. С. 120 сл. *Rostovtzeff M. Op. cit. P. 43*).

⁴² На такую мысль наталкивает фраза Тацита о том, что «прежде (при жизни Августа — В. П.) Тиберий обычно отклонял просьбы легионов, ссылаясь на Августа» (*Tac. Ann. I. 26. 2*). Дион Кассий приводит в качестве основной причины установления в 5 г. н. э. точной суммы денежного вознаграждения ветеранам то, что «воины были сильно раздражены малым размером наград, выданных им за войны, которые велись в это время, и никто из них не соглашался носить оружие по истечении установленного срока их службы» (*Dio Cass. LV. 23. 1*).

⁴³ Из «Анналов» Тацита не вполне ясно, как обстояло дело: ср. *I. 52. 3* и *I. 78. 2*.

⁴⁴ *Schmitthenner W. Politik und Arme... S. 17*.

⁴⁵ Август предвидел опасность усиления внутривластного веса армии в результате внешних войн, это было одной из причин его совета на будущее: *coercendi intra terminos imperii* (*Tac. Ann. I. 11. 4*). Верность этой рекомендации убедительно подтвердил мятеж легионов, оказавший сильное воздействие на политическую атмосферу, в которой начинался принципат Тиберия, и на поведение самого императора (см.: *Schmitt H. N. Der pannonische Aufstand des Jahres 14 n. Chr. und der Regierungsantritt des Tiberius // Historia. 1958. Bd. 7. N. 3. E. 378—387*). Отсюда и утвердившийся при Тиберии принцип внешней политики: «Не прибегать к оружию» (*arma procul habere*. — *Tac. Ann. VI. 32. 1*).

**О ветеранах римской армии
в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э.**

В социально-классовой структуре общества Римской империи первых веков н. э., особенно в провинциях, важную роль играли ветераны римской армии. Поселение их на постоянное жительство в провинциальных землях содействовало укреплению здесь социальной опоры Рима, распространению на этой территории античной формы собственности и рабовладельческих производственных отношений, романизации местного населения.

Судя по эпиграфическим данным (военные дипломы, надгробные, посвятительные и почетные надписи) и нарративным источникам, значительное число ветеранов римской армии в первых веках н. э. было сосредоточено в провинциях Нижняя Мезия и Фракия. Отдельным вопросам, связанным с присутствием отставных военных на этой территории, уделялось заметное место в ряде работ по истории Нижней Мезии и Фракии¹, но специального исследования, посвященного рассмотрению их роли в жизни указанных провинций, до сих пор нет. В то же время имеющиеся источники позволяют проследить основные направления военной колонизации в Нижней Мезии и Фракии, ее интенсивность в различные периоды римского господства, определить место, которое занимали вышедшие в отставку войны в провинциальном обществе.

Большая часть (около 130) эпиграфических памятников, указывающих на присутствие во фракийских землях в первых веках н. э. ветеранов римской армии², происходит с территории к северу от Балканских гор, причем почти половина их обнаружена в населенных пунктах, расположенных на Дунайской границе Нижней Мезии или в непосредственной близости от нее. Значительное число их проживало в Эскусе и

¹ Златковская Т. Д. Мезия в I—II веках н. э. М., 1951. С. 66—69, 84—86; Героз Б. Земевладението в Римска Тракия и Мизия. I—III в. // ГСУ. Факултет по класически и нови филологии. 1980. Т. 72. Ч. 2. С. 37—47, 49—54, 71; Aricescu A. Armata în Dobrogea Romană. Bucureşti, 1977. P. 195—197; Mrozewicz L. Rozwoj ustroju municypalnego a postery romanizacji w Mezji Dolnej. Poznań, 1982. S. 93—96.

² В настоящей статье нашли отражение данные более 150 надписей с территории Нижней Мезии и Фракии, в которых прямо указывается, что то или иное лицо является ветераном.

Нове, являвшихся на протяжении первых веков н. э. важными военными центрами: в Эскусе в I — начале II вв. н. э. стоял V Македонский легион, а в Нове с начала 70-х гг. I в. н. э. — I Итальянский легион³. Характерно, что именно ветераны этих легионов упоминаются в большинстве надписей с территории Эскуса и Нове⁴.

По окончании Дакийских войн Траяна V Македонский легион переводят в Трэзмис⁵. На то, что этот город играл особую роль в колонизации II в. н. э., указывает большое количество памятников, упоминающих ветеранов римской армии, в большинстве своем — именно V Македонского легиона⁶. О сосредоточении большого числа ветеранов на участке Дунайской границы Нижней Мезии, прилегавшем к Малой Скифии, говорят и находки надписей, происходящие с территории Альтинума⁷, Сацидавы⁸, Капидавы⁹, Циуса¹⁰, Новиодунума¹¹, Сальсовии¹². Датируются они, в основной своей массе, также II в. н. э.

Другим направлением колонизации в Нижней Мезии стали внутренние районы Малой Скифии. К настоящему времени здесь обнаружено около 30 надписей ветеранов. Особенно много получивших отставку воинов проживало, судя по эпиграфическим данным, в Томи, где они появляются во второй половине I в. н. э. Отметим, что в Томи селились ветераны воинских частей, размещенных в большинстве своем в Нижней Мезии — I Итальянского (CIL. III. № 7555), XI Клавдиева¹³, V Македонского (CIL. III. № 14454) легионов, I Ас-

³ Геров Б. Романизъм между Дунава и Балкана. Ч. I // ГСУ. Филологически факултет. 1949. Т. 45. Кн. 4. С. 9; Герасимова В. Дислокация на римските помощни войски в провинция Мизия от 44 до 86 г. на н. е. // Археология. 1970. Кн. 4. С. 22.

⁴ CIL. III. №№ 756, 7428, 12348, 12352, 14415; Димитров Д. П. Надгробните плочи от римско време в Северна България. София, 1942. №№ 5, 8, 105; Велков И. Новооткрити истарини // ИБАИ. 1926—27. Т. 4. С. 314, № 2; Иванов Т. Новооткрити латински надписи от Ульяния Ескус // ИБАИ. 1959. Т. 22. С. 123—126. № 2 и др.

⁵ Героев Б. Романизъм... Ч. I. С. 9.

⁶ CIL. III. 6162, 6166, 6178—6180, 6190, 7501, 7505, 7506 etc.

⁷ Aricescu A. Op. cit. P. 227. N 136.

⁸ Ibid. P. 223. N 94.

⁹ Florescu Gr., Florescu R. si Diaconu P. Capidava. Monografie arheologica. Vol. I. Bucuresti, 1958. P. 73—77. N 1; P. 83—85. N 6; P. 90—92. N 13; P. 120. N 44.

¹⁰ CIL. III. NN 7495, 12479, 12480.

¹¹ Aricescu A. Op. cit. P. 220, N 42.

¹² Ibid. P. 227. N 135.

¹³ CIL. III. N 7554; Aricescu A. Op. cit. P. 220. N 46.

турийской¹⁴, I Паннонской (CIL. III. № 14453) ал, I Флавиевой Коммагенской когорты¹⁵, Флавиева Мезийского флота (CIL. III. № 7552). Ветераны проживали также в Истрии¹⁶, муниципии Тропзум Траяни¹⁷, поселениях сельского типа Квинтионис (CIL. III. № 7524), Новус (CIL. III. № 14448) и в некоторых населенных пунктах Малой Скифии.

Данные эпиграфики свидетельствуют о присутствии ветеранов и в других областях Нижней Мезии, расположенных в отдалении от Дунайской границы. Их надписи найдены на территории современных Великотырновского¹⁸, Плевенского¹⁹, Разградского²⁰, Русенского²¹ округов (НРБ). Проникали ветераны и далее в глубь Нижней Мезии, о чем свидетельствуют находки их военных дипломов и надгробий в 50—70 км к югу от Дунайской границы²². Значительное их число проживало в области к северу от Балканских гор, которая первоначально относилась к Фракии, но позднее вошла в состав Нижней Мезии, в частности, на территории города Никополис ад Иструм²³. Уже во второй половине I в. н. э. появляются они на западе фракийских земель — в городе Монтана и округе²⁴. Как и на Дунайской границе, в области между Дунаем и Балканами проживало немало ветеранов I Италийского, V Македонского, XI Клавдиева легионов, а также вспомогательных войск, размещенных в Нижней Мезии.

Данных о присутствии получивших отставку воинов к югу от Балкан, на территории провинции Фракия, относитель-

¹⁴ Aricescu A. Armata... P. 222. N 71.

¹⁵ Ibid. P. 224. N 102.

¹⁶ Ibid. P. 219. NN 30, 39; P. 223. N 81.

¹⁷ CIL. III. N 14214⁹; Aricescu A. Armata... P. 228. N 139.

¹⁸ CIL. III. №№ 12408, 12409, 12411; 12422; Иванов Т. Отделни находки от разни места // ИБАИ. 1950. Т. 17. С. 330—331. № 1 и др.

¹⁹ CIL. III. № 12438; Геров Б. Романизмът... Ч. 2(2) // ГСУ. Филологически факултет. 1952—53. Т. 48. С. 360. № 67, 68 и др.

²⁰ Detschew D. Ein Militärdiplom aus Germania Inferior // ИБАИ. 1946. Т. 15. С. 86—93; Венедиков Й. Римска военна диплома от с. Брестовене, Кубратско // Известия на Варненското археологическо дружество. 1953. Т. С. 61—68 и др.

²¹ Геров Б. Романизмът... Ч. 2(2). С. 361. № 84.

²² CIL. III. № 7454 (-6131); Димитров Д. П. Надгробните плочи... №97; Геров В. Zwei neugefundene Militärdiplome aus Nord-Bulgarien // Klio. 1959. Bd. 37. S. 196—210; Машов С. Римска военна диплома от с. Сохаче, Врачански окръг // Археология. 1971. Кн. I. С. 48—55; Герасимова - Томова В. Фрагменти от военни дипломи от Тракия и Долна Мизия // Археология. 1984. Кн. 2—3. С. 81—83.

²³ CIL. III. № 6144, 12422; Герасимова - Томова В. Военна диплома от Nicopolis ad Istrum от 162 г. // Археология. 1976. Кн. 1. 50—54 и др.

²⁴ CIL. III. №№ 7444, 12378, 12385 и др.

но немного, но они свидетельствуют, что и эта область являлась важным направлением колонизации. Так, на западе и в центральных районах Фракии они проживали на территории городов Пауталия²⁵, Сердика²⁶, Филиппополь²⁷, Августа Траяна²⁸. За редким исключением, найденные здесь надписи ветеранов относятся ко второй половине I — первой половине III вв. н. э. Во Фракии селились бывшие воины римских войск, размещенных в этой провинции, в соседней Мезии, а также расквартированных вдали от Фракийских земель. Но обращает на себя внимание явное преобладание на этой территории ветеранов фракийского происхождения²⁹. Заметим, что присутствие последних засвидетельствовано и к северу от Балкан, но там они составляют незначительный процент.

В I в. н. э. на востоке и юго-востоке фракийских земель были основаны римские колонии. Плиний Старший, перечисляя населенные пункты на фракийском побережье Боспора, указывает на существование здесь колоний Флавинополь и Апри (NH. IV. 11. 47. 48). Последняя упоминается и Птолемеем (III. 11. 7). Полный титул этой колонии — Colonia Claudia Aргensis (CIL. III. №386) — говорит о том, что она была основана при Клавдии. В обеих колониях проживало, вероятно, немало ветеранов³⁰.

При Веспасиане на месте фракийского поселения в стратегии Астика или по соседству с ним был основан Деултум (Colonia Flavia Pacis Deultensium), неоднократно упоминае-

²⁵ Геров Б. Проучвания върху западнотракийските земи през римско време. Ч. I // ГСУ. Филологически факултет, 1959—60. Т. 54. Ч. 3. С. 354. № 102; С. 365. № 175 и др.

²⁶ Велков И. Нова военна диплома от Домициан // ИБАИ. 1926—27. Т. 4. С. 69—80; Любенова В. Римска военна диплома от Перник // Археология. 1979. Кн. 4. С. 41—44 и др.

²⁷ CIL. III. №№ 6120, 6122; Герасимова-Томова В. Фрагменти... С. 79—81 и др.

²⁸ Димитров Д. П. Антични паметници от Ст.-Загора и нейната околност // ИБАИ. 1932—33. Т. 7. С. 291—295; Буюклиев Х., Гетов Л. Две нови епиграфски паметници за укрепителната дейност на Антония Пий в Тракия // Археология. 1964. Кн. I. С. 30—33 и др.

²⁹ Велков И. Нова военна диплома... С. 69—71, 79; Андреев С. Новооткрита военна диплома от императора Веспасиана // ИБАИ. 1930—31. Т. 6. С. 150—151; Ботушарова Л. Римска военна диплома от с. Сулозем, Левскиградско // Изследвания в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958. С. 322 и др.

³⁰ Велков В. Робството в Тракия и Мизия през античността. София, 1967. С. 65, 71.

мый в нарративных источниках³¹ и надписях³². Кроме того, известно большое количество монет города, на реверсе которых в различных сокращениях обозначен полный титул колонии³³.

Основание колоний ветеранов во Фракии — провинции, где численность римских войск всегда была незначительной, в ранний период римского господства могло преследовать цели стратегического порядка³⁴. Однако местоположение Деултума в плодородной местности позволяет предположить, что первостепенную роль в жизни его населения играло земледелие. Аграрный характер этой колонии подтверждается и данными нумизматики. На монетах Деултума часто встречаются изображения Деметры³⁵, Диониса³⁶, сцены пахоты³⁷.

Весьма вероятно, что земли на территории Деултума подверглись центуриации, но о ее характере нам ничего не известно. Нет никаких сведений и о размерах участков, принадлежавших колонистам-ветеранам³⁸. Отметим лишь, что в расположенных к западу от фракийских земель провинциях Далмация³⁹ и Паннония⁴⁰ величина земельных наделов получивших отставку рядовых легионеров не превышала одной трети центурии. Это являлось, очевидно, обычным и для других областей империи, хотя случаи, когда ветераны получали участки большого размера, известны⁴¹. Офицеры и преторианцы получали наделы, в полтора-два раза превосходившие участки рядовых легионеров⁴². Размеры наделов могли зави-

³¹ Plin. NH. IV. 11. 45.; Ptol. III, II, 7, 7; Amm. Marcell. XXXI. 8, 9; XXXI. 12, 15 и др.

³² CIL. VI. № 3628 (=31692); IGBR. IV. № 2239 и др.

³³ Jurisova J. Die Münzprägung von Deultum // Schriften zur Geschichte und Kultur der Antike. 1973. Bd. 8. S. 31, 49, 50.

³⁴ Велков В. Робството ...С. 65; Геров Б. Земевладението... С. 42.

³⁵ Jurisova J. Die Münzprägung... S. 38. NN 12, 91, 147, 238, 277, 352, 386, 388

³⁶ Ibid. 42. NN 24, 59, 97, 123, 243, 329, 466.

³⁷ Ibid. NN 44, 71, 131, 215, 378, 448, 478, 498.

³⁸ Высказанное в середине 50-х гг. Б. Геровым предположение, что рядовым ветеранам в Деултуме в результате центуриации были предоставлены земельные наделы в 200 югеров (См.: Геров Б. Проучвания върху поземлените отношения в нашите земи през римско време (I—III вв.) // ГСУ. Филологически факултет. 1955. Т. 50. Кн. 2. С. 39) не находит подтверждения в источниках, и в более поздних работах автор к нему не возвращается (см.: Геров Б. Земевладението... С. 43—44).

³⁹ Колосовская Ю. К. Ветеранское землевладение в Паннонии // ВДИ. 1963. № 4. С. 103—105.

⁴⁰ Колосовская Ю. К. Паннония в I—III веках. М., 1973. С. 81.

⁴¹ Колосовская Ю. К. Паннония... С. 81.

⁴² Когнетанн Е. Coloniae // RE Hbd. VII. Sp. 575.

сеть и от качества земли, но обычно ветеранам выделялись лучшие пахотные земли⁴³.

Обращает на себя внимание тот факт, что подавляющее большинство ветеранов проживало в районах, отличающихся и по сей день наиболее плодородными почвами: на территории Дунайской равнины, Верхнефракийской и Бургасской низменностей, в Добрудже.

Конкретные же упоминания о земельных владениях ветеранов в эпиграфических памятниках, происходящих из фракийских земель, весьма красноречивы. Так, в надгробных эпитафиях ветеранов II в. н. э. из Нижней Мезии большое значение придается тому факту, что они погребены «на собственной земле», «в своем имении»⁴⁴.

В настоящее время на территории Фракии и Нижней Мезии известно около 200 *villagum rusticarum* конца I — начала V вв. н. э.⁴⁵. Характерно, что местоположение этих villae совпадает с районами, где, по эпиграфическим данным, было сосредоточено большое число ветеранов. Так, много villae открыто на территории Августы Траяна⁴⁶ и Монтаны⁴⁷, а на территории Нове и Никополис ад Иструм несколько надписей найдено в непосредственной близости от villae. Например, Луцию Валерию Пуденсу (CIL. III. № 12438) во II в. н. э. принадлежала, вероятно, одна из villae, открытых у с. Пейчиново Русенского округа⁴⁸. Военный диплом другого Луция Валерия Пуденса, датируемый 82 г. н. э.⁴⁹, найден поблизости villae, обнаруженной в Великотырновском округе⁵⁰. Не-

⁴³ Колосовская Ю. К. Ветеранское землевладение... С. 103, 106—107; Ег же. Папновия... С. 79—81.

⁴⁴ CIL. III. № 770; Велков В. Към въпроса за аграрните отношения в Мизия през II в. на н. е. // Археология. 1962. Кн. 4. С. 31—33.

⁴⁵ Николов Д. Тракийската вила при Чаталка, Старозагорско // Разкопки и проучвания. Кн. II София. 1984. С. 67—68; Мартемьянов А. П. Римская вила на территории Фракии и Нижней Мезии в I—V вв. н. э. (Обзор исследований) // ВДИ. 1986. № 2. С. 162—174; Baumann V. *Ferma romana din Debrogea*. Tucea. 1983. P. 147—148.

⁴⁶ Nocolov D. *The Thraco-Roman villa rustica near Chatalka*. Stara Zagora, Bulgaria. Oxf., 1976. P. 67.

⁴⁷ Александров Г. Антична вила № 2 край Монтана // ИМСЗБ. 1980. Т. 4. С. 9—62; Ег же. Антична вила № 1 край Михайловград // ИМСЗБ. 1982. Т. 7. С. 37—81; Ег же. Антична вила № 3 край Михайловград // ИМСЗБ. 1984. Т. 9. С. 9—42.

⁴⁸ Димова В. Античен некропол при с. Пейчиново, Русенско // Известия на Народния музей Русе. 1966. Т. 2. С. 11—13.

⁴⁹ Помяловский И. В. Два римских военных диплома, найденные недавно в Болгарии. СПб., 1880. С. 2—3.

⁵⁰ Султов Б. Една вила рустика край с. Присово // Известия на Окръжния исторически музей — Велико Тырново. 1964. Т. 2. С. 49—64.

сомненно, принадлежали ветеранам и виллы на территории Малой Скифии⁵¹.

Однако, по всей вероятности, ветераны владели в Нижней Мезии и Фракии не только землями. В 1980 г. у с. Бугово Великотърновского округа в помещении большой постройки, расположенной вблизи гончарных мастерских, был найден военный диплом, датируемый 20—30 гг. III в. н. э.⁵² Не исключено, что хозяин диплома — преторианец Марк Аврелий Секунд, местный уроженец, был одним из владельцев керамического комплекса — одного из крупнейших во фракийских землях.

Многие поселившиеся в Нижней Мезии и Фракии ветераны были весьма состоятельными людьми. На это указывает как характер их надгробий (тщательно изготовленные, прекрасно оформленные мраморные плиты), так и немалые расходы ветеранов, направленные на достижение ими положения в местном обществе. Например, ветераны, поселенные в Августе Траяна, в первой трети III в. н. э. построили в городе на свои средства храм-августеум⁵³. Немалых денег стоило ветерану Марку Сервилию Фабяну восстановление храма на территории Монтаны, предпринятое во второй половине II в. н. э. (CIL. III. № 12385). Ветеран Флавий Августал поставил за свой счет мемориальную доску и алтарь в одном из сел Малой Скифии⁵⁴, а ветеран из Капидавы Элий Лонгин посвятил алтарь Юпитеру Наилучшему Величайшему и Юноне Царице, о чем свидетельствует надпись 161—169 гг. н. э.⁵⁵ Посвящение Гениям села Вергобритианус было сделано ветераном V Македонского легиона Гаем Юлием Валенсом (CIL. III. № 12479).

Некоторые ветераны выполняли в городах и селах Нижней Мезии и Фракии обязанности должностных лиц. Особенно много указаний на это происходит из Малой Скифии, в частности, из Трэзмиса. Так, магистратами этого города были ветераны V Македонского Легиона Гай Валерий Пуденс (CIL. III, 6166), Луций Коминий Валенс и Публий Валерий Клеменс (CIV. III. № 6162). Гай Эгнаций Валенс являлся декурионом (CIL. III. № 6168), а Тит Флавий Александр, Лу-

⁵¹ Ваушанп В. *Ferma romană*... P. 50—65, 147.

⁵² Султов Б. Римска военна диплома от с. Бугово, Великотърновски окръг (Долна Мизия) // Археология. 1985. Кн. 3. С. 38—41.

⁵³ Дмитров Д. П. Антични паметници... С. 291—295.

⁵⁴ Златковская Т. Д. Мезия... С. 68.

⁵⁵ Florescu Gr. *si. colab. Capidava*. Vol. I. P. 90—92. N 13.

ций Лициний Клеменс⁵⁶ и Марк Ульпий Марциан (CIL. III. № 7504) — квинквеналами Трэзмиса, причем Ульпий Марциан был и понтификом.

Замещали ветераны магистратуры и в Томи, где они выполняли обязанности булевта (CIL. III. № 7543) и агоранома⁵⁷. Они входили в состав булэ города Никополис ад Иструм (CIL. III. №№ 1481, 12422). Один из них был дуумвиром Эскуса⁵⁸.

Важную роль играли ветераны и в сельском самоуправлении, о чем красноречиво говорят надписи из сел Малой Скифии⁵⁹.

Известны случаи, когда ветераны занимали в Нижней Мезии высшие жреческие должности. Например, ветеран IV Флавиева легиона Тит Теттий Плот в начале II в. н. э. был *pater sacrorum* (CIL. № 7425 (=6128)), а Тиберий Виталес, ветеран V Македонского легиона, являлся жрецом провинции (CIL. III. № 7506).

Различные муниципальные должности занимали во фракийских землях не только ветераны, но и их дети, внуки. Так сын ветерана Гай Аррий Квинтиан был дуумвиром и авгуром в Трэзмисе (CIL. III. № 7560), а внук ветерана Публия Помпея Монтана (CIL. III. № 12410) являлся булевтом в Никополис ад Иструм (CIL. III. № 12410).

До последнего времени исследователи балкано-дунайских провинций относили ветеранов к привилегированной части населения, представители которой на основе достаточно высокого уровня материального благосостояния имели возможность занимать важные посты в городском и сельском самоуправлении⁶⁰. При этом считалось, что сопровождавшее отставку ветерана денежное вознаграждение являлось довольно значительным⁶¹. Однако польский исследователь Л. Мрозевич, изучая состав провинциальной аристократии Нижней Мезии в первые три века н. э., пришел к выводу, что число ветеранов в ее среде было крайне незначительным (немногим более 7%). По мнению этого автора, именно относительно низкий уровень благосостояния большей части вете-

⁵⁶ Aricescu A. Armata... P. 217. NN 1, 2.

⁵⁷ Aricescu A. Armata... P. 196.

⁵⁸ Mrozewicz L. Rozwoj... S. 94.

⁵⁹ CIL. III. № 14448; Златковская Т. Д. Мезия... С. 68, 107.

⁶⁰ Штаерман Е. М. Энический и социальный состав римского войска на Дунае // ВДИ. 1946. № 3. С. 260—263; Златковская Т. Д. Мезия ... С. 68, 84—86; Геров Б. Землевладение... С. 37—39, 71 и др.

⁶¹ Колосовская Ю. К. Паннония ... С. 118.

ранов не позволял им занимать высокие посты в магистратурах провинциальных городов и сел⁶².

Действительно, размеры вознаграждения, которое получали ветераны, выходя в отставку, невелики. Так, по сообщению Диона Кассия, при Августе размеры *praemia militaria* составляли 20 тыс. сестерциев для преторианцев и 12 тыс. для легионеров (Dio Cass. 55, 23, 1). Между тем, из подсчетов Колумеллы следует, что в середине I в. н. э. югер земли в Италии стоил I тыс. сестерциев (Col. III. 3, 8). Даже учитывая, что в провинциях земля была, как правило, более дешевой⁶³, ветеран, намеревавшийся заняться сельским хозяйством, мог на полученные при отставке деньги приобрести только небольшой земельный участок. А ведь помимо покупки земли, ему предстояло обзавестись необходимым инвентарем, обеспечить хозяйство рабочей силой и т. п. Размеры вознаграждения были увеличены до 25 тыс. сестерциев преторианцам и 20 тыс. легионерам при Каракалле (Dio Cass. 77, 24, 1), однако в это время покупательная способность денег была уже значительно ниже, чем в I в. н. э.⁶⁴. Следовательно, денежное вознаграждение не было значительным, и его нельзя рассматривать как залог будущего материального благополучия. Последнее определялось тем, какую сумму сумел накопить воин за время своей службы. Размеры этой суммы зависели от многих обстоятельств, в частности, от воинского звания, пройденного боевого пути, наконец, личных качеств. Далеко не всем ветеранам удавалось накопить значительные средства, и многие из них, оседая на провинциальных землях, пополняли ряды мелких и средних землевладельцев.

Однако исследование источников показывает, что ветераны играли в самоуправлении городов и сел Нижней Мезии роль, более значительную, чем полагает Л. Мрозевич. Если использовать его же систему подсчетов, то следует учесть, что из примерно 130 надписей ветеранов более 15 — это военные дипломы, в которых нет никаких указаний относительно общественного положения их владельцев после отставки. Кроме того, число ветеранов, занимавших в Нижней Мезии административные и жреческие должности, достигает 20, а не 11, как считает Л. Мрозевич. Следовательно, должностным лицом

⁶² Mrozewicz L. Rozwoj... S. 93—96.

⁶³ Duncan-Jones R. The economy of the Roman Empire. Cambr., 1974. P. 347—348, 366.

⁶⁴ Oliva P. Zum Problem der Finanzkrise im 2. und 3. Jahrhundert u. Z. im römischen Reich // Altertum. 1962. Bd. 8. H. 1. S. 41 f.

был почти каждый пятый ветеран из числа поселившихся на этой территории. Соответственно несколько возрастает и доля ветеранов в среде провинциальной верхушки Нижней Мезии в целом⁶⁵.

Итак, проникновение ветеранов во фракийские земли началось с середины I в. н. э. Особой интенсивности оно достигает во II — первой трети III вв. н. э. — в период относительного экономического и культурного расцвета Нижней Мезии и Фракии в рамках Римской империи.

Селились ветераны главным образом на территории к северу от Балканских гор, особенно вдоль Дунайской границы Нижней Мезии (на территории таких важных военных центров, как Эскус, Нове, Трэзмис), в Малой Скифии. Проникали они и в районы, отдаленные от Дуная — на территорию городов Монтана и Никополис ад Иструм. Колонизация ветеранов во Фракии к югу от Балканских гор отличалась меньшей интенсивностью, хотя именно здесь была основана единственная известная во фракийских землях колония ветеранов Деултум. Немало ветеранов проживало на землях Пауталии, Сердики, Филлиппополя и Августы Траяна.

В Нижней Мезии большинство известных из надписей ветеранов до отставки служило в размещенных здесь воинских частях и впоследствии избрало местом жительства земли в непосредственной близости от военных лагерей. Во Фракии значительную часть ветеранов составляли местные уроженцы, вернувшиеся после службы в родные края.

Колонизация ветеранов в Нижней Мезии и Фракии носила преимущественно аграрный характер. Вышедшие в отставку воины приобретали земельные участки, становились владельцами вилл на этой территории. Некоторые из них, сумев накопить за годы службы значительные средства и умножить их за счет доходов от поместий, получали доступ к магистратурам в городском и сельском управлении, занимали важные жреческие должности. Но большинство ветеранов, не достигнув подобного уровня благосостояния, пополняло ряды мелких и средних землевладельцев Нижней Мезии и Фракии.¹

⁶⁵ Но этот показатель мы не считаем возможным рассматривать в качестве определяющего место ветеранов римской армии в провинциальном обществе, так как нам не известно, какой процент населения провинции они составляли.

Античное государство в концепции Фюстель де Куланжа

Фюстель де Куланж, крупнейший французский историк второй половины XIX в., автор многих работ по средневековой истории, создатель теории континуитета, гораздо меньше известен как специалист по проблемам античной истории. Однако именно в этой области историческая концепция Фюстель де Куланжа характеризуется наибольшей глубиной и прогрессивностью выводов.

Фюстель де Куланж оказал и продолжает оказывать большое влияние на всю европейскую и особенно французскую историографию античности¹. Устойчивость этого влияния позволяет с уверенностью говорить о научной школе Фюстель де Куланжа в области античной историографии².

Фюстель де Куланж поставил своим творчеством коренные проблемы древней истории. Он сумел подойти к античному обществу комплексно, рассмотрев его как единый организм социально-экономических и культурно-политических отношений на протяжении всего периода существования. Фюстель де Куланж смог рассмотреть ядро того, что определяет специфику общества и государства в античности: античный полис. Постановка и попытка решения проблемы античного полиса значительно обогатила и углубила всю концепцию античной истории Фюстель де Куланжа, особенно в той ее части, где историк трактует вопросы государственности.

Теория античного государства у Фюстель де Куланжа заслуживает особого внимания. Во-первых, она имеет наиболее определенный и законченный характер среди других научных выводов историка. Во-вторых, она наиболее ярко демонстрирует плодотворность его полисной теории. В-третьих, рассмотрение ее позволит уточнить некоторые выводы о методологической основе творчества Фюстель де Куланжа. И в-четвертых, она пока не являлась предметом специального рассмотрения,

¹ О влиянии идей Фюстель де Куланжа на основоположников школы «Анналов» говорит в своем исследовании Ю. Н. Афанасьев. Историзм против эклектики: французская школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. М., 1980. А. М. Н. Соколова отмечает, что идеи Фюстель де Куланжа повлияли и на представителя «обновленной школы «Анналов» Жака ле Гоффа: Соколова А. М. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. М., 1979.

² Историография античной истории / Под ред. проф. В. И. Кузищина. М., 1980. С. 6.

хотя европейской историографии известно огромное количество работ, посвященных творчеству французского исследователя. Еще при жизни Фюстель де Куланжа сложились две крайние точки зрения на его творчество. Для одной, как это было во французской национальной историографии, характерно полное отсутствие критического подхода и неумеренная восторженность по поводу выводов историка³. Другая — характерная для большинства немецких ученых — состояла в полном неприятии выводов Фюстель де Куланжа⁴. И лишь немногие из современников пытались критически разобраться в методологических позициях Фюстель де Куланжа и его конкретно-исторических выводах. Наиболее важными в этом плане являются работы Л. Альфана и Ш. Сеньобоса. Всестороннюю оценку исторических взглядов Фюстель де Куланжа дал его ученик и последователь К. Жюллиан. Критическую характеристику исторического метода Фюстель де Куланжа содержат работы Г. Моно, суровую оценку политических взглядов Фюстель де Куланжа дают С. Уилсон, П. Гиро, Л. Димье и особенно Ш. Морра.

В последнее время отмечается возрастание интереса к творчеству Фюстель де Куланжа. Так, в английской историографии античности появились серьезные исследования М. Финли, в частности, статья о древнем городе в концепции Фюстель де Куланжа и М. Вебера⁵.

В США вышла интересная работа Джейн Херрик об исторических взглядах Фюстель де Куланжа⁶, а в Италии идеями Фюстель де Куланжа заинтересовался известный историк А. Момильяно⁷, который дает позитивную оценку основных выводов историка о древнем городе, подчеркивает научное значение «*La cité antique*».

Таким образом, в зарубежной науке существует постоянный и возрастающий интерес к творчеству Фюстель де Куланжа.

Однако концепция античного государства в творчестве Фю-

³ См. работы Ф. Бодри, Г. Буассье, А. Гренье, Э. Априо и др.

⁴ См. работы Г. Вайда, М. Сиккеля, Э. Фютера. При этом необходимо отметить, что наиболее реакционные идеи Фюстель де Куланжа были не только восприняты, но и усилены немецким историком Л. Допшем.

⁵ Finly M. The ancient city from Fustel de Coulanges to Max Weber and history. 1977. V. 19. N 3. P. 305—327.

⁶ Herric, Jane. The historical thought of Fustel de Coulanges. Washington: Catholic Univ. of America Presse, 1954.

⁷ Momiigliano A. La città antica di Fustel de Coulanges // RSI. Napoli, 1970. P. 81—98.

стель де Куланжа не была специально выделена, а узкие методологические рамки буржуазной науки не позволили подняться до уровня достаточно обоснованных научных выводов при анализе творчества французского историка.

Бессильной в научном объяснении теории античной истории Фюстель де Куланжа оказалась и русская дореволюционная историография.

Наиболее серьезное и глубокое исследование творческого наследия французского историка принадлежит советским авторам. Научная оценка методологических основ его творчества, критический анализ доктрины средневековой истории содержится в известных работах М. А. Алпатова, статьях Г. К. Садретдинова и, особенно, в исследованиях Е. В. Гутновой⁸.

Однако концепция античной истории в целом и античного государства в частности в советской историографии не была предметом специального рассмотрения. Оставались неизвестными и некоторые работы французского историка, посвященные проблемам античности.

Рассмотрим в основных чертах концепцию античного государства Фюстель де Куланжа и попытаемся определить ее научное значение, а также его вклад в исследование этой проблемы.

К теме античного государства историк обратился уже в начале своей научной деятельности. В первой своей диссертации, написанной на латинском языке о культе Весты⁹, Фюстель де Куланж рассмотрел значение древних религиозных культов в становлении и развитии античного государства. Вторая диссертация о Полибии¹⁰ продолжает изучение различных аспектов развития античного государства. Именно в этой работе историк высказался об оптимальной политической форме древности. В одной из самых известных работ («La cité antique») ¹¹. Фюстель де Куланж во всей сложности поставил

⁸ Гутнова Е. В. Н.Д. Фюстель де Куланж и его концепция генезиса феодализма // СВ. Вып. 35. М., 1972. С. 255—280; е е же. Место и значение буржуазной позитивистской историографии второй половины XIX в. в развитии исторической науки (по материалам медиевистики) // СВ. Вып. 25 М., 1964 С. 293—298.

⁹ Fustel de Coulanges. *Quid Vestae sultus in institutis veterum privatis publicisque valuerit.* Paris, 1858.

¹⁰ Fustel de Coulanges. *Polybe ou la Grèce conquise par les romains.* In: *Questions historique.* Paris: Hachette. 1893. P. 17—117.

¹¹ Fustel de Coulanges. *La cité antique. Etude sur le culte, le droit, les institutions de la Grece et de Rome.* Paris: Durand, 1864.

проблему античного полиса и попытался охарактеризовать первооснову античной полисной организации. В труде жизни, как по праву называют «Histoire des institutions politique de l'ancienne France»¹², Фюстель де Куланж развивает и конкретизирует проблему античного полиса, переходит к сущности Римской империи как государства, подробно изучает провинциальную и муниципальную системы Рима, исследует судьбы полисной организации.

Большой материал, свидетельствующий о систематизации накопленных знаний по истории политических форм древности, дают неизвестные ранее в нашей литературе «Лекции для императрицы»¹³ Фюстель де Куланжа. К проблемам политической организации античности Фюстель де Куланж не раз возвращается в работах, посвященных проблемам средневековья, а также в своих публицистических статьях.

Всякое государство, в том числе античное, Фюстель де Куланж понимает как определенной природы власть, механизм управления, представленный различными политическими учреждениями, а также органами правосудия и войны¹⁴. Впервые в буржуазной историографии Фюстель де Куланж со всей определенностью поставил вопрос о происхождении государства. При этом он выступил против существующих традиционных точек зрения: теории договора и идеи насилия¹⁵. Собственную концепцию происхождения государства Фюстель де Куланж отработывал на протяжении всей творческой деятельности. На первом этапе, который можно связать с написанием «La cité antique», он выводит все социально-политические институты из религиозных идей. Эти взгляды Фюстель де Куланжа рассматривались в разное время в упоминавшихся работах зарубежных и советских историков и подвергались справедливой критике. Меньше известны рассуждения историка, относящиеся ко второму этапу его научной деятельности, связанному с написанием «Histoire des institutions politique de l'ancienne France», когда одним из определяющих факторов всей социально-политической жизни общества Фюстель де Куланж считает изменения экономического характера, в част-

¹² Фюстель де Куланж. История общественного строя древней Франции. В 6-ти т. / Пер. с фр. под ред. проф. И. М. Гревса. СПб., 1901—1916.

¹³ Fustel de Coulanges. Lecons à l'Imperatrice sur les origines de la civilisation française. Paris: Hachette, 1930.

¹⁴ Фюстель де Куланж. Гражданская община древнего мира / Пер. с фр. под ред. проф. Д. Н. Кудрявского. СПб., 1906. С. 253, 378, 192.

¹⁵ Фюстель де Куланж. Гражданская община ... С. 114, 193.

ности изменения форм собственности на землю. «Всегда, во все времена — писал он, — способы землевладения являлись одним из существеннейших элементов социального и политического организма»¹⁶. Именно они предопределили появление и развитие государственных институтов, составляющих «силу и душу» государства¹⁷.

Таким образом, отметив в основе процесса образования государства факторы материальные, Фюстель де Куланж по-новому попытался решить один из ключевых вопросов древней истории и тем самым продвинулся вперед по сравнению со своими современниками, большинство из которых происхождение государства вообще не рассматривало.

Необходимо отметить еще один важный момент теории происхождения государства у Фюстель де Куланжа. Было время, — со всей определенностью заявляет он, — когда государство не существовало¹⁸, оно появилось в результате развития общества. Этапом, исторически предшествовавшим государству, был период родового строя. Фюстель де Куланж подробно описал родовую организацию на конкретном примере греческого, римского, а также галльского общества и сделал целый ряд интересных замечаний об этом периоде¹⁹. Выделение родового строя в качестве особой исторической эпохи было важным достижением буржуазной науки второй половины XIX века.

Появление государства Фюстель де Куланж связывает с формированием полисной организации. Впервые возникшее государство нашло свое воплощение в политической организации полиса. Если в эпоху господства родовой аристократии управление обществом строилось, по мнению Фюстель де Куланжа, на религиозных, патриархальных принципах, то в основу управления полисной организацией был положен принцип «общественной пользы». По определению историка принцип «общественной пользы» — это то, что «латины называют *res publica*, а греки — *η πολις*»²⁰.

Формирование этого принципа Фюстель де Куланж связывает с появлением в обществе имущественной аристократии,

¹⁶ Fustel de Coulanges, *Histoire des institutions politique de l'ancienne France*. 1-er ed. Paris: Hachette, 1875. P. 21.

¹⁷ Fustel de Coulanges, *Leçons à l'Impératrice*. P. 87.

¹⁸ Фюстель де Куланж. *Гражданская община*... С. 119.

¹⁹ См. *Гражданская община*. С. 111—136; *История общественного строя древней Франции*. Т. I. С. 5—37.

²⁰ Фюстель де Куланж. *Гражданская община*... С. 366.

пришедшей на смену аристократии родовой, жреческой в результате целого ряда социальных переворотов²¹. Социальные перевороты в Афинах были осуществлены в ходе борьбы против эвпатридов, в Риме — в ходе борьбы плебеев с патрициями. В результате установилось наиболее «правильное и законное» политическое устройство — аристократическая республика²².

Оптимальной формой античной республики Фюстель де Куланж считал римскую аристократическую республику. Именно римская республика имела наиболее отрегулированные и организованные институты²³. Римское аристократическое государство оказалось наиболее жизнеспособным и устойчивым государственным образованием. Исследователь утверждает, что в течение всей истории этого государства «не было сделано ни одной серьезной попытки уничтожить установившуюся иерархию»²⁴. Превосходство и устойчивость аристократического управления в Риме Фюстель де Куланж пытался объяснить многочисленными добродетелями римлян²⁵, а также экономическими особенностями, связанными с тем, что «главным элементом богатства являлась земельная собственность, и богатый класс дольше пользовался уважением и властью»²⁶.

Полисная организация в Афинах развивалась, в отличие от римской, по пути дальнейшей демократизации, а следовательно, усиления принципа общественной пользы. Главную причину этого Фюстель де Куланж видит в том, что в Афинах, в противоположность Риму, «богатых земельных владений было мало, главное богатство составляли промышленность и торговля, а непрочность имущественного положения

²¹ Характерно, что в более ранних работах Фюстель де Куланж эти перевороты связывает с изменениями в религии, а на втором этапе своего творчества — с материальными факторами: изменениями земельной собственности, ростом «богатства», денежным переворотом и т. д.

²² Fustel de Coulanges. *La Gaule romaine*. Paris: Hachette, 1891. P. 43.

²³ Ibid. P. 157; Fustel de Coulanges. *Polybe ou la Grèce conquise par les romains*. P. 183—184.

²⁴ Fustel de Coulanges. *L'Invasion germanique et la fin de l'Empire*. Paris: Hachette, 1891. P. 156. В этом утверждении наиболее ярко проявляется общественно-политическая тенденциозность историка, стремившегося не замечать классовой борьбы в истории и выступавшего против всяких революционных и демократических движений.

²⁵ Фюстель де Куланж. *Гражданская община...* С. 343.

²⁶ Там же. С. 375.

возбудила очень рано алчные интересы и надежды низших классов и аристократия скоро подверглась нападению»²⁷.

Автор относится с определенной симпатией к демократическому способу правления, подчеркивая его «выгоды и преимущества». Он считает, что сила этого государства была в его гарантии демократических прав: «подобно тому, как в правильно устроенных монархиях монарх принимает меры предосторожности против собственного каприза и ошибок, так и демократия имела свои неизменные правила, которым она подчинялась»²⁸. Такими правилами были краткосрочность деятельности магистратов, всеобщее избирательное право, право опротестовать любое предложение в народном собрании. В итоге, считал Фюстель де Куланж, «этот вид управления в периоды спокойствия и порядка делал государства очень сильными, эти учреждения удваивали, утраивали человеческие силы»²⁹.

Нетрудно заметить, что демократическое устройство историк считает правильным, так же как правильными называет некоторые монархии. Эту «правильность» Фюстель де Куланж отмечает для того, чтобы подчеркнуть нецелесообразность и неправильный характер форм правления, сопряженных с властью «толпы» и «низших классов». К таким формам Фюстель де Куланж относит тиранию Писистрата, и дает резко отрицательную характеристику раннегреческой тирании³⁰. Тирания в Греции как средство «победы и мести», по мнению историка, была временной формой до установления «лучшего порядка».

Демократия, так выгодно отличающаяся от тирании, с точки зрения Фюстель де Куланжа, все же имеет уязвимые стороны. Негативный момент заключается в необыкновенной трудоемкости демократического управления. Демократическое государство требовало от гражданина таких постоянных и больших затрат, что звание гражданина «было тяжелой обязанностью, которая заполняла все его существование»³¹.

Демократический способ правления таил в себе и опасность, которую Фюстель де Куланж видит в безграничной власти народа и в притеснении богатых, самая же большая опасность заключалась в усилении имущественного неравенства.

²⁷ Фюстель де Куланж. Гражданская община... С. 375.

²⁸ Там же. С. 381.

²⁹ Fustel de Coulanges. Leçons à l'Imperatrice. P. 67.

³⁰ Фюстель де Куланж. Гражданская община... С. 312—322.

³¹ Там же. С. 386.

ва, несмотря на равенство политическое³². Борьба за материальные интересы привела к искажению демократии и в конечном итоге к ее гибели: «Демократия с богатыми у власти сделалась жестокой олигархией, с бедными у власти она стала тиранией»³³. Таким образом, демократия, по мнению Фюстель де Куланжа, воплотила с наибольшей полнотой принцип общеполитической пользы. Однако это был весьма неустойчивый тип полисной системы, который по своей внутренней организации значительно уступал уже известному типу аристократической Римской республики. В характеристике полисной демократии Фюстель де Куланжа необходимо отметить еще один важный вывод, без которого оценка будет неполной — о рабовладельческой основе Афинской демократии³⁴. Фюстель де Куланж, таким образом, впервые в европейской историографии показал классовую основу полисной демократии.

Концепция Фюстель де Куланжа содержит и решение вопроса о судьбах полисной государственной организации. На раннем этапе творческой деятельности он считал, что в процессе завоевания Греции Римом и образования единого римского государства полисная организация была разрушена и прекратила свое существование³⁵. Однако впоследствии историк несколько изменил свое мнение. Включение греческих полисов в состав Рима он рассматривает как закономерный результат всего политического развития эллинского мира и как доказательство превосходства аристократической системы Рима³⁶. Греческий полис был возрожден в рамках этой системы. Римская аристократическая государственная система оказалась настолько жизнеспособной, что полисная организация сумела противостоять разрушениям времени и продолжала существовать и в эпоху Римской империи.

Важнейшей частью концепции античного государства Фюстель де Куланжа является характеристика Римской империи и определение ее сущности. Установление монархии в Риме Фюстель де Куланж считает необходимым и закономерным явлением. По мнению историка, народ воспринял монархию как благодеяние, так как она обладала качествами, обеспечиваю-

³² Fustel de Coulanges. Polybe ou la Grèce conquise par les romains. P. 125.

³³ Фюстель де Куланж. Гражданская община... С. 390.

³⁴ Там же. С. 387.

³⁵ Fustel de Coulanges. Polybe ou la Grèce conquise par les romains. P. 130—134, 144—166, 184—189.

³⁶ Ibid. P. 208—210; Fustel de Coulanges. La Gaule Romaine. Paris: Hachette, 1891. P. 212—224, 228—275.

щими ее превосходство над республикой³⁷. Именно такая форма правления положила конец всем противоречиям в обществе и государстве. Эта форма была наиболее гармоничной, так как она сочетала в себе верховную власть монарха и муниципальную самостоятельность³⁸. Государственное устройство Римской империи «никогда не воплощалось в форме личной власти. В нем не было ничего подобного деспотиям древнего Востока или европейским абсолютным монархиям XVII века. Римский император не стоял превыше всего, над ним парила идея государства»³⁹, то есть идея *cité*.

Понятие «республика», по мнению историка, продолжало жить во времена империи, более того, оно имело определяющее значение в политической жизни. Римские императоры «обладали властью лишь по делегации, совершенной в пользу каждого из них гражданской общиной»⁴⁰. Таким образом, высшей властью у римлян была *cité*. Она была «постоянно и вечно живущим началом, внутри которого проходили одно за другим поколения человеческих личностей»⁴¹. Форма политического полисного государства при этом менялась несколько раз, а принцип этого устройства — верховная власть гражданской общины — сохранялся во все периоды истории Рима. Фюстель де Куланж считал, что именно в рамках Римской империи наблюдался расцвет муниципального строя, а вместе с ним и полисных институтов, и лишь в III—IV вв. они приходят в упадок⁴². Однако традиции полисного устройства были настолько сильны, что элементы *cité* можно проследить, по мнению Фюстель де Куланжа, даже в период средневековья, «среди расцветших феодальных учреждений»⁴³.

Таким образом, согласно концепции Фюстель де Куланжа, полисный строй просуществовал на протяжении всей античной истории, причем наиболее плодотворный период функционирования полисных институтов приходится на первые века Римской империи. Отмечая необыкновенную жизнеспособность и

³⁷ Fustel de Coulanges. *La Gaule Romaine*. P. 200—201.

³⁸ Давая подробную характеристику муниципальной организации на примере Римской Галлии, Фюстель де Куланж постарался затушевать все существующие в античном обществе противоречия.

³⁹ Fustel de Coulanges. *La Gaule Romaine*. P. 149—150.

⁴⁰ *Ibid.* P. 153.

⁴¹ *Ibid.* P. 148.

⁴² Fustel de Coulanges. *L'Invasion germanique et la fin de l'Empire*. P. 35—36.

⁴³ *Ibid.* P. 43.

стабильность *city*, Фюстель де Куланж считает ее оптимальной политической формой древности.

Итак, Фюстель де Куланж явился автором оригинальной в европейской науке XIX в. концепции античного государства. В ней содержится попытка систематизации различных политических форм и периодизации политической истории. Заслугой исследователя явилось выделение таких этапов развития человечества, как родовая строй и эпоха государственности. Он попытался определить исторический смысл таких политических форм, как аристократическая и демократическая республики, раннегреческая тирания, Римская империя. Каждую из форм он попытался рассмотреть в контексте социально-экономических отношений и сделал важные наблюдения о социальной основе различных форм государства, в то время как даже такие маститые ученые, как Т. Моммзен и Дж. Грот рассматривали политическую историю, пренебрегая вопросами социально-экономического развития.

В основу классификации форм правления у Фюстель де Куланжа положен принцип «правильности» и «общественной пользы». Оптимальной он считает организацию, которая в наибольшей степени обеспечивала «внутреннюю гармонию» общества и делала его наиболее жизнеспособным. Такой формой явилась полисная организация, особенно на этапе Римской Империи. Выделение и подробное рассмотрение проблемы античного полиса — одно из самых значительных научных достижений Фюстель де Куланжа. Он сумел определить центральное звено цепи проблем античной истории, которое помогло ему более четко сформулировать теорию античного государства.

Как представителю буржуазной науки, стоящему на позициях позитивизма, Фюстель де Куланжу свойственны многие слабости и ошибки своего времени. Его концепция античного государства обнаруживает классовую ограниченность и политическую тенденциозность. Однако в целом исследования Фюстель де Куланжа по проблемам античного государства явились важным достижением, представляющим одно из передовых направлений буржуазной науки второй половины XIX века.

II. АНТИЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В. И. КАЦ

Эмпорий Херсонес

Экономическая и политическая структура Херсонеса Таврического в ранний период его существования (конец V — середина IV вв. до н. э.) в связи с крайней скудостью источников, в первую очередь письменных, во многом остается для нас неясной.

Были попытки представить Херсонес в начальный период его истории как небольшое поселение, главным и, вероятно, единственным занятием жителей которого была торговля с местным таврским населением¹. Однако никаких прямых доказательств в пользу этой гипотезы приведено не было. Не появились они и к настоящему времени. Напротив, материалы раскопок и разведок, проведенных в последние десятилетия в глубинных районах Юго-западного Крыма, дают основания говорить об отсутствии экономических и социальных предпосылок для широкого товарообмена проживавших здесь тавров с греками не только в конце V—IV вв., но и значительно позже².

¹ Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947. С. 76; Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 54—55.

² Шульц П. Н. О некоторых вопросах истории тавров // ПИСП. М., 1959. С. 247—248; Лесков А. М. Горный Крым в I тысячелетии до н. э. Киев, 1965. С. 127—132; Савеля О. Я. О греко-варварских взаимоотношениях в Юго-западном Крыму в VI—IV вв. до н. э. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979; Щеглов А. Н. Тавры и греческие колонии в Таврике // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 211.

Значительно большее распространение получило представление об исключительно аграрной направленности экономики Херсонеса с момента его возникновения³. Несмотря на кажущуюся стройность этой концепции, аргументация, приводимая в ее подтверждение, является далеко не бесспорной. Поэтому не случайно все чаще стали появляться заявления о недопустимости недооценки роли торговли, в первую очередь транзитной, в экономике раннего Херсонеса⁴.

Примиришь эти полярные оценки недавно попыталась А. А. Зедгенидзе. Она полагает, что уже на рубеже V—IV вв. Херсонес имел всесторонне развитую экономическую структуру. Доходы, получаемые от активной посреднической торговли, позволили жителям города к началу IV в. осуществить организацию хоры, создать относительно развитое ремесленное производство и завершить формирование демократических политических институтов⁵.

Таким образом, по мнению А. А. Зедгенидзе, процесс становления херсонесского полиса заканчивается уже в первые десятилетия после появления гераклеийских колонистов в Юго-западном Крыму. Однако эти положения не представляются убедительными, так как являются результатом произвольного удревления на несколько десятилетий таких важных моментов в жизни раннего Херсонеса, как освоение греческими мореходами краткого южного маршрута плавания по Черному морю, размежевание территории Маячного мыса, создание мощного гончарного производства в городе⁶.

³ Тюменев А. И. Херсонес и местное население: тавры // ВДИ. 1949. № 4. С. 76; Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 27; Доманский Я. В. О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья // Археологический сборник. Л., 1965. С. 135.

⁴ Кац В. И. О роли торгового фактора в возникновении Херсонеса Таврического // УЗ МОПИ. Т. 21. Вып. 5. 1965. С. 139; Щеглов А. Н. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху // Античная история и культура Средиземномья и Причерноморья. Л., 1968. С. 332; Сапрыкин С. Ю. Экономические основы колонизационной деятельности Гераклеи Понтийской // Проблемы греческой колонизации ... С. 178.

⁵ Зедгенидзе А. А. Херсонес Таврический и классический период. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1983.

⁶ Методика определения «новых» дат оказалась на удивление простой. В качестве основного материала, датирующего отмеченные выше события, использованы клейма I группы синопских астиномов. При этом А. А. Зедгенидзе отказалась от общепринятых абсолютных дат их бытования (360—320 гг. до н. э.) и приняла предложенные Б. А. Василенко (СА. 1971. № 3. С. 246 сл.) хронологические границы (конец V — рубеж первой и второй четверти IV вв.). При этом проигнорирован тот факт, что передатировка,

Видимо, не случайно А. А. Зедгенидзе лишь вскользь упоминает о том, что в «Перипле» псевдо-Скилака, где впервые указан Херсонес, он определен автором как эмпорий. Между тем, именно эта оценка, как нам представляется, дает ключ к пониманию своеобразия экономической и политической структуры раннего Херсонеса.

К сожалению, мы пока не располагаем детальным терминологическим анализом этого обширного географического справочника, служившего с середины IV в. до н. э. первоклассным руководством для мореходов, плававших по Средиземному и Черному морям⁷. Поэтому остается не совсем ясным тот смысл, который вкладывает автор, называя Херсонес эмпорием.

Обратимся к § 68 перипла, в котором упомянут Херсонес. Здесь автор после описания Западного черноморского побережья до реки Днестр сразу переходит к характеристике Крыма. Указав на то, что горную, вдающуюся в море часть полуострова населяют тавры, псевдо-Скилак отмечает наличие на этой территории «эмпория Херсонес», расположенного вблизи мыса Бараний Лоб. Далее перечисляются греческие города Восточного Крыма, коренным населением которого являются скифы. Закончив изложение этих общих сведений о Крымском полуострове, автор в заключение дает весьма важное для мореплавателей указание: «от Истра (Дунай) до Бараньего Лба три дня и три ночи прямого пути, а вдоль берега вдвое, так как там есть залив» (Ps. Skyl. 68).

В приведенном отрывке привлекают внимание два момента: употребление термина эмпорий при обозначении Херсонеса

предложенная Б. А. Василенко, встретила серьезные возражения (См.: Кац В. И. Экономические связи позднеклассического Херсонеса // Античный мир и археология. Вып. 4. Саратов, 1979. С. 186; Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л., 1980. С. 42 сл.). Интересная находка, подтверждающая традиционную дату начала клеймения в Синопе, была недавно сделана на Фасосе. В засыпи колодца, надежно датированной Фасосскими клеймами 370—330 гг. обнаружен штемпель синопского астинома начала I хронологической группы (Blonde F. Matériel amphorique récemment trouve dans un puits a Thasos // Recherches sur les amphores Grecques. 1986. BCH. Suppl. XIII. P. 278).

⁷ Geographi Graeci Minores. Ed. K. O. Muller. Paris. 1855. P. XLIII—L; Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. Berlin. 1931. Скржинская М. В. Опис Північного Причорномор'я в «Периплі ойкумени» псевдо-Скилака і «Перієгесі» псевдо-Скіма // Археологія. 35. 1980. С. 25—31.

та и настойчивый совет мореходам воспользоваться кратким маршрутом плавания от Истра к берегам Таврики.

Следует иметь в виду, что в настоящее время не имеется общепризнанного и согласованного определения термина эмпорий⁸. В какой-то степени этому способствует употребление без особой отчетливости данного понятия отдельными древними авторами, которые зачастую одно и то же поселение определяют то как эмпорий, то как полис. Несмотря на наличие такого терминологического разнобоя, прослеживается и определенная закономерность — термин эмпорий обычно применяется к поселениям с торговой направленностью экономики и в первую очередь ко всем пунктам морской торговли⁹.

В анализируемом перипле мы встречаем довольно разработанную терминологическую классификацию поселений. Большая их часть названа полисами, значительно реже упоминаются апойки (Ps. Skyl. 2, 3, 12), укрепления и крепости (Ps. Skyl. 38, 39, 46, 67), гавани (Ps. Skyl. 84—86), эмпории (Ps. Skyl. 1, 34, 67, 68, 102).

Характерно при этом, что при описании Причерноморья псевдо-Скилак употребил термин эмпорий только применительно к Херсонесу, в то время как в Средиземноморье подобных пунктов им названо более десяти. Показательно упоминание города Эмпорион в Иберии: «Эмпорион, греческий город по имени Эмпорион» (Ps. Skyl. 2). Несомненно, автор специально акцентирует внимание на том факте, что данное поселение эллинов, хотя оно и носило название Эмпорион, в его время имело уже статус полиса. Действительно, к середине IV в., когда был составлен перипл, Эмпорион являлся крупным торговым и ремесленным центром, контролировавшим не только прилегающую к городу прибрежную полосу, но и отдельные области внутри материка. Вместе с тем, название этот пункт получил не случайно, так как на первом этапе своего существования в VI — начале V веков Эмпорион являлся небольшой факторией, расположенной на островке у побережья¹⁰.

⁸ Это четко выявилось в ходе дискуссии по докладом, прочитанным на I Всесоюзном симпозиуме по древней истории Причерноморья (См.: Проблемы греческой колонизации ... С. 32—33, 202, 346, 355, 368, 405).

⁹ RE. Hlbd. V. Sp. 2532.

¹⁰ Козловская В. И. К вопросу о фокейской колонизации Испании // Проблемы греческой колонизации ... С. 58—59; Коротких Л. М. Фокейская колонизация Испании. Эмпорион: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 16 сл.

Таким образом, уточнение, которое делает псевдо-Скилак в отношении Эмпориона не только вполне правомерно, но оно же показывает, что автор четко разграничивает статусы эмпория и полиса. Какое же содержание он вкладывает в понятие эмпорий? Прямых указаний на сей счет перипл не содержит, но по ряду косвенных данных признаки, характеризующие этот тип поселений, удается определить достаточно надежно.

Во-первых, все пункты, названные в перипле эмпориями, расположены в прибрежной зоне, в районах, занятых варварскими племенами (иберами, иллирийцами, фракийцами). Во-вторых, дополнительную информацию об экономическом и политическом статусе эмпориев, на наш взгляд, содержит § 67 перипла, дающий описание южного побережья Фракии. Перечислив расположенные в этом районе греческие города Амфиполь, Фагрет, Галепс, Ойсиме и назвав их полисами, автор далее замечает, что в междуречье Стримона и Несте имеются и другие эмпории фасосцев.

Действительно, уже в V в. до н. э. остров Фасос осуществлял контроль над этой частью материковой Фракии, районом, получившим название Фасосская Пиерия. Геродот, называя ряд расположенных здесь поселений фасосскими городами, отмечал получение метрополией больших доходов от своих материковых владений (VI. 46; VII. 108, 118). В связи с введением в научный оборот новых эпиграфических памятников, принципы организации Пиерии, статус поселений этого района и степень экономического и политического влияния Фасоса на них недавно вновь привлекли внимание исследователей¹¹.

Имеются веские основания полагать, что данная территория составляла своеобразную материковую часть фасосского государства, а ее жители находились под фасосской юрисдикцией¹². Несомненно, осуществлялся как экономический, так и политический контроль метрополии над поселениями Пиерии. Однако степень этого контроля могла быть различной. Круп-

¹¹ Pouilloux J. Recherch sur l'histoire et les cultes de Thasos // Etudes Thasiennes. V. 3. Paris. 1954; Graham A. J. Colony and Mother City in Ancient Greece. Chicago, 1983. P. 71 ff.

¹² Об этом, в частности, свидетельствует принятый в конце V в. закон о виноторговле, запретительные статьи которого касаются как жителей острова Фасоса, так и жителей Пиерии. На территории последней выполнение закона должны были контролировать специальные «чиновники с материка» (См.: Salviat F. La vin de Thasos. Amphores, vin et sources écrites // BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 148, 184).

ные города, как например Неаполь, обладали значительным самоуправлением, мелкие же поселения полностью контролировались фасосской администрацией. Видимо, именно эти населенные пункты и названы в перипле эмпориями. Они были меньшими по размеру, чем рядом расположенные полисы, не имели сколь-нибудь значительных земельных владений и соответственно этому не являлись независимыми экономическими и политическими единицами.

Практика создания торговых и военных опорных пунктов на побережье Фракии не являлась изобретением одних фасосцев. К востоку от их владений псевдо-Скилак отмечает наличие других эмпориев, два из которых принадлежали кардианам.

Таким образом, на побережье Фракии удастся зафиксировать своеобразную модель отношений между метрополиями и колониями, когда материнский полис стремился установить и нередко устанавливал не только экономический, но и политический контроль над своими дочерними выселками. В связи с тем, что фасосская Пиерия находилась на относительно близком расстоянии от метрополии, А. Грехем назвал этот феномен «эффектом дистанции»¹³.

С учетом того, что ранний Херсонес также назван в перипле эмпорием, имеются веские основания проверить, нет ли в его экономическом и политическом положении черт, сходных со статусом поселений Фасосской Пиерии.

Не вызывают сомнения относительно небольшие размеры городской территории Херсонеса, по крайней мере, до последней трети IV века¹⁴. Сложнее обстоит дело с определением особенностей экономической жизни раннего города. Как отмечалось выше, нет оснований предполагать наличие сколь-нибудь существенной роли в его экономике торговли с варварским населением Юго-западного Крыма. Вместе с тем, нельзя безоговорочно согласиться и с широко распространенным мнением о господстве земледелия в жизни города с момента его возникновения. Данный вывод базируется, как нам представляется, на некоторых недостаточно доказанных допущениях. Одним из них является признание сугубо аграрного характера колонизации Херсонеса. При этом обычно ссылаются

¹³ Graham. Op. cit. P. 71, 89.

¹⁴ Белов. Херсонес Таврический. С. 41; Стржелецкий С. Ф. Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху // ПИТП. С. 69; Щеглов А. Н. Полис и хора. Симферополь. 1976. С. 14--15.

на факт ярковыраженной земледельческой направленности экономики метрополии Херсонеса Гераклеи Понтийской, в связи с чем якобы интересы торговли «никак не могли играть и не играли при освоении города (Херсонеса — В. К.) сколь-нибудь значительной роли»¹⁵.

Признавая основательность вывода о том, что земледелие на протяжении всей античной эпохи оставалось основным источником благосостояния Гераклеи, нельзя не учитывать то, что его основной отраслью было виноградарство и выращивание различных садовых культур¹⁶. Такая специализация сельскохозяйственного производства стимулировала быстрое развитие ремесленной и торговой деятельности гераклеотов. Город довольно рано стал испытывать нужду, с одной стороны, в зерновых продуктах, а с другой, в емких рынках для сбыта своей винодельческой и ремесленной продукции¹⁷. Поэтому характеристика Гераклеи как чисто аграрного полиса в значительной степени искажает картину сложной экономической жизни одного из самых богатых и процветающих городов Причерноморья.

Нельзя согласиться и с тем, что основную часть переселенцев в Херсонес якобы составляли разоренные в ходе разгрома афинянами хоры Гераклеи мелкие землевладельцы, стремившиеся обзавестись во вновь создаваемой колонии новыми участками земли¹⁸. Данное предположение достаточно гипотетично, так как мы не располагаем положительными сведениями о социальном и имущественном составе колонистов. Кроме того, оно не позволяет дать правдоподобное объяснение тем принципам, которыми руководствовались переселенцы при выборе места для вновь создаваемого поселения. Вряд ли имело смысл отправлять земледельцев на противоположный берег Понта, в то время как в непосредственной близости от метрополии находились удобные для занятия земледелием прибрежные районы, в которых Гераклея имела свои опорные пункты уже с середины V в. до н. э.¹⁹

Трудно объяснить с позиций земледельческого характера колонизации и то, что для вновь создаваемого поселения был

¹⁵ Тюменев. Указ. соч. С. 76.

¹⁶ Xenoph. Anab. V, 4, 29; Theophr. IX, 14, 4—5; Athen I, 32b.

¹⁷ Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 41 сл.

¹⁸ Доманский Я. В. К предьстории Херсонеса Таврического // Античный мир и археология. Вып. 2. Саратов, 1974. С. 40 сл.

¹⁹ Сапрыкин. Гераклея Понтийская — С. 30.

выбран именно район Юго-западного Крыма, территория, населенная воинственными таврами, в то время как Северо-западное побережье полуострова, где в конце V в. наблюдалась куда более благоприятная экологическая и демографическая обстановка²⁰, не привлекло внимания колонистов.

В качестве одного из основных доказательств аграрного характера гераклейской колонизации зачастую ссылаются на якобы интенсивное освоение для нужд сельскохозяйственного производства с момента возникновения Херсонеса прилегающей к городу территории Гераклейского полуострова. Однако при этом древнейшие наделы граждан Херсонеса обычно ищут на Маячном мысу²¹, расположенном на значительном удалении от Карантинной бухты, на берегу которой осели колонисты. Между тем, обнаруженные на территории Маячного мыса клеры никак не могут считаться первоначальными ранними наделами собственной сельской округи Херсонеса. Во-первых, они возникают не ранее второй четверти IV в., то есть через 50—60 лет после появления в Юго-западном Крыму гераклейских колонистов²². Во-вторых, имеются веские основания полагать, что эти наделы принадлежали жителям так называемого «старого» или «страбонова» Херсонеса, возникшего в то же время на перешейке Маячного мыса.

Конечно, нет никаких оснований отрицать факт использования для сельскохозяйственных нужд какой-то части прилегающих к Херсонесу земель уже вскоре после появления города. Однако масштабы освоения этой территории, видимо, долгое время были крайне ограничены. Вряд ли только делом случая можно объяснить то, что пока известно единственное раннее земледельческое поселение в окрестностях Херсонеса²³. Видимо, широкому использованию данной территории мешал открытый для вторжения соседних варваров характер местности. Что такие набеги не были редкостью в первый период жизни колонии, косвенно свидетельствуют мощные укрепления

²⁰ Щеглов А. Н. Северо-западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 116—117; Савеля. Указ. соч. С. 173.

²¹ Блаватский. Указ. соч. С. 27; Доманский. К предыстории... С. 46; Зедгенидзе. Указ. соч. С. 20; Сапрыкин. Гераклея Понтийская ... С. 63.

²² Кац В. И. О времени возникновения сельскохозяйственных усадеб на Гераклейском полуострове // Античный мир и археология. Вып. 1. 1972. с. 30—32; Щеглов А. Н. «Старый» Херсонес Страбона // 150 лет Одесскому археологическому музею. Киев, 1975. С. 135; его же. Полис и хора. С. 41.

²³ Стржелецкий С. Ф. Раскопки 1939 г. у Карантина вблизи Херсонеса Таврического // ХС. Вып. IV. 1948.

«страбонова» Херсонеса, полностью закрывавшие доступ на Маячный мыс, где располагались земельные наделы жителей этого поселения²⁴.

Переход к широкому освоению площади Гераклейского полуострова стал возможен лишь в середине IV в. после появления целой системы укрепленных комплексов по восточной окраине и в глубине полуострова, защитивших его территорию от набегов тавров²⁵.

Таким образом, мы не располагаем достаточными основаниями говорить ни о ведущей роли земледелия на раннем этапе существования Херсонеса, ни о земледельческом характере колонизации этого района. Причины возникновения здесь поселения, несомненно, надо искать в иных сферах деятельности жителей Гераклеи.

Как отмечалось выше, к концу V в. Гераклея стала не только крупным производящим, но и торговым центром Причерноморья. Естественно, что внимание гераклеотов не могли не привлечь рынки северопричерноморских городов, главных экспортёров зерна в Причерноморье. Широкие возможности для активного проникновения в этот регион открылись именно в конце V в. в связи с сокращением в ходе Пелопонесской войны торговой и политической активности афинян²⁶.

Вывод колонии на северное побережье Понта был закономерным и необходимым явлением в жизни Гераклеи. Надо думать, что в создании здесь опорного пункта были заинтересованы в первую очередь торговые слои города²⁷. Проникновение на рынки северопричерноморских городов позволило им расширить вывоз отдельных видов ремесленной продукции и осуществить чрезвычайно обильные поставки вина. Уже на рубеже V—IV вв. гераклейский напиток поступал не только во все греческие, но и в большинство варварских поселений этого региона²⁸. С другой стороны, тесные экономические контакты с Северным Причерноморьем дали возможность гераклео-

²⁴ Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического // ХС. Вып. VI. 1961. С. 38; Щеглов. Подпис и хора. С. 41.

²⁵ Николаенко Г. М. Организация хоры Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1984. С. 278.

²⁶ Фролов Э. Д. Тирания в Гераклее Понтийской // Античный мир и археология. Вып. 2. Саратов, 1974. С. 128.

²⁷ Сапрыкин. Экономические основы ... С. 176.

²⁸ Брашинский И. Б. Керамические клейма Гераклеи Понтийской // НЭ. V. 1965. С. 11.

там не только обеспечить собственные потребности в зерне, но и организовать широкую транзитную торговлю хлебом²⁹.

С учетом, в первую очередь, интересов гераклеийской торговли был осуществлен и выбор места на северном берегу Понта для вновь создаваемого поселения. Колония возникла в одном из наиболее благоприятных с точки зрения безопасности стоянки кораблей бухт Юго-западного Крыма³⁰. Учитывалось и то, что значение этого пункта для общепонтийской торговли в период перехода от каботажного плавания к кратким маршрутам, идущим через водные пространства Понта, неизмеримо выросло. Явно не случайно в анализируемом перипле вслед за упоминанием Херсонеса автор указывает на наличие краткого западного морского пути к Крыму, конечным пунктом которого была херсонесская гавань³¹. Основывая Херсонес, гераклеийские мореходы несомненно учитывали возможность установления прямой связи между метрополией и вновь создаваемой колонией. По крайней мере, уже к концу первой четверти IV в. краткий южный маршрут плавания от Пафлагонии к Таврике функционировал³². С этого момента юго-западная оконечность Крыма оказалась на пересечении двух наиболее напряженных потоков движения кораблей в водах Понта, что не могло не способствовать превращению Херсонеса в крупный центр транзитной морской торговли³³. Кроме того, к середине IV в. он становится естественным складочным пунктом, регулировавшим торговлю греческих центров Средиземноморья и Южного Причерноморья со всем Западным Крымом³⁴.

Несомненно, что, по крайней мере, до последней трети IV в. нормальная жизнь поселения у Карантинной бухты в большой мере зависела от систематического ввоза основной

²⁹ Сапрыкин С. Ю. Рец.: S. M. Burstein. Outpost of Hellenism: The Emergens of Heraclea on the Black Sea. 1976 /А ВДИ. 1977. № 3. С. 232.

³⁰ Золотарев М. А. Новые данные о древних морских путях в Понте Эвксинском // Проблемы греческой колонизации ... С. 98.

³¹ Есть основания полагать, что освоение этого маршрута приходится еще на V в. до н. э. и является заслугой афинских мореходов (См. Гайдукевич В. Ф. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА. 1969. 116. С. 13.

³² Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.; Л., 1956. С. 168 сл.; Кац. О роли ... С. 137 сл.

³³ Роль Херсонеса как транзитного торгового пункта хорошо отражает нумизматический материал (Гилевич А. М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса. НС. Вып. 3. 1968).

³⁴ Щеглов. Северо-западный Крым ... С. 117—118.

сельскохозяйственной и ремесленной продукции. Не случайно почти во всех группах вещественного материала, обнаруженного при исследовании ранних слоев херсонесского городища, безраздельно господствуют привозные изделия³⁵. При этом, преобладающее положение на протяжении всего периода занимал ввоз из городов южного берега Понта и в первую очередь из метрополии Херсонеса Гераклеи Понтийской³⁶.

Очевидно, что торговый баланс города при отсутствии в нем в то время достаточно мощной производящей базы³⁷ должен был осуществляться со значительным превышением импорта над экспортом. Этот дефицит в какой-то мере мог покрываться за счет доходов, извлекаемых от эксплуатации гавани и портовых сооружений. Кроме того, значительные средства, видимо, поступали от торговых операций в Северо-западном Крыму и Приднепровье, откуда город не только получал необходимую для внутреннего потребления сельскохозяйственную продукцию (в первую очередь хлеб), но и частично вывозил зерно в другие районы греческого мира. Раннее участие херсонесских купцов в общепонтийской хлебной торговле косвенно подтверждается проксенией, данной в начале IV в. до н. э. в Ольвии жителю Херсонеса³⁸.

С учетом всего отмеченного выше, нет оснований отрицать важнейшее, если не первостепенное, место торговли в экономике позднеклассического Херсонеса. Вместе с тем, подобная направленность экономики не могла не оказать влияния на его политическую структуру.

К сожалению, политическое устройство раннего Херсонеса пока не поддается убедительной реконструкции. Единственным источником, содержащим определенную, хотя и скудную информацию по данному вопросу, продолжают оставаться херсонесские монеты, первые выпуски которых появляются через 40—50 лет после основания города³⁹.

³⁵ Стржелецкий. Основные этапы... С. 71; Зедгенидзе. К вопросу о причинах ... С. 92.

³⁶ Стржелецкий. Основные этапы ... С. 71; Кац В. И. Экономические связи позднеклассического Херсонеса // Античный мир и археология. Вып. 4. 1979. С. 184, 190—191.

³⁷ См. дискуссию по докладу А. А. Зедгенидзе // Причерноморье в эпоху эллинизма ... С. 419, 425.

³⁸ Надписи Ольвии. № 11. Л., 1968.

³⁹ А. Н. Зограф определил начало монетной чеканки в Херсонесе вторым—третьим десятилетиями IV в. до н. э. (Античные монеты. МИА. Вып. 16. 1951. С. 146). В. А. Анохин же отнес это событие к 390—380 гг. (Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 20).

Относительно позднее начало чеканки монеты в Херсонесе, по мнению В. А. Анохина, можно объяснить либо отсутствием нужды в ней в этот период, либо тем, что Херсонес на первых порах не имел права ее чеканить⁴⁰. Однако, видимо, нет необходимости противопоставлять отмеченные выше причины, они вполне могли сосуществовать.

Необходимость в собственной монете в Херсонесе должна была возникнуть лишь при определенном, относительно высоком уровне развития внутреннего рынка. Последний же стал активно складываться только после освоения для сельскохозяйственных нужд территории Маячного мыса. Вряд ли только делом случая можно объяснить то, что это событие близко по времени появлению первых монетных выпусков. С другой стороны, нельзя исключить и возможность того, что задержка с чеканкой собственной монеты в Херсонесе явилась результатом сознательной политики его метрополии. Правда, в этом случае придется признать возможность контроля со стороны Гераклеи не только над экономической, но и над политической инфраструктурой города.

Обычно сам факт появления в Херсонесе монеты рассматривается как важнейший показатель суверенитета города, его превращения в автономное государственное образование — polis⁴¹. Однако этот вывод далеко не бесспорен. Известно много случаев, когда чеканка монеты осуществлялась полуавтономными и зависимыми городами и общинами.

За примером далеко ходить не надо. С середины IV в. начинает выпускать свою монету Керкинитиды. Пока мы не располагаем прямыми доказательствами того, что уже в это время город находился в зависимости от Херсонеса. Вместе с тем, большое сходство как в стиле, так и в фактуре монет Керкинитиды и Херсонеса (заставившее некоторых нумизматов даже предположить возможность чеканки керкинитских монет на монетном дворе Херсонеса) не исключает эту возможность. Наконец, показательно, что выпуск собственной монеты в Керкинитиде продолжался и в конце IV — первой половине III вв., в тот период, когда она бесспорно входила в состав херсонесского государства⁴².

Интересно, что аналогичную редким монетам Керкинитиды картину дает нам и сравнение ранних херсонесских монет с

⁴⁰ Анохин. Указ. соч. С. 47.

⁴¹ Анохин. Указ. соч. С. 43, 47.

⁴² Зограф. Указ. соч. С. 160 сл.; Щеглов. Северо-западный Крым ... С. 120.

синхронными по времени монетами Гераклен. Здесь так же наблюдается общность типов и полное сходство весовых характеристик⁴³.

Следовательно, ранние херсонесские монеты не дают однозначного ответа на вопрос о политическом статусе города. Само их появление никак не является бесспорным доказательством полной автономии Херсонеса. Общность монетной типологии Херсонеса и Гераклен, применение единой весовой системы для чеканки монет вполне могут рассматриваться не только как еще одно из важных доказательств экономических и политических связей колонии с метрополией, но и как возможное свидетельство зависимости Херсонеса от Гераклен⁴⁴. Однако в любом случае считать Херсонес в первой половине IV в. до н. э. уже сложившимся полисом со сформировавшейся экономикой и политическими институтами, как нам представляется, нет оснований. Напротив, можно предполагать наличие длительного периода прямой зависимости Херсонеса от Гераклен. Именно этот своеобразный экономический и политический статус Херсонеса, сходный со статусом поселений Фасосской Пиерии, и нашел отражение в перипле псевдо-Скилака, где город назван эмпорием.

С другой стороны, нельзя не отметить существенное отличие между этими населенными пунктами. Поселения Пиерии находились в относительной близости от Фасоса, в то время как Херсонес располагался на противоположном от метрополии берегу Понта, на значительном расстоянии, составлявшем даже с учетом плавания по южному краткому маршруту более 300 километров. Следовательно, «эффект дистанции» в данном случае не мог служить основным фактором, вызвавшим появление столь своеобразных, отличающихся от традиционных для греческого мира связей между метрополией и колонией.

В какой-то степени возможные причины появления подобного феномена помогают раскрыть зафиксированные в источниках данные о колонизационной деятельности Синопы. Во второй половине V в. Синопа контролировала на Юго-восточном побережье Понта целый ряд поселений, самыми значительными из которых были Котиора, Керасунт и Трапезунт. Котиора находилась в 150 км к востоку от Синопы, Трапезунт же почти в 300 (!). В этих трех городах побывал Ксенофонт, и в

⁴³ Зограф. Указ. соч. С. 147; Анохин. Указ. соч. С. 34 сл.

⁴⁴ Ср.: Анохин. Указ. соч. С. 47.

его «Анабазисе» сохранились чрезвычайно ценные указания на характер отношений этих поселений с Синопой. Когда войско греков подошло к стенам Котиоры, то здесь его встретило посольство из Синопы, предупредившее, что любую обиду, нанесенную греками-наемниками городу, синопейцы сочтут за свою собственную, так как «котиориты наши колонисты, и эту область дали им мы, отняв ее у варваров. За что они платят нам определенную дань, так же как керасунтцы и трапезунтцы» (V, 5, 10). Сбор дани и контроль над всеми сторонами жизни колоний осуществляли специальные наместники, присланные из Синопы (Апав. V, 5, 19).

Эти данные Ксенофонта позволили М. Е. Максимовой высказать вполне обоснованное предположение, что в истории Синопы мы наблюдаем редкий пример того, как метрополии «путем внутренней колонизации и установления своего рода гегемонии над своими колониями удалось создать целую политико-экономическую систему городов, служивших для эксплуатации обширных районов черноморского побережья»⁴⁵. Свообразие процесса формирования синопского государства М. Е. Максимовой было определено достаточно четко, однако в настоящее время вряд ли можно согласиться с ее заявлением, что пример Синопы представляет собой уникальное, если не единичное, явление в греческой колонизационной практике.

Аналогичную Юго-восточному Причерноморью картину мы наблюдаем на фракийском побережье (Фасосская Пиерия). Можно полагать, что сходные черты присутствуют в организации некоторых государств Великой Греции (Сибарис) и Малоазийского побережья (Родосская Пиерия)⁴⁶. Таким образом, «синопская модель» внутренней колонизации может считаться достаточно типичным явлением для периода поздней классики.

Не исключено, что основные принципы этой модели на протяжении V в. до н. э. активно применяла Гераклея, создавая на Южном берегу Понта систему зависимых поселений⁴⁷. В рамках этой модели осуществляется и вывод в конце V в. колонии в Юго-западный Крым. Ее создание было для гераклеотов не просто выделением некоторого количества своих граждан с последующей полной самостоятельностью возникшего поселения, а сознательным, направленным усилием метрополии к расширению своего влияния в северопричерноморском регионе.

⁴⁵ Максимова. Указ. соч. С. 67.

⁴⁶ Ггаһат. Op. cit. P. 89, 91.

⁴⁷ Сапрыкин. Гераклея Понтийская ... С. 30.

В соответствии с этим, во вновь основанном поселении формируется своеобразный статус, близкий к статусу поселений Фасосской Пиерии и зависимых городов Юго-восточного Причерноморья. По своему экономическому и политическому положению ранний Херсонес во многом отличался от большинства других северопричерноморских центров. Это не был окончательно сформировавшийся полис со сложившимся сельскохозяйственным производством и ремеслом. Видимо, Херсонес на протяжении по крайней мере 80—90 лет со времени своего основания находился как в экономической, так и в политической зависимости от своей метрополии, выполняя в первую очередь функцию основного опорного пункта Гераклеи на северном побережье Понта.

Е. А. МОЛЕВ

Монеты из раскопок городища и некрополя Китея

Систематические раскопки боспорского города Китея и его некрополя, которые ведутся с 1970 г., дали значительный нумизматический материал, позволяющий в совокупности с другими датирующими находками более или менее точно определить основные этапы истории города. Настоящая заметка посвящена публикации нумизматических материалов из раскопок Китея и его некрополя в 1970—1987 годах.

Всего за 17 полевых сезонов найдено 143 монеты: 124 на городище и 19 на некрополе. За исключением гривенника Елизаветы Петровны 1747 г., все монеты принадлежат античному или раннесредневековому времени. Одна монета золотая (солид Юстиниана), одна биллоновая (статер Рескупорида V — № 95), две серебряные (чеканки Пантикапея — №№ 38 и 124), остальные медные. Кроме того в погребении № 7 некрополя найдена золотая индикация монеты II в. до н. э.¹ Из всего количества находок удалось определить 98 монет. Самые ранние (№№ 1 и 124) датируются 340—330 гг. до н. э. Из них наибольший интерес представляет № 124 с изображением головы Сатира в фас на лицевой стороне и льва, терзающего оленя с легендой ΠΑΝΤΙ на оборотной (Рис. 1). Вес ее 2,78 г., что чуть больше, чем у аналогичной монеты, опубликованной А. Н. Зо-

¹ Зограф А. Н. Античные монеты. МИА. 1951. Вып. 16. Табл. XI. II. 6.

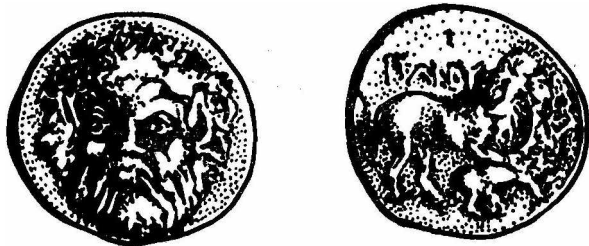

Рис. 1

графом² и Д. Б. Шеловым³. Кроме того, у нее несколько иной штемпель реверса. Находка серебряных монет IV—III вв. до н. э. на Боспоре, как известно, относительно немногочисленны, а главное, все были сделаны в Пантикапее или его ближайших окрестностях⁴, что увеличивает ценность нашей находки.

К IV в. до н. э. относится еще 19 датированных и 10 неопределенных монет. Более половины из них (включая неопределенные) найдены в зольнике. Слой IV в. здесь самый мощный, что свидетельствует о наиболее интенсивном функционировании святилищ, расположенных в этом районе. Именно этим, вероятно, объясняется столь значительное количество находок здесь монет. Интересно, что в мирмекийском зольнике количество находок монет невелико⁵. Причина такого отличия пока не ясна.

Одна из монет Пантикапея (№ 16) имеет надчеканку в виде восьмилучевой звезды, что позволяет говорить об участии ее в денежном обращении города вплоть до 70-х годов III в. до н. э.⁶ Еще одна пантикапейская монета (№ 17), датируемая нами 315—300 гг. до н. э., по мнению К. В. Голенко, относится к рубежу IV—III вв. до н. э.⁷

Таким образом, в IV в. до н. э. на китейском рынке, судя по нашим находкам, обращались исключительно монеты Пантикапея.

² Там же. Табл. XI. 24.

³ Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора в VI—II вв. до н. э. М., 1956. Табл. 4. 46.

⁴ Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора... С. 127.

⁵ Гайдукевич В. Ф. Мирмекийские зольники-эсхары // КСИА. 1965. № 103. С. 65.

⁶ Голенко К. В. К хронологии некоторых медных монет Боспора III в. до н. э. // НЭ. 1970. Вып. VIII. С. 22ч. Прил. № 2

⁷ Там же. № 1.

К III в. до н. э. относятся 19 монет, в том числе 11 определенных. Из последних 8 монет первой половины — середины III в. В этой группе, кроме монет Пантикапея, есть находки плохой сохранности, предположительно относимые нами к чеканке Ольвии и Феодосии (№№ 37, 39). Монеты Ольвии, как известно, довольно редко встречаются на Боспоре⁸. Наш экземпляр, видимо, принадлежит ко второй группе борисфенов, датированной А. Н. Зографом второй третью III в. до н. э.⁹

Монеты II в. до н. э. представлены 8 экземплярами. Большинство из них также составляют выпуски Пантикапея. Но наряду с ними найдены монета Амиса времени Митридата Евпатора и тетрахалк Фанагории. Последние многочисленнее пантикапейских тетрахалков этого же типа в боспорских находках и, вероятно, начали чеканиться несколько ранее¹⁰. Одну из пантикапейских монет, относимую к рассматриваемому периоду (№ 49), с изображением головы Аполлона на лицевой стороне, лука, стрелы и легенды на оборотной, К. В. Голенко считал возможным датировать еще последней четвертью III в. до н. э.¹¹

В целом, денежное обращение в городе в конце II в. до н. э. свидетельствует об усилении понтийского влияния.

К I в. до н. э. относятся 9 определенных и 5 неопределенных монет. Экземпляры первой половины столетия так или иначе связаны с монетным делом Понта при Митридите Евпаторе. Среди них отметим пантикапейский тетрахалк с изображением головы Аполлона или Диониса на лицевой стороне, треножника, тирса и легенды на оборотной (№ 55). Ю. Л. Дюков считает, что на лицевой стороне этих монет изображался Митридат в образе Диониса, причем изображался так, что был неотличим от традиционного для Боспора Аполлона, и сам выпуск этих монет определяет как более понтийский, чем боспорский по своему характеру¹². Тетрахалки данного типа датируются 90—80 гг. до н. э.¹³ К митридатовскому же времени

⁸ Карышковский П. О. Ольвия и Боспор по нумизматическим данным // КСОГАМ за 1962 г. Одесса, 1964. С. 140.

⁹ Зограф А. Н. Указ. соч. С. 130 сл.

¹⁰ Дюков Ю. Л. О монетной чеканке Боспора при Митридите Евпаторе // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977. С. 158.

¹¹ Голенко К. В. Датировка медных монет Пантикапея конца III—II вв. до н. э. // КСИИМК. 1955. № 58. С. 134 сл.

¹² Дюков Ю. Л. Указ. соч. С. 159.

¹³ Голенко К. В. Фанталовский клад боспорских дидрахм I в. до н. э. // ВДИ. 1965. № 4. С. 143—145.

относятся два анонимных обола¹⁴, монеты Синопы и Диоскурии. Последняя использовалась уже как украшение. Факт ее находки в слое I в. до н. э. и то, что уже в это время она была изъята из обращения, свидетельствуют о кратковременности ее обращения на рынке Боспора вообще. Заключительные выпуски I в. до н. э. представлены тетрахалками Пантикалея, Фанагории и монетами Кесарии.

Таким образом, весь эллинистический период истории Китея на его рынке обращались монеты различных городов, но преимущество по-прежнему оставалось за монетами Пантикалея. Царские монеты Спартокидов этой эпохи пока не найдены.

Совершенно иная картина наблюдается в римский период. В это время денежное обращение города состояло почти исключительно из монет боспорских правителей. Особняком стоят две монеты Херсонеса (№№ 87, 132). Причем вторая монета Херсонеса и дупондий Рескупорида II (№ 129), найденные в погребении № 7, использовались как украшения.

Из монет боспорских правителей наиболее многочисленны и лучшей сохранности статеры Рескупорида VI. К ним, по-видимому, относится и большинство неопределенных монет этого времени. Следует отметить также довольно редкие монеты: семис Митридата VIII (№ 69), два сестерция Савромата I (№№ 82 и 130), статер Тейрана (№ 97), двойной денарий Рескупорида V¹⁵ и его же биллоновую монету 560 г. боспорской эры с обратным написанием даты, являющуюся на сегодняшний день редчайшей находкой.

Особый интерес представляет единственная среди китейских находок средневековая монета — золотой солид Юстиниана. Он найден в том же слое, где до этого обнаружен склад раннесредневековых амфор. На аверсе солида погрудное изображение императора анфас. На голове его шлем, украшенный диадемой. В правой руке копьё, конец копья виден из-за левого плеча. В левой руке щит с изображением всадника, поражающего копьём лежащего противника (рис. 2). Размер монеты 2,1×1,9 см. Вес 4,5 г. Легенда: DNIVSTINI ANYSPPAVG. На

¹⁴ Д. Б. Шелов предложил считать эти обола выпусками Махара (см.: Шелов Д. Б. Махар, правитель Боспора // ВДИ. 1978. № 1. С. 64), но позднее отнес их к Фанагории, следуя традиции XIX века (см.: Shelov D. B. Le Royaume portique de Mithridate Eupator // Journal des Savants. 1982. Juillet decembre. P. 254. Fig. 3).

¹⁵ По мнению Д. Б. Шелова, этот тип монет чеканился в первые годы правления Рескупорида V и датируется 40-ми гг. III в. н. э. См.: Шелов Д. Б., Алисимов А. И. Находки монет в Танаисе в 1973—1980 гг. // НЭ. 1984. Вып. XIV. С. 52.

Рис. 2

реверсе крылатая Ника держит в правой руке длинный крест, в левой руке сферу с крестом, под которой восьмилучевая звезда. Легенда: VICTORI AAVGCCCD, под чертой CONOB. Аналогичные солиды Юстиниана¹⁶ представлены на Боспоре семью находками, из которых пять найдены в кладе¹⁷. Чеканулись они в первый период правления Юстиниана с 527 по 538 год. Судя по тому, что в этом же слое обнаружены остатки раннесредневековых амфор, датируемых тем же временем, и монеты Рескупорида VI, можно предполагать, с одной стороны, что Китей существовал по крайней мере до середины VI в. н. э., а с другой стороны, что монеты последних боспорских царей находились в обращении до этого же времени и определять по ним время гибели города IV в. н. э. сейчас уже нет достаточных оснований.

Анализируя выборку монет в хронологическом контексте, мы получаем следующую картину денежного обращения Китея:

IV в. до н. э. — 31 экз.	II в. н. э. — 16 экз.
III в. до н. э. — 19 экз.	III в. н. э. — 12 экз.
II в. до н. э. — 8 экз.	IV в. н. э. — 27 экз.
I в. до н. э. — 14 экз.	VI в. н. э. — 1 экз.
I в. н. э. — 15 экз.	

Такое соотношение не совсем обычно для боспорских городов, где «в самой общей форме характерно преобладание эмиссий III в. до н. э., за ними следуют монеты II в., далее IV в. и, наконец, I в. до н. э.»¹⁸ Чем вызвано такое различие, покажут результаты комплексного обследования всех археологических материалов из раскопок Китея.

¹⁶ Wroth. Catalogue of the Imperial Byzantine coins in the British Museum. Vol. 1. L., 1908. P. 26. N 1. Pl. IV. 9. 10.

¹⁷ Фролова Н. А., Николаева Э. Я. Ильичевский клад монет 1975 г. // Византийский временник. 1978. Т. 39. С. 173 сл.

¹⁸ Голенко К. В. Монеты Нимфея // НЭ. 1974. Вып. XI. С. 65.

№№ п/п	Центр. Прави- тель	Аналоги	Д а т ы
1	2	3	4
1	Пантикапей	З, XL, 21 Ш, IV, 51	340/330 гг. до н. э.
2	.	З, XL, 20 Ш, V, 55	330/315 гг. до н. э.
3	.	.	.
4	.	.	.
5	.	.	.
6	.	З, XL, 19 Ш, V, 56 Б, XX, 88 — 89	.
7	.	.	.
8	.	.	.
9	.	.	.
10	.	З, XL, 18 Ш, V, 57 Б, XIX, 39	.
11	.	.	.
12	.	.	.
13	.	.	.
14	.	З, XL 1,1 Ш, V, 60	315/330 гг. до н. э.
15	.	З, XLI, 2 Ш, V, 61	.
16	.	Б, XX, 70,71	.
17	.	.	.
18	.	.	.
19	.	З, XLI, 3 Ш, V,	.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Диаметр в см.	Сохранность	Год и место находки
5	6	7
1	средняя	1985, IV, Б 7/18
1,5	плохая	1972, III, 1/12
1,3	•	1976, I, 13/12
1,2	•	1982, II, 6/34
1,3	•	1983, II, 6/дно
1,4	•	1970, I, 1/яма
1,5	•	1975, II, 4/40
1,5	•	1976, I, 10/13
1,5	•	1983, II, 7/28
1,8	средняя	1976, II, 5/48
2,1	плохая	1977, II, 4/55
1,3	•	1983, II, 7/29
2,0	•	1983, II, 7/33
2,8	•	1972, I, 4/под кл. 27
1,5	•	1971, I, 14/14
2,0	плохая	1983, V, А2/13
2,1	•	1984, I, 20/15
1,7	•	1984, III, А6/7
1,9	•	1979, I, 16/14

1	2	3
20	с надчеканкой Пантикапей	III, V, 62 Б, XIX, 57 3, XLI, 4 Ш, 61 Б, XX, 70—71
21	Неопределенная	?
22	•	?
23	•	?
24	•	?
25	•	?
26	•	?
27	•	?
28	•	?
29	•	?
30	•	?
31	Пантикапей	3, XL I, 6 Ш, VI, 65 Б, XX, 73—80
32	•	•
33	•	•
34	•	3, XL I, 8 Ш, VI, 69
35	•	3, XL I, 9, Ш, VI, 69—70 Б, XXI, 123
36*	•	3, XL I, 19 Ш, VII, 81
37	•	3, XL I, 21 Ш, V, 63
38	•	•
39	Ольвия (?)	3, XXXII, 17
40	Феодосия	3, XXXIX, 5 Ш, IX, 110
41	Неопределенная	?

4	5	6	7
330—315	1,7	плохая	1984, IV, Б6/12
гг. до н. э. Слой IV в. до н. э.	1,2	очень плохая	1974, II, 5/18
•	2,1	"	1974, II, 5/19
•	2,4	"	1974, II, 5/21
•	1,6	"	1974, II, 5/22
•	2,1	"	1974, II, 5/22
•	1,3	"	1976, II, 5/49
•	1,3	"	1979, II, 4/63
•	1,1	"	1979, II, 4/63
•	1,7	"	1979, II, 4/64
•	1,5	"	1985, IV, Б5/11
пер. пол.	1,3	плохая	1974, II, 5/17
III в. до н. э.	1,7	"	1979, II, 7/под кл. 4
•	1,7	"	1985, IV, Б5/12
•	1,3	"	1984, IV, Б6/8
•	1,3	"	1984, V, Б1/11
посл. треть	1,1	"	1970, I, 2/10
III в. до н. э.	1,1	"	1976, I, 10/14
начало III в. до н. э.	1,0	"	1983, V, А2/13
•	2,1	"	1977, I, 14/11
вторая треть	1,6	"	1972, I, 7/8
III в. до н. э.	1,3	очень плохая	1970, I, 2/9
треть четв.			
III в. до н. э.			
слой III в. до н. э.			

1	2	3
42	.	?
43	.	?
44	.	?
45	.	?
46	.	?
47	.	?
48	.	?
49	Пантикапей	З, ХLI, 12 Ш, V 63
50	.	З, ХL I, 11 Ш, VIII, 96
51	.	З, ХLII, 9 Ш, VIII, 95
52	.	.
53	Амис	З, ХLIII, 2
54	Фанагория	З, ХLIII, 3
55	Диоскурия	ГН, I, 19
56	Пантикапей	З, ХLIII, 15 Б, XXI, 120
57	Синопа	З, ХVIII, 22
58	Фанагория	З, ХLIII, 23
59	.	.
60	.	З, ХLIV, 12 Б, XXIII, 13
61	Пантикапей	З, ХLIV, 11
62	Кесария	З, ХLV, 12
63	.	.
64	Неопределенная	?
65	.	?
66	.	?

Продолжение приложения

4	5	6	7
.	1,4	.	1973, I, 7/10
.	1,5	.	1975, II, 6/14
.	1,0	.	1980, III, 4/8
.	0,8	.	1983, II, 7/33
.	1,0	.	1983, II, 7/34
.	2,0	.	1984, IV, Б6/11
.	1,9	.	1984, IV, Б6/сл. нах.
кон. III — пер. пол. II в. до н. э.	1,1	плохая	1970, I, 1/под кл. 7
пер. пол. II в. до н. э.	1,5	.	1982, II 8/9
ок. 110 г. до н. э.	1,3	.	1970, I, 1/14
.	1,3	.	1970, I, 2/9
111—105 гг. до н. э.	1,8	средняя	1977, I, 14/12
кон. II—I вв. до н. э.	2,1	.	1977, I, 14/12
105—90 гг. до н. э.	1,7	.	1972, I, 4/11
100—75 гг. до н. э.	2,1	.	1985, III, А8/7
80—70 гг. до н. э.	2,0	.	1976, I, 10/13
80—70 гг. до н. э.	2,7	.	1976, II, 6/17
.	2,4	плохая	1979, II, 7/20
30—17/6 гг. до н. э.	1,8	.	1982, II, 7/25
.	1,1	средняя	1985, II, 8/сл. нах.
14—8 гг. до н. э.	2,0	.	1983, V, А2/13
.	2,0	.	1984, II, 8/на бровке
слой I в. до н. э.	2,0	очень плохая	1975, I, 9/10
.	2,0	.	1975, II, 6/11
.	2,3	.	1984, I, 20/11

1	2	3	4	5
67	Аспург	3, XLV, 16	14—37 гг.	2,
68	Митридат VIII	3, XLVI, 7	39—45 гг.	1,
69		3, XLVI, 6		2,
70	Котис I	3, XLVII, 17	45—62 гг.	2,
71	"	3, XLVII, 9		2,
72	"			2,
73	Эвника (?)	3, XLVIII, 4	ок. 68 г.	2,
74	Рескупорид II	3, XLVI, 16	68—92 гг.	2,
75	Неопределенная	?	слой I в. н. э.	0,
76	"	?		1,
77	"	?		1,
78	"	?		2,
79	"	?		2,
80	"	?		3,
81	Савромат I	3, XLVII, 8	93—103 гг.	2,
82		3, XLVII, 10	98—118 гг.	2,
83	"			2,
84	Реметалк	3, XLVII, 18	132—136 гг.	2,
85	"			2,
86	Херсонес	?	слой II в.	2,
87	Савромат II	3, XLVIII, 8	174—186 гг.	2,
88		3, XLIX, 3	196—210 гг.	2,
89	Иинфимей	3, XLIX, 18	234—239 гг.	2,
90	Неопределенная	?	слой II в.	1,
91	"			1,
92	"			1,
93	Рескупорид III	3, XLIX, 10	210—226 гг.	2,
94	Рескупорид V	3, L, 6	263 г.	1,
95		3, L, 13	240—253 гг.	1,
96	Тейран	3, L, 16	275 г.	1,

Продолжение приложения

	6	7
0	средняя	1974, I, 8/13
6	плохая	1976, I, 10/11
3	средняя	1983, II, 8/11
4	•	1970, I, 1/7
4	плохая	1975, I, 10/9
1	•	1983, IV, Б4/сл. нах.
5	•	1976, II, 7/14
5	•	1984, I, 17/10
8	очень плохая	1972, I, 6/10
6	•	1972, I, 6/12
8	•	1972, I, 10/7
1	•	•
2	•	1985, IV, В3/5
0	•	1984, I, 20/10
4	плохая	1973, III, 3/10
6	•	1974, I, 8/5
5	средняя	1985, IV, Б7/яма 32
4	•	1970, I, 2/5
3	плохая	1983, II, 8/12
2	•	1970, II, сл. нах.
4	плохая	1971, I, 4/6
1	средняя	1974, I, 8/13
2	•	1984, II, сл. нах.
7	очень плохая	1972, I, 6/13
6	•	1972, I, 3/яма 22
8	•	1974, II, 5/14
0	плохая	1975, I, 10/5
8	средняя	1973, I, 7/9
8	плохая	1976, II, 6/17
9	•	1984, IV, Б2/5

1	2	3	4
97	Фофорс	3, L, 21	286 г.
98	•		292 г.
99	•	3, L, 19	300 г.
100	•		302 г.
101	Радамсад		311 г.
102	•		318/9 г.
103	Рескупорид VI	3, L, 23	319 г.
104	•		322 г.
105	•	3, L, 25	323 г.
106	•		323 г.
107	•		324 г.
108	•		325 г.
109	•		325 г.
110	•		325 г.
111	•		332 г.
112	Неопределенная	?	слой IV в. н. э.
113	•	?	
114	•	?	
115	•	?	
116	Неопределенная	?	
117	•	?	
118	•	?	
119	•	?	
120	•	?	
121	•	?	
122	•	?	
123	•	?	

Продолжение приложения

5	6	7
2,1		1976, I, 14/6
1,9	средняя	1984, V, Б1/7
1,8	•	1976, I, 10/15
1,8	•	1983, V, А1/11
1,8	плохая	1976, II, 8/4
2,0	•	1985, IV, В3/8
2,0	•	1974, I, 8/6
1,7	средняя	1971, I, 5/12
1,7	•	1971, I, 5/18
1,8	•	1984, V, Б2/6
1,7	плохая	1972, I, 4/9
1,8	средняя	1970, I, 2/7
1,7	плохая	1972, I, 4/9
1,8	средняя	1977, I, 14/10
1,7	•	1971, I, 5/9
1,5	очень плохая	1970, I, 3/9
1,3	•	1971, I, 5/11
2,0	•	1971, I, 5/12
1,8	•	1976, I, 13/очаг 53
1,8	•	1976, I, 13/7
1,5	очень плохая	1976, I, 14/7
1,8	•	1979, I, 16/6
1,9	•	1979, I, 16/7
1,8	•	1979, I, 16/10
1,4	•	1982, IV, А5/3
2,0	•	1983, IV, Б4/7
1,8	•	1984, IV, Б4/4

1	2	3	4	5	6	7
Монеты некрополя						
124*	Пантикапей	З, XL, 24 Ш, IV, 46	340—330 гг. до н. э.	1,5	хорошая	1984, насыпь некроп.
125	.	З, XLI, 7 Ш, V 63	пер. пол. III в. до н. э.	1,7	средняя	1981, погр. 20
126	.	З, XLI, 9 Ш, VIII, 96	сер. III в. до н. э.	1,5	плохая	1979, погр. 8
127	.	З, XLII, 11	пер. пол. II в. до н. э.	1,5	средняя	1983, насыпь некроп.
128	Кесария	З, XLV, 12	14—18 гг. до н. э.	1,9	средняя	1977, погр. 6
129	Рескупорид II	З, XLVII, 5	80—92 гг.	1,8	.	1977, погр. 7
130	Савромат I	З, XLVII, 8	93—103 гг.	2,4	плохая	1972, сл. нах.
131	Реметалк	З, XLVII, 18	132—136 гг.	2,2	.	1973, погр. 5
132	Херсонес	МДХ 267	161—180 гг.	1,8	средняя	1977, погр. 7
133	Рескупорид VI	З, L, 8	264 г.	1,7	.	.
134	Фофорс	.	296 г.	1,9	.	.
135	.	.	298 г.	2,0	.	.
136	.	.	300 г.	1,8	.	.
137	Рескупорид VI	.	319 г.	2,0	.	.
138	.	.	323 г.	2,0	.	.
139	.	.	324 г.	2,0	.	.
140	.	.	?	1,8	плохая	.
141	.	.	?	2,0	.	.
142	Неопределенная	?	?	2,3	очень плохая	.
143	Юстиниан I, солид.	.	527/538 гг.	2,1	отличная	1987, IV, B2/9

Условные обозначения: З — Зограф А. Н. Античные монеты. МИА. 1951. № 16; Ш — Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора в VI—II вв. до н. э. М., 1956; Б — Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллиническим колониям, существовавшим на северном берегу Черного моря. Одесса, 1884; ГН — Каланадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. Тбилиси, 1969; МДХ — Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977; * — знак над цифрой обозначает, что данная монета серебряная; IV, B2/9 — первая цифра обозначает номер раскопа, вторая — номер квадрата и третья — номер штюка.

Археологические исследования на мысе Такиль в Восточном Крыму *

В 1975—76 гг. отряд Китейской экспедиции провел археологическое обследование мыса Такиль, находящегося в 4-х км к востоку от боспорского города Китея¹. Работы были предприняты с целью проверки местоположения боспорского города Акры, неоднократно упоминаемого античными авторами² и локализуемого рядом исследователей на данном мысе³.

Мыс Такиль находится на юго-восточной оконечности Керченского полуострова и представляет собой скалистое плато с небольшим уклоном в сторону степи. В центральной части его имеются высокие скалистые выступы, круто обрывающиеся к морю. По мнению специалистов, мыс образован скалами сарматских известняков и почти не абрадируется⁴.

В процессе шурфовки мыса с юга на север выяснилось, что обильный керамический материал, представленный фрагментами гераклеийских, синопских, хиосских и пантикапейских амфор IV—III вв. до нашей эры, присутствовал лишь в дерновом слое глубиной 10—15 см и не образует культурного слоя. Вероятно, обильный подъемный материал, дававший основания для локализации в этом месте Акры, постепенно осыпался и смывался дождями с прибрежных скал, окаймляющих мыс. Шурфовка, произведенная на вершине скальной гряды, в расщелинах, подтвердила это предположение. Дальнейшие работы были перенесены на юго-западный склон скальной гряды, господствующей над местностью. Общая площадь раскопа составила 40 кв. м. Прослежены три слоя общей мощностью 75—85 см. Первый — комковатый подзолистый гумус серо-коричневого цвета, насыщенный корнями растений; мощность — 20—25 см.

* Этот доклад был сделан автором на Всесоюзной археологической конференции, посвященной памяти В. Ф. Гайдукевича в г. Ленинграде в феврале 1984 года.

¹ Молев Е. А., Молева Н. В. Разведки на мысе Такиль // АО за 1976. М., 1977. С. 342; Молев Е. А., Молева Н. В. Исследования в районе Китея и Акры // Археологические исследования на Украине в 1976—77 гг.: Тез. докл. Ужгород, 1978. С. 85—86.

² Strabo. XI. 28; Ps. Arr. 76; Plin. NH. IV. 86.

³ Марти Ю. Ю. Городища Боспорского царства к югу от Керчи. Киммерик, Китей, Акра // ИТОИАЭ. 1928. Вып. 2. С. 130—131; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство // М.; Л., 1949. С. 119 сл.

⁴ Зенкевич В. П. Морфология и динамика советских берегов Черного моря. М., 1958. С. 193.

Второй — рыхлая светло-серая зола с тонкими прослойками глины; мощность — 35—40 см. Третий — светло-серая зола с известковой крошкой, включениями пещины и горелыми пятнами на материковой скале; мощность — 20 см.

Все слои обильно насыщены керамикой (более 2500 фрагментов). По мере углубления концентрация ее увеличивается (I слой — 583, II — 870, III — 1025 фрагментов). В подавляющем большинстве — 92% — это обломки амфор. 5% составляют фрагменты чернолаковых киликов. 2% — обломки тонкостенной гончарной посуды (тарелки, открытые светильники, солонки). Фрагменты лепных горшков — единичны. Кроме керамики в слоях присутствуют кости домашних животных, створки устриц и мидий.

В I слое преобладают фрагменты хиосских и фасосских амфор V—VI вв. до н. э. Хиосские амфоры представлены тремя разновидностями: с прямым горлом и колпачковыми ножками (первая половина IV в. до н. э.)⁵; пухлогорлые с перехватом (вторая половина V в. до н. э.)⁶; пухлогорлые первой половины V в. до н. э.⁷ Венцы, ручки и тулова последних окрашены полосами красной краски.

Фасосские амфоры представлены двумя типами: биконические с рюмкообразной ножкой и треугольным венчиком (первая половина IV в. до н. э.)⁸ и амфоры с яйцевидным туловом, низкой широкой ножкой и формами венчиков, близких к треугольным (вторая половина V в. до н. э.)⁹. Венцы их окрашены красно-коричневой краской.

Фрагменты гераклейских амфор немногочисленны; на одном из них сохранилась часть энглифического клейма IV в. до н. э.

Чернолаковая керамика представлена фрагментами больших и малых киликов; большие — на низком кольцевом поддоне, со слегка прогнутыми кверху ручками (первая половина V в. до н. э.)¹⁰; малые — полусферические, глубокие, с широко отогнутым венчиком и овальными ручками (середина IV в. до н. э.)¹¹; найдена также часть открытого ионийского светильни-

⁵ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. Вып. 83. С. 75—77. Табл. IV. 11-в, г.

⁶ Там же. Табл. III. 10-а, б; 11-а, б.

⁷ Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980. С. 17.

⁸ Зеест И. Б. Указ. соч. Табл. VIII. 20-д.

⁹ Там же. Табл. VII. 18-а, б; Брашинский И. Б. Греческий... С. 19.

¹⁰ Брашинский И. Б. Греческий... С. 59.

¹¹ Там же. С. 60; Agora XII. № 623.

ка с полосой бурого лака по венчику и возвышенной серединой. Такие светильники — частая находка в комплексах начала V в. до н. э. в античных центрах Северного Причерноморья¹².

Гончарная посуда представлена фрагментами тарелок (17) и обломком миниатюрной светлоглиняной кастрюли с бороздкой для крышечки. Фрагменты тарелок аналогичны подобным находкам из слоя V в. до н. э. в Мирмекии.¹³

Таким образом, I (верхний) слой можно датировать V—IV вв. до н. э.

Во II слое доминируют фрагменты пухлогорлых хиосских амфор с окрашенными валикообразными и кловобразными венцами; под ними бывают кольцеобразные рисунки. Такие амфоры встречаются на Боспоре и датируются концом VI — началом V в. до н. э.¹⁴ Фрагменты фасосских амфор характерны для начала V в. до н. э.¹⁵ На одном из них имеется клеймо в виде вдавленного треугольника — тоже признак раннеклассического времени (первая половина V в. до н. э.)¹⁶. Кроме того, в слое найдены две стаканообразные ножки, несколько фрагментов стенок амфор плотной бежевой глины, импортируемых в боспорские центры с рубежа VI—V вв. до н. э.¹⁷

Чернолаковая керамика слоя представлена фрагментами массивных киликов типа «болсал» первой четверти V в. до н. э.¹⁸ и киликов на низкой ножке со слегка прогнутыми вверх ручками и плавно отогнутым венчиком (конца VI — начала V в. до н. э.)¹⁹. Несколько фрагментов принадлежат чернофигурным киликам с остатками росписи в виде вертикальных пальметт. Подобные находки были сделаны при раскопках

¹² Леви Е. И. Материалы ольвийского теменоса // Ольвия. Л., 1964. С. 156—157 (яма 11). Рис. 25.

¹³ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекии в 1935—1938 гг. // МИА. 1952. Вып. 25. С. 164. Рис. 52.

¹⁴ Брашинский И. Б. Греческий... С. 15; Блаватский В. Д. Отчет о раскопках Пантикапея // МИА. 1962. Вып. 103. С. 11. Рис. 5.

¹⁵ Зеест И. Б. Указ. соч. С. 81. Табл. VI. 16-а.

¹⁶ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекии... С. 215. Рис. 142, 142-а.

¹⁷ Брашинский И. Б. К проблеме локализации группы амфор с так называемыми стаканообразными доньями // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 9.

¹⁸ Брашинский И. Б. Греческий... С. 57.

¹⁹ Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. 1959. Вып. 69. С. 180. Рис. 43, 1; Леви Е. И. Указ. соч. С. 137—138. Рис. 4, 4; Агога XII. N 398.

Ольвии²⁰, Мирмекия²¹, Тиритаки²², Елизаветовского могильника²³. Они характерны для манеры мастера Хаймона, работавшего в первой четверти V в. до н. э.²⁴

В слое обнаружены также 9 фрагментов большого лепного чернолощеного сосуда со слегка отогнутым венчиком, орнаментированного косыми насечками. Керамика такого типа датируется VI—V вв. до н. э.²⁵

В целом находки позволяют датировать II слой концом VI — первой половиной V в. до н. э.

В III слое также преобладают обломки ранних хиосских амфор. Кроме описанных выше, покрытые светлым ангобом, с валикообразным венцом, окрашенным бурым лаком и росписью тонкими полосами такого же лака на горле, тулове и вдоль ручек. Такие амфоры датируются началом VI в. до н. э.²⁶ На ножке одной из них оттиснуто клеймо в виде врезанного кружка, подтверждающего эту дату²⁷.

Часть амфорных фрагментов происходит из малоазийского центра. Глина их — коричневая, плотная, с мелкой слюдой, снаружи покрыта более светлым ангобом. По тулову, вдоль и поперек нанесены широкие полосы коричневого лака. Некоторые исследователи относят такие амфоры к рубежу VII—VI вв. до н. э.²⁸ Большинство археологов считают их продукцией первой половины VI в. до н. э.²⁹

Чернолаковая керамика слоя представлена в основном фрагментами киликов VI—V вв. до н. э., описанных выше. Два обломка имеют чернофигурную роспись в виде двойного ряда пальметт, соединенных плетенкой, с использованием накладной

²⁰ Левн Е. И. Указ соч. С. 152. Рис. 20—21.

²¹ Гайдукевич В. Ф., Прушевская Е. О., Левн Е. И. Раскопки северной и западной частей Мирмекия // МИА. 1941. Вып. 4. С. 13.

²² Книпович Т. М., Славин Л. М. Раскопки юго-западной части Тиритаки // Там же. С. 57. Рис. 83.

²³ Брашинский И. Б. Аттическая расписная и чернолаковая керамика V в. до н. э. из Елизаветовского могильника // ТГЭ. 1976. Т. 18. С. 99. Рис. 1—2.

²⁴ Горбунова К. С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983. № 147—150.

²⁵ Кастанаян Е. Г. Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981. С. 30—31.

²⁶ Худяк М. М. Из истории Нимфея. Л., 1962. С. 41. Табл. 4.

²⁷ Граков Б. Н. Клеймо на амфоре VI в. до н. э. // Нумизматический сборник. М., 1954. Т. 2. С. 16—18.

²⁸ Блаватский В. Д. Указ. соч. С. 10. Рис. 4.

²⁹ Зеест И. Б. Указ. соч. С. 69. Табл. I, 1; Худяк М. М. Указ. соч. С. 17—18. Табл. 6.

белой краски. Размеры фрагментов, их слегка вогнутая внешняя поверхность и миниатюрность росписи указывают на то, что они принадлежали небольшому сосуду, являясь частями горла; может быть, это была маленькая расписная амфора типа панафинейской. Амфоры с подобной росписью горла датируются двумя последними десятилетиями VI в. до н. э.³⁰ Найдены также несколько фрагментов «ионийских чаш» — неглубоких сосудов светлой глины с горизонтальными полосами красного и бурого лака. Аналогичные находки характерны для комплексов VI в. до н. э. Березани³¹, Таманского некрополя³², Мирмекия и Тиритаки³³.

Завершая обзор керамики III слоя, следует отметить два фрагмента открытого лентного чернолощеного сосуда с резным геометрическим орнаментом, состоящим из пересекающихся косых и горизонтальных линий. Подобная керамика связывается с потомками киммерийцев, обитавших на местах возникновения античных городов³⁴. Фрагменты ее были найдены в древнейших слоях Пантикапея³⁵, Нимфея³⁶, сельских поселений Боспора³⁷. Датируются они концом VII — первой половиной VI в. до н. э.³⁸

Кроме керамики в слое обнаружен фрагмент алабастра финикийского стекла сине-желтого цвета и маленькая просверленная раковина каури, служившая, очевидно, амулетом. Основная масса находок слоя датируется VI — началом V вв. до н. э.

Очевидно, зольные слои, насыщенные керамикой, костями животных, створками устриц и мидий, прослеженные в расселинах прибрежных скал и на их юго-западном склоне, откладывались начиная с VI в. до н. э. в течение 200, а может быть и 300 (более поздний материал IV—III вв. до н. э. лежит у подножия скал) лет. Образовавшаяся насыпь является следствием систематического осыпания золы, сбрасывания сюда веще-

³⁰ Горбунова К. С. Указ. соч. С. 189—190. № 164—165.

³¹ Капошина С. И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА. 1952. Вып. 25. С. 230.

³² Гайдукевич В. Ф. Некрополи... С. 158. сл.

³³ Шмидт Р. В. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки // Там же. С. 239.

³⁴ Кастанаян Е. Г. Указ. соч. С. 20—28.

³⁵ Марченко И. Д. Новые данные о догреческом Пантикапее // МИА. 1962. Вып. 103. С. 91, 95.

³⁶ Скуднова В. М. Скифские памятники Нимфея // СА. 1954. XXI. С. 314, 317.

³⁷ Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 49.

³⁸ Кастанаян Е. Г. Указ. соч. С. 12—14.

вого материала — в основном керамики, связанной с употреблением вина и возлияниями.

Предположить в открытом памятнике свалку не представляется возможным, поскольку в радиусе трех километров от него разведками не обнаружено поселений³⁹. Да и само место — красивые скалы на берегу моря — вряд ли могло быть использовано греками для обычной свалки мусора, поскольку живописные ландшафты, в особенности скалы и гроты занимали важное место в их религии. Такие участки чаще всего выбирались для сооружения святилища. Примером тому может служить святилище Деметры в Нимфее, расположенное между скалами прибрежной гряды, за пределами города⁴⁰, а также храмы и жертвенники Греции, виденные Павсанием (Paus. 38, 7).

Судя по структуре слоев и составу находок, можно предположить в памятнике, открытом на мысе Такиль, зольный жертвенник, напоминающий алтари Зевса, Геры, Геи, описанные Павсанием (Paus. V. 13, 8—11; V. 14, 8, 10). Эти алтари представляют собой зольные холмы, образовавшиеся из остатков жертвоприношений. В. Ф. Гайдукевичем было предложено для таких памятников рабочее наименование «зольник»⁴¹, которое прочно вошло в обиход. Подобные зольники были открыты в Мирмекии и Китее⁴². Мирмекийский охватывает вторую половину V — середину III вв. до н. э., китейский — конец V в. до н. э. — IV в. н. э. Обнаруженный на мысе Такиль памятник гораздо более ранний по времени своего возникновения. Он функционировал с начала VI в. до н. э.

Такильский зольник традиционно расположен в прибрежном районе и занимает территорию около 2000 кв. м, естественно ограниченную скалами с севера, востока и юга. Его насыпь, также как в Мирмекии и Китее, имеет мелкослоистую структуру и основным ее компонентом является зола. Во всех трех зольниках среди находок преобладают фрагменты амфор и

³⁹ Гайдукевич В. Ф. Некрополи... С. 211—213; Кубланов М. М. Археологические разведки в районе Коп-Такиля // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 91—96; Молев Е. А., Молева Н. В. Разведки... С. 342; Масленников А. А. О локализации некоторых городов европейского Боспора первых веков н. э. // Вопросы источниковедения, историографии и истории досоветского периода. М., 1979. С. 36.

⁴⁰ Худяк М. М. Указ. соч. С. 42—43.

⁴¹ Гайдукевич В. Ф. Мирмекийские зольники-эсхары // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 29.

⁴² Там же. С. 37.

чернолаковой керамики — в основном киликов⁴³. Подошва зольника представляет собой расчищенную и подтесанную материковую скалу с небольшими углублениями и горелыми пятнами рядом с ними. Очевидно, обилие известняковой крошки на дне зольника образовалось во время расчистки скалы и выдалбливания ямок. Подобные явления наблюдаются и при исследовании подошвы Китейского зольника⁴⁴.

В настоящее время еще невозможно выявить связь зольника с определенными культурами, как это сделано в Мирмекии. Слишком мала раскопанная площадь. Трудно отнести этот памятник и к какому-либо из городов Боспора, тем более — к Акре. Достаточно вспомнить, что Плиний помещает этот город не вслед за Китеем, а за Зефирием (Plin. NH. 4,86), а Псевдо-Арриан — в тридцати стадиях от Китея, т. е. на расстоянии более удаленном, чем мыс Такиль (Ps. Arr. 76). О местоположении этого города в последнее время много писалось и говорилось, но пока он еще не найден.

Возможно предположить, что открытый зольник связан не с поселением, а с некрополем и носит хтонический характер. До мыса доходит курганная гряда, условно именуемая нами по одному из курганов, Джург-Оба. В 30-е годы на мысе Ю. Ю. Марти была раскопана «могила воина», вещи из которой экспонировались перед войной в Керченском музее.

Окончательно определить характер зольника на мысе Такиль могут только дальнейшие раскопки.

С. Ю. МОНАХОВ, Е. Я. РОГОВ

Амфоры некрополя Панское I

Находящиеся на северо-западном побережье Тарханкутского п-ва поселение и некрополь Панское I систематически исследуются Тарханкутской экспедицией ЛОИА АН СССР и Саратовского университета с 1969 г. и фактически стали эталонными памятниками для античной археологии Северного Причерноморья IV — начале III вв. до н. э.¹. На могильнике

⁴³ Там же. С. 31; статьи Е. А. Молева в АО за 1979, 1981, 1982, 1983 годы.

⁴⁴ Молев Е. А. Раскопки Китея // АО за 1982. М., 1984. С. 301.

¹ Щеглов А. Н. Полис и хора. Симферополь, 1976. С. 132; его же. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 46; его же. Тарханкутская экспедиция в 1969—1975 гг. // КСИА. 1978. № 156; его же. 25 лет работы Тарханкутской экспедиции: итоги и перспективы // КСИА. 1985. № 182.

раскопано более трети его площади, включая 25 курганных насыпей и несколько десятков грунтовых погребений в межкурганном пространстве.

Степень изученности памятника такова, что назрела необходимость осмысления накопленного материала. Эта работа начата, и некоторые ее результаты получили отражение в печати. В частности, были проанализированы отдельные виды погребальных конструкций и некоторые детали обряда². Из инвентаря публиковались лишь отдельные находки³, хотя вещевые комплексы могильника сами по себе имеют особое значение, поскольку представлены разными категориями керамики, дающими надежную хронологию. Нет сомнения, что путем корреляции дат по разным группам керамического инвентаря можно не только установить дату погребения в узких пределах, но и значительно уточнить существующие хронологические колонки керамики.

Объем статьи не позволяет дать полное описание всех керамических комплексов некрополя, поэтому в настоящей работе анализируется только керамическая тара — целые и археологически целые формы амфор из могил и тризн в насыпях курганов⁴.

Рассматриваемая коллекция достаточно представительна. Только целых и археологически целых форм амфор было найдено более 50. Правда, некоторые сосуды (в основном амфоры с «копачковой» ножкой) дошли до нас в крайне плохом состоянии, не реставрировались и графически не фиксировались. Поэтому анализируемая часть выборки включает 47 амфор, которые однако дают полное представление о керамической таре некрополя.

В погребальном обряде могильника амфоры занимают за-

² Рогов Е. Я. Сырцовые конструкции в погребальных сооружениях некрополя Панское I // КСИА. 1985. № 182; Щеглов А. Н., Рогов Е. Я. Погребения в подбойных могилах в Нижнем Побужье, Нижнем Поднестровье и Северо-Западном Крыму // Проблемы исследования Ольвии: Тез. докл. Парутино, 1985; Рогов Е. Я. Новые раскопки могильника Панское I в Северо-Западном Крыму // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. М., 1987.

³ Горбунова К. С. Краснофигурный килик, найденный на некрополе Панское I // ИКАМ. М., 1977; Моныхов С. Ю. Еще раз о стандартах емкости амфор эллинистического Херсонеса // ВДИ. 1980. № 4.

⁴ Чернолаковая, простая гончарная и лепная посуда будет издапа авторами отдельной работой совместно с И. В. Тункиной. Некоторые амфоры вошли в сводку И. Б. Брашинского (Методы исследования античной торговли. Л., 1984. Табл. 1. № 142. Табл. 6. № 16, 99. Табл. 7. № 157, 220, 239, 260, 267, 293, 296. Табл. 10. № 3. Табл. 13. № 1, 4).

метное место. Из 27 подкурганных могил, где встречена керамика, амфоры найдены в 18 (19 экз.), т. е. в 60% погребальных комплексов. Несколько хуже они представлены в могилах в межкурганном пространстве — 7 амфор на 19 погребений (~37%). Весьма устойчив обычай использовать амфоры в качестве оссуариев для погребений младенцев в поле курганных насыпей (19 амфор), при этом другой инвентарь в этих могилах не встречается. Амфорный материал доминирует в поминальных тризнах, правда, целые формы тары встречены там лишь однажды (К. 13).

Коллекция представлена сосудами восьми центров производства:

Гераклея — 21	Фасос — 3
Херсонес — 11	Синопа — 1
Хиос — 5	Солоха II (Пепарет?) — 1
Солоха I — 4	Неустановленный центр — 1

В количественном отношении преобладает тара Гераклеи Понтийской. На втором месте находится продукция Херсонеса, куда включается и группа ранних херсонесских амфор, ранее считавшихся боспорскими. Подавляющее большинство типов амфор хорошо известно, имеются типологические схемы⁵, которых мы старались придерживаться⁶.

1. Амфоры Гераклеи Понтийской (табл. 1—3)⁷

Тип I — амфоры №№ 1—7. Наиболее характерным признаком для амфор этого типа является высокий модуль D/H_0 , колеблющийся в интервале 0,443—0,485 независимо от абсолютных размеров сосудов. Пять амфор этого типа представляют самый крупный стандарт гераклейской тары, вероятно, в 3 аттических хоя (9,6 литра)⁸. Для этого варианта I-1 характерны пропорциональные размеры: диаметр туло-

⁵ Зесст И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83; Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980; его же. Методы исследования античной торговли. Л., 1984.

⁶ В тех случаях, когда в рамках известного типа амфор выделяется новая стандартная мера (новый вариант), во избежание путаницы в индексацию типа дополнительно введена арабская цифра после тире.

Описание амфор в тексте максимально лаконично — дается суммарная характеристика типов амфор по центрам производства. Метрические признаки каждого сосуда приведены в табл. 7. Иллюстративный материал подобран по типологическому принципу (табл. 1—6).

⁷ Индексация типов амфор Гераклеи взята по: Брашинский И. Б. Методы... Табл. 7.

⁸ Брашинский И. Б. Методы... С. 109.

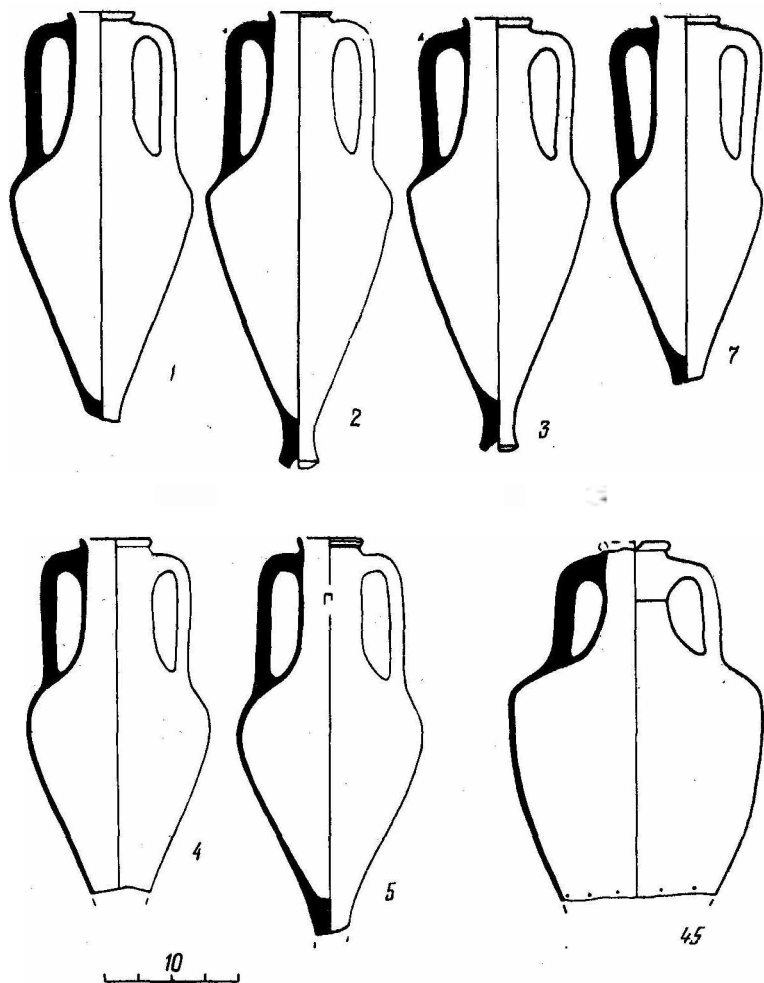

Табл. 1. Гераклейские I типа (№№ 1—7) и синопская (№ 45) амфоры

ва близок высоте верхней части ($\bar{D}=27,9$ см. $\bar{H}_1=27,6$ см), высота горла ($\bar{H}_3=18,0$) составляет треть глубины ($\bar{H}_0=57,0$ см). Плечи и тулово плавной профилировки, ножка заметно расширяется книзу и имеет глубокую ямку на подошве. Многочисленные находки амфор этого типа в хороших ком-

плексах⁹ дают основания относить их к самому раннему выпуску гераклейской тары первой четверти IV в. до н. э.

Амфора № 7 по модулю D/H₀ также должна быть включена в первый тип сосудов, хотя в отличие от амфор варианта I-1 она имеет меньшие размеры и соответственно меньшую емкость (полный объем 6,43 литра), что дает основание считать ее фракционной (вариант I-2).

Все амфоры первого типа клейменные. Преобладают английские клейма ранней первой группы с одним именем в одну или две строки (Архестрат, Гераклед, Дионисий?, Онас), которые надежно датируются первой четвертью IV в. до н. э. Есть одно любопытное наблюдение в отношении этих клейм. Дело в том, что амфоры №№ 1, 3 и 4 и с клеймами I группы происходят из одного комплекса К. 13. Имея очень много схожих черт в профилировке венца, ручек и ножки, что почти не оставляет сомнений в их одновременном изготовлении, они содержат однотипные клейма с разными именами. Возможно, этот факт является дополнительным аргументом в пользу предположения о принадлежности одиночных имен в ранних гераклейских клеймах I группы не магистратам, а фабрикантам¹⁰.

Клеймо на фракционной амфоре № 7 не имеет аналогий в Своде IPE III, но морфологически должно быть отнесено к поздней 3 группе¹¹ и, видимо, не выходит за пределы второй четверти IV в. до н. э.

Особый интерес представляет круглое рельефное клеймо с неясной надписью на горле амфоры № 5. В гераклейской керамической эпиграфике такие клейма не были известны. Уже после находки на Панском одно такое клеймо встречено на поселении Козырка XII, а недавно по архивным материалам установлено, что такое клеймо с читаемой легендой (четыре буквы по кругу, из которых ясны первые три: ОΛΣΗ) стояло на горле амфоры из раскопок ольвийского некрополя¹².

Тип I-A — амфоры №№ 8—14. Модуль для сосудов этого типа несколько меньший (0,387—0,425). По сравнению с первым типом амфор увеличена глубина (56,5—63,0 см) за счет удлинения горла и всей верхней части (H₁ = 28,5—31,7 см). Диаметр тулова, напротив, уменьшается. Коллекция амфор этого типа, как и предыдущего, не является однородной.

⁹ Брашинский И. Б. Греческий... С. 29. № 48—76.

¹⁰ Там же. С. 23. Правда, это не исключает иного варианта — клейма могут быть гончарными.

¹¹ Там же. С. 39.

¹² Архив Л. А. Моисеева в архиве ГХЗ. Д. № 2266. Фото № 81.

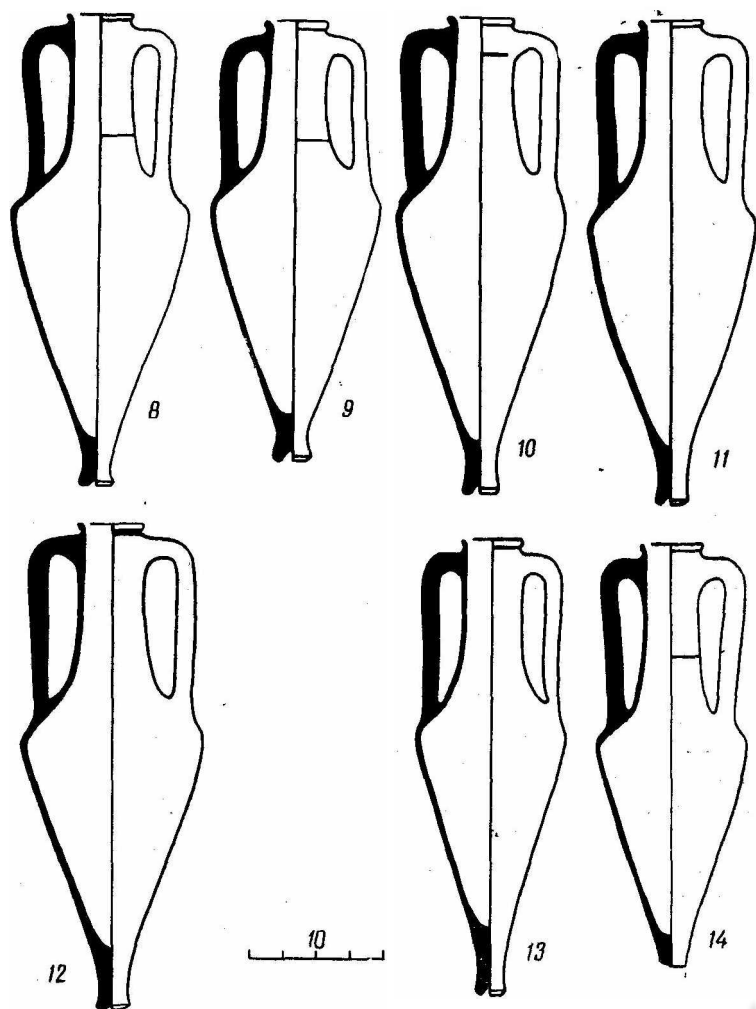

Табл. 2. Гераклейские амфоры типа I—A

Пять амфор варианта I-A-1 (№№ 8—12), видимо, представляют предполагаемый стандарт емкости в 1 гидрию — 7,29 литра¹³, хотя разброс фактического объема этих сосудов нам кажется слишком большим (8,10—10,6 литра). Диаметр тулова

¹³ Брашинский И. Б. Методы... С. 109 сл.

колеблется от 24,6 до 26,7 см, причем тулово приобретает более четкую, приближающуюся к конусовидной, форму; амфора становится стройнее. Вытягивается ножка, которая позднее становится цилиндрической. Наиболее ранними в этой серии являются амфора № 9 с клеймом 1 группы (первая четверть IV в. до н. э.) и амфоры №№ 8 и 10 с клеймами 2 ранней группы, где имеется по два имени в сокращении (вторая четверть IV в. до н. э.). Амфора № 11 морфологически представляется наиболее поздней в данной серии: резкий излом плеч, ножка почти цилиндрической формы и др. Стоящее на ней клеймо магистрата Сатира и фабриканта Гераклея, видимо, следует датировать серединой IV в. до н. э.

Еще две амфоры типа I-A имеют меньший диаметр тулова ($D=22,0-22,4$ см) и их объем составляет 6,2—6,5 литра. Скорее всего это фракционные сосуды по отношению к предыдущему стандарту, что позволяет их считать особым вариантом I-A-2. На одном из них клеймо 3 группы с именем магистрата Сатира, уже встречавшееся на амфоре № 11.

Тип II-1 — амфоры №№ 15—19. При том же практически модуле (0,371—0,400), что и у сосудов типа I-A, эти амфоры имеют более стройные очертания за счет увеличения высоты горла ($H_3=23,0-25,5$ см) и строго конусовидной формы тулова. Плечи с резким переломом. Как правило, ножки цилиндрические, или с небольшим расширением. Можно предполагать, что данный вид тары был рассчитан, как и тип I-A, на меру емкости в 1 гидрию (7,29 литра). Четыре замеренных сосуда имеют полный объем от 7,40 до 8,25 литра.

На двух амфорах этого типа стоят клейма 2 и 3 поздних групп, датирующихся очень широко — второй и третьей четвертями IV в. до н. э. Однако, используя морфологический анализ и контекст погребальных комплексов, можно попытаться установить более узкие даты для каждой из амфор типа II.

Срединой, может быть, концом первой половины IV в. должна датироваться амфора № 18 (К. 15, М. 1). Кроме многочисленной чернолаковой посуды первой половины IV в., в этом погребении обнаружена еще одна гераклеяская амфора типа I-A-1 (№ 11). К середине века следует отнести клейменую амфору № 16 из погребения К. 42, М. 1 и амфору № 19 из К. 57, М. 1. Два оставшихся неклеяемых сосуда №№ 15 и 17 выпущены скорее всего в третьей четверти IV в. до н. э.

Тип II-2 — амфора № 20. По своей морфологии это пропорционально уменьшенный гераклеяский тип II-1. При фактическом объеме амфоры в 5 литров ее стандарт может быть

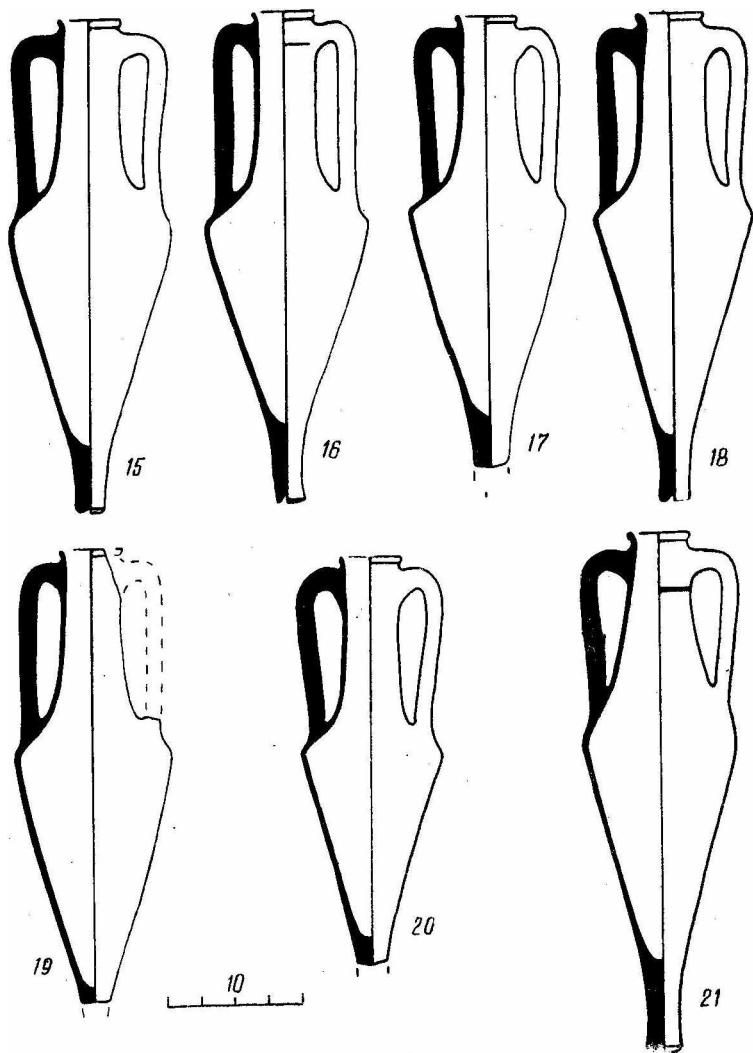

Табл. 3. Гераклейские амфоры типов II и III

равен 1 аддиксу или 1 эгинскому хою в 4,55 литра¹⁴. На горле сосуда треугольное клеймо 4 группы, что позволяет его датировать концом IV — началом III вв.

¹⁴ Брашинский И. Б. Методы... С. 110.

Тип III — амфора № 21. Довольно редкий тип псевдофасосской биконической тары, по имеющимся данным выпускавшийся в Гераклее при магистратах Писистрате и Темисоне¹⁵. Наша амфора также изготовлена в год Темисона, но в мастерской Дионисия, имя которого на амфорах третьего типа не встречалось¹⁶. Стандарт этих редких амфор тот же, что и у сосудов II типа, что, видимо, может расцениваться как аргумент в пользу синхронности их производства. С учетом аналогий и контекста погребения К. 32, М. 2 амфора № 21 может датироваться третьей четвертью IV в. до н. э.

2. Амфоры Херсонеса¹⁷ (табл. 4)

Тип I-A-1 — амфоры №№ 22—27. Это типичные пифонды больших размеров, у которых глубина колеблется в пределах 65,0—67,0 см, диаметр тулова — 35,4—38,0 см. Замеры емкости трех сосудов дали объем от 27,26 до 32,60 литра, что, видимо, соответствует стандартной мере в 6 гемигектов (26,26 литра). Тара этого типа не ангобировалась и не клеймилась. Во всех случаях наблюдаются устойчивые формы клювовидного венца и острореберной ножки. Аналогии из херсонесского могильника и других памятников, как и контекст тех погребальных комплексов некрополя Панское I, где найдены наши сосуды, позволяют уверенно относить их к третьей четверти IV в. до н. э.¹⁶

Тип I-A-3 — амфора № 28. Сохранилась только нижняя часть сосуда. Аналогичные амфоры, известные сейчас в достаточном числе, дают основание считать, что их производство начинается в Херсонесе с последней четверти IV в. до н. э. — они приходят на смену предыдущему варианту I-A-1. Именно на них появляются наиболее ранние клейма херсонесских астиномов, утверждается традиция ангобировать тару. Преемственность этого варианта прослеживается как в морфологии,

¹⁵ Брашинский И. Б. Греческий... С. 24.

¹⁶ Недавно опубликована еще одна амфора III типа с клеймом 2 ранней группы: Лейпунская Н. А. Керамика из затопленной части Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 68. Рис. 1—10.

¹⁷ Их описание дается в соответствии с типологической классификацией, разработанной одним из авторов. См.: Монахов С. Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV—II вв. до н. э. Опыт системного анализа. Саратов, 1989.

¹⁸ Ранее эти амфоры традиционно считались боспорскими. См.: Зеест И. Б. Указ. соч. С. 95. Табл. XVII.

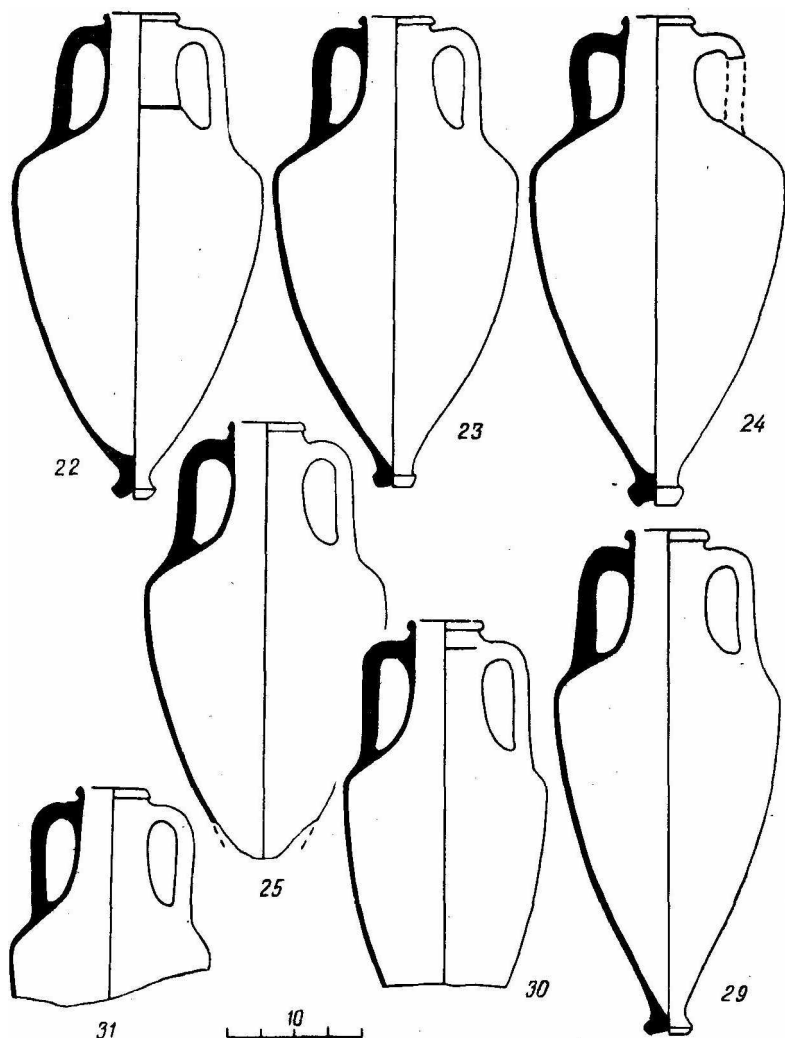

Табл. 4. Херсонесские амфоры типов I-A-I и I-B

так и в стандарте — он остается прежним — в 6 гемигектов. Хотя в целом выпуск амфор варианта I-A-3 продолжается и в первой трети III в. до н. э., сосуд № 28, судя по контексту погребения в К. 2, скорее всего не выходит за пределы последней четверти IV в.

Тип I-B — амфоры №№ 29—32. От предыдущих видов хер-

сонесской тары отличается только одним параметром — меньшим диаметром тулова, значения которого колеблются около 30 см. Стандартная мера емкости этого самого распространенного типа херсонесских амфор составляет 4 гектэкта (17,51 литра). Амфоры типа I-Б выпускались в Херсонесе с конца IV на протяжении всего III в. до н. э. Наши экземпляры могут быть датированы более точно. Амфора № 30 с клеймом Сокрита не выходит за пределы последней четверти IV в. до н. э. Клеймо Александра на сосуде № 32 скорее всего датируется самым началом III в. до н. э.¹⁹ Остальные амфоры по комплексу материала из курганов, где они были найдены, также не могут быть позднее конца IV — первой трети III в. до н. э.

3. Амфоры Хиоса (табл. 5)

Тип Е (с прямым горлом) — № 33. Амфора является поздним фракционным вариантом хиосской тары с прямым горлом второй половины V — начала IV в. до н. э.²⁰ В отличие от более крупных амфор этого типа V в. до н. э. данные сосуды имеют строго коническую форму тулова при диаметре около 25,0 см. Высота верхней части (31,0) составляет половину глубины (61,5). Ножка высокая, очень похоже, что именно такая форма послужила прообразом для более поздних «колпачковых» ножек.

Известно несколько амфор такого типа из Пичвнарского и Елизаветовского могильников²¹. Их хронология не выходит за пределы первой четверти IV в. до н. э., что подтверждается и нашими данными.

Тип Ж (с «колпачковой» ножкой) — амфоры №№ 34—37. Мы располагаем тремя целыми и одной фрагментированной амфорами. Все они одного крупного стандарта, превышающего 20 литров. По аналогиям из Елизаветовского могильника такие амфоры датируются первой половиной IV в. до н. э. Все наши сосуды происходят из детских могил в насыпях курганов К. 21, К. 38, К. 44, К. 57, где основные погребения надежно датируются третьей четвертью IV в. до н. э.

¹⁹ Кац В. И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1985. № 1. Табл. II.

²⁰ Брашинский И. Б. Методы... С. 90; его же. Греческий... С. 17.

²¹ Брашинский И. Б. Методы... Табл. I. №№ 114—119.

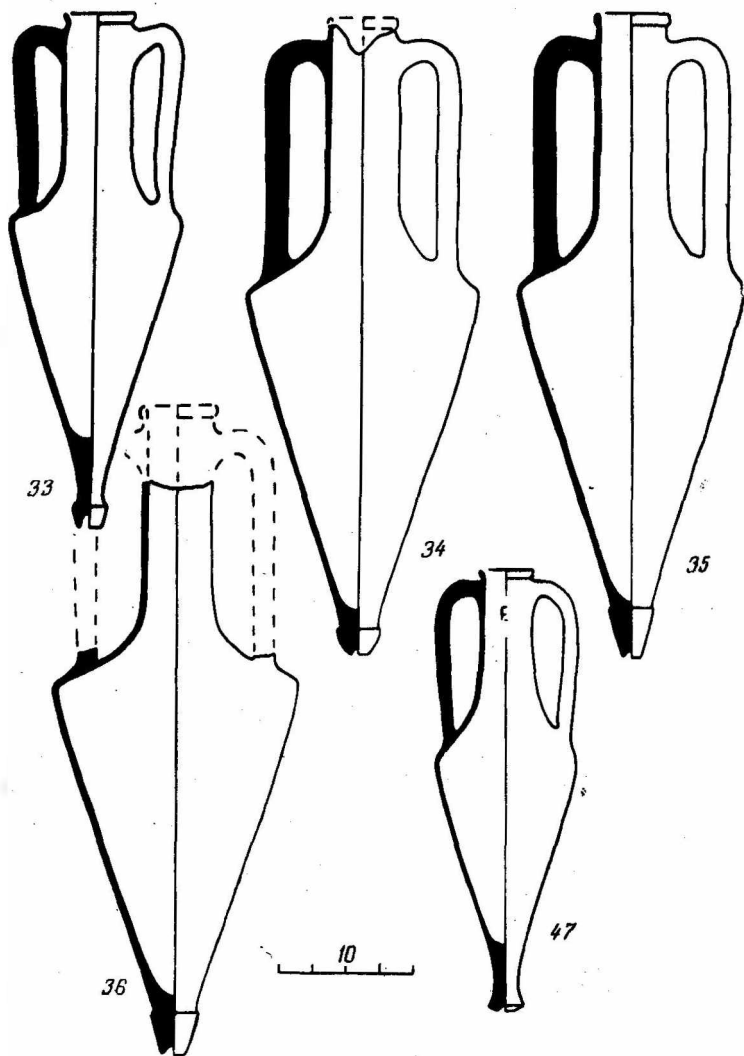

Табл. 5. Амфоры Хиоса (№№ 33—36) и типа Мургиоль (№ 47)

4. Амфоры типа Солоха I: №№ 38—41 (табл. 6)

Как известно, группа сосудов с грибовидными венцами не является единой по своему происхождению. Часть из них может считаться продукцией Родоса, часть — Самоса, высказа-

ны предположения об их производстве на Наксосе и Паросе²², но значительная доля этой тары пока не может быть уверенно локализована. В то же время все комплексы, где они встречаются, датируются достаточно узко — второй и третьей четвертями IV в. до н. э.²³

В нашей выборке представлено, по крайней мере, два вида сосудов типа Солоха I. К первому можно отнести амфоры №№ 38 и 39, где диаметр тулова колеблется около 41,0—43,5 см, глубина — около 65,0 см. Судя по аналогиям²⁴, их емкость значительно превышает 30 литров и может соответствовать стандарту в 10 аттических хоев²⁵.

Второй вариант амфор значительно меньших размеров. Верхняя часть такого сосуда № 41 имеет диаметр тулова около 32 см. Аналогичные амфоры найдены в Вани²⁶ и в Керкинитиде²⁷. Их полная емкость составляет 14—17 литров. Нижняя часть амфоры № 40, видимо, относится к этому же варианту.

При датировке амфор типа Солоха I нашего могильника приходится исходить из хронологии керамических комплексов центральных погребений курганов К. 34, К. 35, К. 38, К. 43, поскольку сами амфоры происходят из детских могил, где другого инвентаря нет. Сосуды №№ 38—40 не выходят за пределы середины — третьей четверти IV в. до н. э., амфора № 41 датируется первой половиной IV в. до н. э.

5. Амфоры Фасоса (табл. 6)

Тип В (биконические) — амфоры №№ 42—44. Выделяется два варианта. Амфора № 42 (вариант В-1) неклеяная, диаметр тулова примерно соответствует высоте верхней части (24—25 см), глубина составляет две такие величины (51 см). Полная емкость 6,9 литра. Близкая амфора встречена на поселении Сладките Кладенци в Болгарии²⁸, где комплекс тары датируется концом V — началом IV в. до н. э.²⁹ Строго бико-

²² Grace V. Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula // *Hesperia*. 1963. Vol. XXXII. P. 322. Fig. 1; Idem. Samian Amphoras // *Hesperia*. 1971. Vol. XL. P. 67. Pl. 15; Empegeur J. Y., Picon M. Des Ateliers d'Amphores a'Paros et a'Naxos // *BCH*. 1986. Vol. CX. P. 495. ff; Брашинский И. В. Методы... С. 45.

²³ Брашинский И. В. Методы... Прил. II, 1.

²⁴ Брашинский И. В. Методы... Табл. 10. №№ 1, 2.

²⁵ Там же. С. 124.

²⁶ Там же. Табл. 10. № 14.

²⁷ ЕКМ. Инв. № А-74. Раскопки М. А. Наливкиной (?). Не издана.

²⁸ Лазаров М. Антични аморфии (VI—I в. пр. не.) от Българского Черноморис // ИИМ Варна. 1973. Кн. IX (XXIV). № 118.

²⁹ Брашинский И. В. Методы... С. 134.

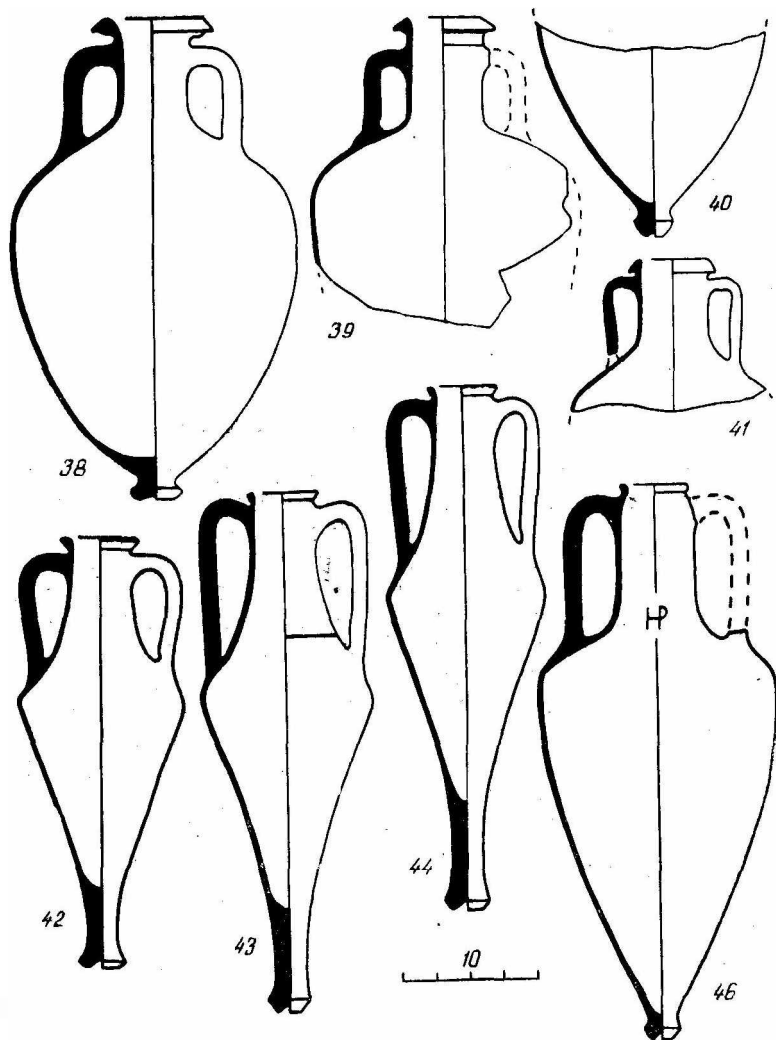

Табл. 6. Амфоры Фасоса (№№ 42—44), типа Солоха I (№№ 38—41), Солоха II (?) (№ 46)

ническая форма амфоры № 42, ее пропорциональные размеры, массивные формы трапециевидного венца и остроресберной ножки позволяют считать данный тип самым ранним для биконической тары. Найденные вместе с нашей амфорой болсал

и лекиф надежно определяют ее дату в пределах первой четверти IV в. до н. э.

«Развитый» вариант фасосских биконических амфор представлен в могильнике двумя сосудами (№№ 43, 44). Их стандарт увеличен (полная емкость 8,2 и 9,0 литра) за счет удлинения пропорций. Вытягивается как горло, так и нижняя часть тулова вместе с ножкой. Многочисленные аналогии датируются второй — третьей четвертями IV в. до н. э.³⁰ На ручке амфоры № 43 клеймо третьей группы по классификации Ю. Г. Виноградова (370—340 гг. до н. э.)³¹. С учетом другого материала, найденного в могилах вместе с амфорами, они могут датироваться серединой — третьей четвертью IV в. до н. э.

6. Синопская амфора № 45 (табл. 1)

Синопская тара могильника представлена всего одним фрагментированным сосудом, имеющим, однако, значительный интерес. Это крупный пифонд, диаметр тулова которого составляет 38,0 см. Нижняя часть корпуса и ножка отсутствуют. Многочисленные сверлины на тулове дают основание предполагать, что некоторое время амфора использовалась в хозяйстве в отремонтированном виде, и только позднее попала в детское погребение К. 2, а. 2.

Прямые аналоги этому сосуду нам неизвестны, однако имеется серия амфор такой же формы, но с меньшим диаметром тулова (около 35,0 см), которые скорее всего представляют фракционную меру. Амфора из Феодосийского музея известна давно³² и по клейму астинома Никомеда (1 группа) датируется 2 четвертью IV века. Две другие не изданы и происходят из раскопок поселения Гаршино и Панское I в Крыму и по клеймам³³ датируются второй половиной IV и первой третью III в. до н. э. Еще одна такая амфора с клеймом V

³⁰ Брашинский И. Б. Греческий... С. 19; его же. Методы... С. 112. Табл. 6.

³¹ Виноградов Ю. Г. Керамические клейма острова Фасос // НЭ. 1972. Вып. X. С. 27 сл.

³² Зеест И. Б. Указ. соч. С. 90. Табл. XIII, 28 а.

³³ В первом случае трехстрочное клеймо $\Sigma\tau\epsilon\phi\alpha\nu\omicron\varsigma/\alpha\sigma\tau\upsilon\nu\omicron\mu\omicron\upsilon/\Delta\iota\omicron\nu\upsilon\sigma\iota\omicron\upsilon$ IV группы с эмблемой «канфар», во втором — также трехстрочное клеймо $\Theta\epsilon\upsilon\lambda\epsilon\iota\phi\omicron\tau/\alpha\gamma\upsilon\rho\alpha\nu\omicron[\mu]\omicron\upsilon/[\text{Νο}υ\mu\eta\nu]\omicron\upsilon$ конца второй группы с эмблемой «конь».

группы хранится в Одесском музее³⁴. Наконец неклеяная амфора с такими же параметрами недавно найдена в Акташском могильнике³⁵.

Стандартная мера емкости этой серии амфор около 25 литров, емкость же рассматриваемого сосуда № 45 судя по соответствующим расчетам, должна была достигать 32—33 литров. В этом случае весьма вероятно, что данный тип синопской тары обслуживал стандарт в 10 аттических хоев (32,8 литра), т. е. меру, которая в два раза больше синопского 5-хоевого стандарта, установленного для амфор середины — второй половины IV в. до н. э.³⁶

Уникальность амфоры № 45 обуславливается и не имеющим аналогий клеймом (ΑΜΑΔ, эмблема «канфар») на ее ручке. Примечательно, что это, видимо, гончарное клеймо не сопровождается магистратским клеймом ни на этой, ни на другой ручке.

Хронология самой амфоры № 45 может быть установлена достаточно надежно. Поскольку комплекс погребений К. 2, судя по найденным там гераклейской и херсонесской амфорам, не выходит за рамки последней четверти IV — начала III в. до н. э., синопскую амфору, учитывая ее достаточно продолжительное использование в хозяйстве, можно датировать третьей — началом последней четверти IV века.

7. Амфора типа Солоха II (?) (Пепарет?): № 46 (табл. 6).

Морфология этих хорошо известных сосудов довольно однообразна, как, впрочем, и замеры емкости³⁷. Наша амфора отличается от прочих прежде всего своей величиной — ее емкость составляет 27,9 литра, против обычных 16,5—18,5 литра, — за счет больших глубины и диаметра тулова. Если для известной серии амфор типа Солоха II И. Б. Брашинский предполагает стандарт в 5 аттических хоев (16,0 литра)³⁸, то для амфоры № 46 более вероятной будет мера в 8 аттических хоев (26,26 литра). Аналогичный стандарт употреблялся в Херсонесе в третьей четверти IV в. до н. э.³⁹

³⁴ ОАМ. № 25112. Клеймо: 'αστονομοῦ 'Ηρα/κλειδοῦ του Μι/κροῦ

Πατρῶς эмблема «конь». Известна нам по фотографии Б. Н. Гракова.

³⁵ Бессонова С. С. Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А. Акташский могильник скифского времени в восточном Крыму. Киев, 1988. С. 70. Рис. 46—2.

³⁶ Брашинский И. Б. Методы... С. 111. Табл. 8.

³⁷ Там же, Табл. 9.

³⁸ Там же. С. 125.

³⁹ Монахов С. Ю. Еще раз о стандартах... С. 169.

В детской могиле, где обнаружена амфора № 46, другой инвентарь отсутствовал, однако центральное погребение в К. 40 по чернолаковой посуде датируется серединой IV в. до н. э. Видимо в этих пределах следует определять и дату амфоры.

8. Амфора неустановленного средиземноморского центра: № 47 (табл.5)

По своей морфологии, размерам и емкости она напоминает фасосские биконические амфоры IV в. до н. э. Однако некоторые признаки заставляют сомневаться в ее фасосском происхождении. Прежде всего это форма венца, который имеет вид уплощенного, отогнутого наружу валика с небольшим уступом под ним. Своеобразна форма ручек, которые плавно изогнуты и наползают верхним прилепом на венец. Горло очень узкое, стенки тонкие, не более 4 мм. Глина ничем не напоминает фасосскую — она кирпичного цвета с большим количеством мелкой слюды и частицами коричневого цвета⁴⁰.

Перечисленные особенности, видимо, вызывали сомнения и у И. Б. Брашинского, который не стал относить эту амфору к типу фасосских биконических, а включил в группу фасосских «разных»⁴¹. Нам представляется, что и для этого нет оснований. Скорее всего, перед нами образец тары неустановленного средиземноморского центра, на амфорное производство которого оказала сильное влияние фасосская традиция. Наиболее вероятной стандартной мерой для амфор этого вида будет объем в 5 аттических хойников (5,47 литра).

Такие амфоры, получившие в литературе название «типа Муригиоль», в принципе довольно хорошо известны. Кроме погребальных комплексов у с. Муригиоль в Румынии⁴², тара этого типа встречена в одном из Елисаветовских курганов⁴³, а также в Николаевском и Аджигольском могильниках⁴⁴.

⁴⁰ Фотографию амфоры см.: Seeglov A. Un établissement rural en Crimee: Panskoje I (fouilles de 1969—1985) // Dialogues d'histoire ancienne. 1987. Vol. 13. Fig. 13.

⁴¹ Брашинский И. Б. Методы... Табл. 6. № 99.

⁴² Бужор Э. О гето-дакийской культуре в Муригиоле // Dacia. 1958. II. С. 133. Рис. 6—1.

⁴³ Зеест И. Б. Указ. соч. С. 101. Табл. XXII. 47 а.

⁴⁴ Мелюкова А. И. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М., 1975. Рис. 7—2, 3, 4; Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzin // Prähistorische Zeitschrift. 1913. Bd. V. S. 27. Abb. 28r. По словам М. Эберта еще две такие амфоры найдены в курганах у с. Петуховка, однако, их чертежи не приводятся.

Их хронология надежно устанавливается по ряду комплексов. Прежде всего, найденные вместе с нашей амфорой № 47 краснофигурный килик и сетчатый лекиф⁴⁵ позволяют говорить о первой четверти IV в. до н. э. как наиболее вероятной дате. Аджигольский курган 1N, в насыпи которого найдена аналогичная амфора, очень точно датируется по серии синхронных гераклейских, хиосских и мендских амфор из захоронения центральной могилы началом второй четверти IV в.⁴⁶ Тем же временем должны датироваться курганы 3X и 4S у с. Петуховка, где с интересующими нас образцами тары найдено по 14—15 гераклейских или, реже, мендских амфор⁴⁷. Черноразовая посуда из этих погребений подтверждает в целом данную хронологию. Видимо, время выпуска амфор типа Муригиоль следует ограничивать концом первой — второй четверти IV в. до н. э.

Анализ коллекции амфор из некрополя не оставляет сомнений в том, что данная выборка не является случайной в полном смысле этого слова. Это специфично «погребальная» выборка, которая не отражает динамику античного импорта не только в Северо-Западный Крым, но, судя по материалу из раскопок жилых и хозяйственных комплексов, — даже на поселение Панское I. Так, среди амфор некрополя первой половины IV в. мы практически не имеем тары крупных стандартов, которая встречается в синхронных слоях как поселения Панское I, так и других памятников. В могильнике крупные амфоры появляются с середины IV в., когда наряду с плитовыми детскими могилами распространяется обычай использовать амфоры большого стандарта в качестве оссуариев для погребения младенцев. Точно так же выглядит странным почти полное господство гераклейской тары в могилах взрослых, что, кстати, характерно не только для нашего памятника, но и для подавляющего большинства могильников IV в. до н. э. всего Причерноморья, но прежде всего Западного. Вместе с тем поселенческий материал свидетельствует, что в это время наряду с Гераклеей массовый ввоз продукции осуществляли такие центры, как Фасос и Синопа. Однако синопские и фасосские сосуды встречаются в погребениях значительно реже.

⁴⁵ Горбунова К. С. Краснофигурный килик... С. 45.

⁴⁶ Брашинский И. Б. Методы... Прил. II. 1. № 22.

⁴⁷ Ebert M. Op. cit. S. 37 sq. Abb. 41, 42, 54. М. Эберт сообщает, что на ручке одной из амфор типа Муригиоль имеются остатки клея, но, к сожалению, не дает рисунка.

Наблюдения показывают, что в могилы амфоры ставились уже пустыми, без содержимого. Ни разу не были обнаружены следы запечатывания горла, полностью отсутствуют пробки. Очень часто амфоры устанавливались в могилы на боку или горизонтально. Порой в них обнаруживаются мелкие косточки, песок, а в фасосской амфоре из К. 32, М. 1 — даже вток копья. Складывается впечатление, что амфора была просто привычным атрибутом погребального обряда, но при этом вина в ней могло и не быть. Частота же встречаемости гераклейских амфор, на наш взгляд, может быть объяснена тем, что в IV в. до н. э. эта тара имела один из самых малых стандартов, причем, была отнюдь не лучшей по качеству глины. Как показывает археологическая практика, крупные сосуды плотной глины и хорошего обжига весьма часто использовались в хозяйстве вторично, что могло в какой-то степени препятствовать их попаданию в могилы.

Не находившие широкого применения пустые гераклейские амфоры имели больше шансов попасть в состав погребального инвентаря.

При всей специфичности выборки описанная коллекция по ряду частных вопросов, таких как организация амфорного производства, ассортимент тары, ее типология и хронология, значительно расширяет наши знания. Так, именно амфорные материалы некрополя дали основания считать, что крупные пифоидные сосуды, традиционно признававшиеся боспорскими, на самом деле являются самой ранней серией херсонесской тары (тип I-A-1), выпускавшейся в городе до появления практики астиномного клеймения в третьей четверти IV в. до н. э.

Удалось зафиксировать новый тип-стандарт синопских амфор второй половины IV в., причем эта находка дает основание утверждать, что по крайней мере в это время в Синопе наряду с магистратским клеймением существовала и чисто гончарная практика независимого клеймения.

Любопытные наблюдения получены по коллекции гераклейских амфор. Прежде всего, в рамках давно известных типов I и I-A удалось выделить новые варианты тары меньшей емкости. Если базовые стандарты обоих типов имеют фактический объем в 8—11 литров, то варианты I-2 и I-A-2 — чуть более 6 литров. Скорее всего это фракции в $\frac{3}{4}$ основного стандарта, которые выпускались, судя по хронологии погребальных комплексов, во второй четверти — середине IV века. Их доля в общем объеме производства тары в Гераклее неизвестна, однако при сравнительном изучении импорта

разных центров необходимо сделать поправку с учетом и таких фракционных мер.

Кроме того, как видно из таблицы 7, четырнадцать гераклейских амфор из 20 целых форм нашей коллекции имеют клейма на горлах, что составляет около 70% выборки. Это противоречит подсчетам И. Б. Брашинского, который считал, что в Гераклее клеймилась одна амфора из пяти-шести⁴⁸. Мы ни коим образом не претендуем на решение вопроса о коэффициенте клеймения по материалам одного памятника, однако сомнения в правомерности принятой точки зрения они вносят. Это тем более важно, что простой подсчет соотношения клейменных и неклеяемых амфор из огромной репрезентативной выборки, приведенной в книге И. Б. Брашинского⁴⁹, только усиливает сомнения: из 318 экземпляров 266 — клейменных и только 52 неклеяемых (коэффициент клеймения около 83%). Правда, нужно учитывать, что данная выборка, судя по всему, комплектовалась не совсем случайно и в нее попали прежде всего клейменные экземпляры, однако в любом случае соотношение 1 к 5—6 вряд ли реально существовало.

Поскольку амфоры очень часто находятся в погребениях в сопровождении другого керамического инвентаря, открывается возможность проанализировать вопрос о времени «запаздывания» разных категорий керамики в погребениях. Детально мы предполагаем его осветить после издания всех групп материала из некрополя, однако и сейчас можно высказать некоторые наблюдения. Как видно из таблицы 8⁵⁰, амфоры по сравнению с другой керамикой, прежде всего чернолаковой посудой, дают наиболее позднюю дату, которая, видимо, ближе всего ко времени совершения погребения⁵¹. Столовая же посуда, особенно чаши и кубки (болсалы, килики, канфары и др.), как правило, довольно долго находилась в употреблении, о чем говорят часто встречающиеся следы ремонта, потертость лака, утрата отдельных частей и т. п. Напротив, туалетные флаконы, за исключением дорогих расписных экземпляров, вряд ли намного старше амфор. Создается впечатление, что рядовые чернолаковые лекифы могут дать наряду с тарой наиболее точную дату погребения.

⁴⁸ Брашинский И. Б. Методы... С. 54.

⁴⁹ Там же. Табл. 7.

⁵⁰ Таблица 8 дает суммарное и очень грубое представление о соотношении разных групп керамики, так как в ней мы не расчлениаем керамику из одного кургана по отдельным погребениям.

⁵¹ См. также: Брашинский И. Б. Греческий... С. 12.

№ п/п	Тип вариант	П а р а м е т р ы (в см)						D/H ₀	Ем-кость (литр)	Клеймо (группа)	Дата	Комплекс
		H	H ₀	H ₁	H ₃	D	d					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13

Гераклейские амфоры

1	I-I	—	57.7	28.0	18.5	27.8	7.6	0.481	11.60	Δι I гр.	400—375	K.13 Тр.5
2	"	67.4	60.2	28.0	18.5	28.0	7.0	0.465	11.00	Όυαοο палица I гр.	"	M.040
3	"	63.2	56.0	26.0	18.4	27.2	7.8	0.485	10.55	Ήρακλ/λεβα I гр.	"	K.13 M.1
4	"	—	~58.0	27.0	17.2	27.8	8.2	0.479	—	Άρλεο/γρασο палица I гр.	"	K.13 Тр.3
5	"	—	53.3	29.0	17.5	28.0	7.1	0.528	9.50	μονοгр. нечит.	"	K.13 Тр.1
6	"	—	—	—	—	28.8	—	—	—	—	"	K.13 Тр.2
7	I-2	—	50.3	26.5	19.6	22.3	7.8	0.443	6.43	Άριστοκλ[η]s Ήραμον III гр.	375—350	M.048
8	I-A-1	~70.0	~63.0	30.0	22.0	26.7	7.6	0.423	—	Βοτων/Λυκων II гр.	"	K.39 M.1
9	"	65.2	58.5	28.5	20.0	25.6	7.1	0.410	10.70	Ευρι/δαμο I гр.	400—375	M.049
10	"	69.0	61.8	30.0	20.8	25.0	6.9	0.404	9.05	Λυκων/ Κερκινος II гр.	375—350	K.44 M.1
11	"	71.2	62.8	30.5	21.8	24.6	7.2	0.391	8.10	Ήρακλει/επι Σατήρου III гр.	360—340	K.15 M.1

	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	
12	.	70.1	61.4	31.7	23.0	26.1	6.7	0.425		—	—	375—350	K.38 M.1
13	I-A-2	66.0	56.5	29.0	20.5	22.4	7.0	0.396	6.50	—	—	360—340	K.43 M.3
14	.	—	56.8	29.5	23.5	22.0	6.8	0.387	6.20	ἔπι Σ[τα]ρο/	.		K.44 M.1
15	II-1	72.6	63.4	32.0	23.5	24.5	7.1	0.386	8.25	βλαροο палица III гр.		350—325	M.044
16	.	72.0	61.0	32.0	25.5	24.4	7.5	0.400	7.55	...εος/βοτακος II гр.		360—340	K.42 M.1
17	.	—	59.5	28.5	23.4	23.7	8.6	0.398	7.45	—	—	350—325	K.43 M.1
18	.	72.5	63.0	30.5	23.5	23.4	6.8	0.371	7.40	Απολλων/ ἔπι III		375—350	K.15 M.1
19	.	—	~64.0	30.6	~23.0	23.5	7.8	0.397	—	гр. эмбл.	—	360—340	K.57 M.1
20	II-2	—	55.6	28.5	22.3	21.4	7.1	0.384	5.00	Ἄνος палица IV гр.		320—270	K.2 M.6
21	III	73.8	61.3	30.5	18.5	22.6	6.8	0.368	7.80	Διονυσιος		350—325	K.32 M.2
										ἔπι Θεμισ III гр.			

Херсонесские амфоры

22	I-A-1	71.7	65.5	25.1	14.7	37.2	9.3	0.568	32.60	—		350—325	K.41 a.1
23	.	69.2	66.7	25.0	15.5	36.2	8.8	0.543	27.26	—			K.38 a.2
24	.	71.6	67.3	25.0	13.5	38.0	8.5	0.565	31.10	—			K.48 a.1
25	.	~71.0	~65.0	25.7	15.0	35.4	8.6	0.545	—	—			K.42 a.2
26	.	—	—	—	—	38.6	—	—	—	—			K.42 a.1
27	.	—	—	—	—	38.0	—	—	—	—			K.34 a.3
28	I-A-3	—	—	—	—	~37.0	—	—	—	—		325—300	K.2 a.3

1	2	3	4	5	6
29	I-6	72.8	70.7	25.8	14.8
30	.	~70.0	65.0	25.0	15.0
31	.	—	—	24.5	14.3
32	.	—	—	—	15.0
33	E	74.0	61.5	31.0	25.5
34	Ж	~93.0	86.2	40.8	31.0
35	.	94.0	86.0	40.5	31.0
36	.	~93.0	~85.0	~41.0	~32.0
37	.	—	—	—	—
38		71.2	65.0	35.0	16.0
39		—	—	~31.0	16.0
40		—	—	—	—
41		—	—	24.0	12.5
42	B	62.6	51.0	24.0	16.0
43	.	74.5	60.0	29.5	16.5

7	8	9	10	11	12	13
33.5	9.6	0.474	19.32	—	320—280	K.2 а.1
30.6	9.0	0.471	18.51(м)	1. Σοχρίτου/α 2. Π	I-A 325—300	K.52 а.1
30.0	8.6	—	—	—	.	M.012
—	7.8	—	—	Αλεξανδρου/α. ретрогр.	I-B 300—280	K.2 а.4

Хиосские амфоры

25.0	8.2	0.407	8.15	—	400—375	M.032
34.8	9.2	0.404	22.30	—	350—325	K.21 а.1
34.0	9.5	0.393	—	—	.	K.44 а.1
~36.0	~9.5	0.424	—	—	.	K.38 а.3
36.0	—	—	—	—	.	K.57 а.1

Солоха 1

43.5	8.4	0.669	—	—	360—325	K.38 а.1
~41.0	9.2	—	—	—	.	K.34 а.1
~36.0	—	—	—	—	.	K.43 M.2
32.0	9.0	—	—	—	400—375	K.35 а.1

Фасосские амфоры

24.8	8.1	0.486	6.90	διπιντι Α	400—375	K.12 M.1
24.5	7.4	0.408	9.00	Θεοφιλο/ς/Nik . . ретрогр. III гр. эмблема рог изобилия или дельфин	360—325	K.32 M.1

Продолжение таблицы 7

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	
44		74.4	59.3	30.5	18.7	23.5	7.4	0.396	8.20	—	360—325	К.48 М.1	
Разные													
45	Сино- па		~63.0	24.0	14.6	38.0	8.4	0.608	27.90	Амал	канфар	320—280	К.2 М.2
46	Соло- ха II	80.6	77.0	30.0	20.5	35.6	7.4	0.462	27.90	граффито	FP	360—340	К.40 а.2
47	Неус- тановл. центр	64.2	54.8	28.5	20.0	20.8	6.7	0.380	5.70	дипинти	E	400—375	М.04

H — высота; H₀ — глубина; H₁ — высота верхней части; H₂ — высота горла; D — диаметр тулова; d — диаметр устья; (M) — объем рассчитан математически.

Сводная хронологическая таблица керамических комплексов
могильника Паяское I

Комплекс	Амфоры №№ п/п	Дата по таре	Прочая керамика	Дата по ч/л	Вероятная дата погребального комплекса
1	2	3	4	5	6
К. 2	20, 28, 29, 32, 45	к. IV — н. III	ойнохоя	—	310—290
К. 12 М I	42	1/4 IV	болсал, лекиф	к. V — 1/4 IV	400—375
К. 13	1, 3—6	1/4 IV	2 болсала, 2 чаши, рыбн. блюдо, 2 кув- шина	к. V — 1/4 IV	.
К. 15	11, 18	2/4 — сер. IV	кратер, болсал, 4 леки- фа, кувшин	1/4 — 2/4 IV	375—340
К. 21	34	3/4 IV	—	—	350—325
К. 32	21, 43	3/4 IV	2 канфара, аск, 2 ле- кифа	2/4 — 3/4 IV	.
К. 34	27, 39	сер. — 3/4 IV	килик, гуттус, кувшин- чик	2/4 — сер. IV	360—340
К. 35	41	1/2 IV	кратер, килик, лекиф, солонка, кувшин	1/4 — 2/4 IV	375—350
К. 38	12, 23, 36, 38	3/4 IV	кружка, амфориск, ле- киф	к. V — сер. IV	360—340
К. 39	8	2/4 IV	килик, гуттус	3/4 — сер. IV	370—340
К. 40	46	сер. IV	кратер, килик, канфар, ойнохоя, лекиф	1/4 — 2/4 IV	360—340
К. 41	22	3/4 IV	килик, 2 лекифа, гут- тус, кубок	сер. — 3/4 IV	350—325

	1	2	3
K. 42		16, 25, 26	cep. — 3/4 IV
K. 43		13, 17, 40	cep. — 3/4 IV
K. 44		10, 14, 35	2/4 — 3/4 IV
K. 48		24, 44	cep. — 3/4 IV
K. 52		30	κ. IV
K. 57		19, 37	cep. — 3/4 IV
M. 04		47	1/4 IV
M. 012		31	κ. IV
M. 032		33	1/4 IV
M. 040		2	1/4 IV
M. 044		15	3/4 IV
M. 048		7	2/4 IV

Продолжение таблицы 8

4	5	6
2 лекифа, кувшин	2/4 — сер. IV	350—330
2 килика, лекиф	1/4 — 3/4 IV	350—325
2 килика, 2 скифоса, 2 лекифа	2/4 — сер. IV	360—340
сскифос, канфар, лекиф	2/4—3/4 IV	360—340
лекиф, канфар	3/4 — к. IV	325—300
скифос, кружка, кув- шин	2/4 IV	360—340
килик, лекиф	1/4 IV	400—380
лекиф, горшок, миска	3/4 IV	325—300
килик, флакон	1/4 IV	400—375
болсал, солонка	к. V — 1/4 IV	,
канфар	2/4 IV	350—325
лекиф	2/4 IV	375—350

**О времени сосуществования
Елизаветовского городища и Танаиса
(по данным керамической эпиграфики)**

В последнее время вновь приобрела актуальность проблема преемственности Елизаветовского городища и Танаиса. Решение вопроса о причинах перехода главных торговых функций от Елизаветовского городища к Танаису во многом зависит от выяснения времени сосуществования этих двух поселений — важнейших центров греко-варварской торговли на северо-восточной периферии греческой ойкумены.

Мнение исследователей о значительном периоде сосуществования Елизаветовского городища и Танаиса (четверть—полстолетия)¹ позволило Д. Б. Шелову в свое время сделать вывод, что «...возникновение этого города (Танаиса — Н. Ф.) ...хронологически никак не может быть связано с упадком или захирением Елизаветовского поселения, проявившимся позднее...»².

Как показывает проведенный Д. Б. Шеловым анализ материала, время возникновения Танаиса относится к первой четверти III в. до н. э. И. Б. Брашинский, и вслед за ним К. К. Марченко, определяли прекращение жизни на Елизаветовском городище «первой половиной III в. до н. э., скорее всего второй четвертью»³.

Открытие и исследование греческого поселения на Елизаветовском городище⁴ позволили уточнить верхнюю границу его существования — 60-е годы III в. до н. э. Этот вывод в основном базируется на предварительном изучении амфорных клейм⁵. После уточнения времени гибели Елизаветовского го-

¹ Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970. С. 30; Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л., 1980. С. 9; Кругликова И. Т. Античная археология. М., 1984. С. 142, 144.

² Шелов Д. Б. Танаис... С. 30.

³ Брашинский И. Б. Проблемы хронологии Елизаветовского городища в дельте Дона // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. 1977. № 1; Марченко К. К. Основные этапы истории Елизаветовского поселения на Дону // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов Н/Д, 1983. С. 63.

⁴ Марченко К. К. Боспорский эмпорий в дельте Дона // АО за 1984 г. М., 1986. С. 269; Marčenko K. Die Siedlung von Elizavetovka — ein griechisch — barbarisches Emporium im Dondelta // Klio. 1986. №2. S. 398.

⁵ Кац В. И., Федосеев Н. Ф. Керамические клейма «боспорского эмпория» на Елизаветовском городище // АМА. Вып. 6. Саратов, 1986. С. 105.

родища вывод исследователей о сосуществовании этих двух поселений остался незыблемым. Он базируется на определении хронологических рамок каждого из городищ. Однако сравнительный анализ археологического материала этих памятников не проводился⁶, хотя в комплексах обоих поселений должны присутствовать полные аналогии. На наличие таковых указывает находка в Танансе однотипной с елизаветовскими находками пантикапейской монеты с надчеканкой «звезда»⁷. Подобные монеты в книге В. А. Анохина датируются 284—275 гг. до н. э.⁸ Найденные при раскопках греческого поселения идентичные монеты позволили В. А. Горанчаровскому датировать гибель Елизаветовского поселения 275 г. до н. э.⁹ Анализируя монетный материал обоих памятников, А. И. Анисимов пришел к выводу, что греческое поселение на Елизаветовском городище существовало с 90-х годов до конца 70-х годов III в. до н. э.¹⁰

Однако единичные данные нумизматики и чернолаковой керамики могут служить материалом для сравнения лишь до определенного уровня и в данном случае являются лишь показателем, а не доказательством сосуществования этих поселений. Приоритет здесь, безусловно, принадлежит керамическим клеймам, так как амфорная клейменная тара регулярно и в больших количествах поступала на поселения, а клейма некоторых центров, благодаря ежегодной смене магистратов, имеют наиболее дробную хронологию в сравнении с другим археологическим материалом.

Цель данной работы — выявить синхронные группы керамических клейм и «точки соприкосновения» обоих поселений во времени¹¹. Косвенные данные о сосуществовании Елизаветовского поселения и Тананса дают клейма Фасоса, Гераклеи,

⁶ Брашинский И. Б. Греческий... С. 9.

⁷ Шелов Д. Б. О времени основания Тананса // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 304—308; его же. Денежный рынок Тананса // ЗОАО. Т. I. (34). С. 134; его же. Монеты из раскопок Тананса 1955—1964 гг. // НЭ. Т. VI. С. 63.

⁸ Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 141. № 130.

⁹ Горанчаровский В. А. К вопросу о времени существования боспорского эмпория в дельте Дона // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье — Приазовье: Тез. докл. Новочеркасск, 1987. С. 11.

¹⁰ Устное сообщение А. И. Анисимова.

¹¹ В своей работе я использовал как опубликованные Д. Б. Шеловым и И. Б. Брашинским клейма, так и клейма из раскопок памятников последних лет. Материал хранится в Ростовском областном музее краеведения и в археологическом заповеднике «Тананс», сотрудникам которых я весьма признателен за возможность ознакомиться с фондами музеев.

Родоса и Херсонеса. Фасосские клейма из позднейших слов Елизаветовского городища относятся к так называемому «позднему тилу» по В. Грейс (с одним именем и этниконом). По предварительной классификации М. Дебидура¹² клейма Филиска и Биона датируются первой половиной III в. до н. э., клейма Пифона IV — к самому началу III в. до н. э., клейма Энея, Аристейда, Феспона и Скимна — 310—300 гг. до н. э.¹³ Клейма других магистратов относятся к более раннему времени. Важно отметить полное отсутствие магистратов из группы, датированной М. Дебидуром «около середины III в. до н. э.»¹⁴ Таким образом, фасосские клейма твердо определяют наличие фасосского импорта на Елизаветовском городище в первой половине III в. до н. э., но не могут точно определить границу прекращения их поступления.

В материале Танаиса зафиксировано лишь одно фасосское клеймо магистрата Сатира¹⁵, относимого М. Дебидуром в группу «первая половина III в. до н. э.»¹⁶ Наличие фасосских клейм одной группы в комплексах обоих памятников свидетельствует о временной близости фасосского импорта в эти центры.

Присутствие в комплексах греческого поселения Елизаветовского городища значительного количества гераклейского амфорного материала позволяет утверждать, что импорт из Гераклеи не затухает¹⁷, а просто проявляется постепенное прекращение практики клеймения в Гераклее, вызванное, видимо, серьезными внутривосточными событиями¹⁸. В слоях гибели поселения лишь изредка встречаются клейма 5-й поздней группы, которая по И. Б. Брашинскому датируется концом IV — первой четвертью III в. до н. э.¹⁹

Присутствие амфорного материала гераклейского производства в слоях Танаиса сомнений не вызывает, однако основная его часть относится к позднеантичному периоду. В рукописи 10SPE III, в разделе «Гераклея» присутствуют два

¹² Debidour M. En classant les timbres Thasiens // BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 311—334.

¹³ Там же. P. 331—332.

¹⁴ Там же. P. 333—334.

¹⁵ Танаис. 1976 г. № 243, РОМК 4366 (707).

¹⁶ Debidour M. En classant... P. 332.

¹⁷ Брашинский И. Б. Греческий... С. 94; Кац В. И., Федосеев Н. Ф. Керамические... С. 104.

¹⁸ Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 118—122.

¹⁹ Брашинский И. Б. Греческий... С. 39.

клейма с определением места находки — Танаис²⁰. Принадлежность первого из них к Танаису весьма проблематична, так как в своей публикации П. Беккер определил место находки как «дельта древнейшего Танаиса»²¹. Второе клеймо, несомненно, из Танаиса²², однако нет полной уверенности в его гераклеюмском происхождении. Если, все же, признать его гераклеюмским, то и в данном случае его следовало бы отнести к 5-й поздней группе по классификации И. Б. Брашинского, что не противоречит хронологии археологического комплекса Танаиса. Наиболее показательны другое гераклеюмское клеймо с именем ΔΙΟΝΥ, обнаруженное в фондах заповедника «Танаис»²³. Подобные клейма встречаются на полах зданий У. 7 поселения Панское I, время гибели которых датируется 270 годами до н. э.

В материале Елизаветовского городища только два из 15 родосских клейм выпадают из общего контекста памятника²⁴. Из 530 изданных родосских клейм из Танаиса лишь 6 эпонимов и 7 эргастериархов²⁵ по времени близки к существованию греческого поселения на Елизаветовском городище. Из них только эпонимы Агэсий, Эпихар, Евклэс и эргастериархи Креонт и Павсаний определены издателем III в. до н. э., а иногда и концом IV в. до н. э.²⁶ Интересно, что клеймо эпонима Полнарата, аналогичное Елизаветовскому²⁷, найдено в Александрии на амфоре вместе с клеймом эргастериарха Микиты²⁸, известном в Танаисе²⁹. Верхняя граница деятельности этого эргастериарха датируется Ю. С. Бадалянцем 275 г. до н. э.³⁰ Важно также отметить в материале Танаиса родосские клейма ранних типов³¹.

²⁰ IOSPE III. Раздел «Гераклея» (Архив ИА АН СССР. Р—2. №№ 379, 1229).

²¹ Беккер П. Новая коллекция надписей на ручках древних сосудов, найденных в Южной России // ЗООИД. Т. VII. 1868. С. 30. № 45.

²² Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа. С. — Птб., 1854. Т. II. Табл. 79. № 59. С. 338.

²³ Танаис. № 646. Год находки неизвестен.

²⁴ Брашинский И. Б. Греческий... С. 198—199.

²⁵ Шелов Д. Б. Керамические... № 2, 5, 102, 111, 126, 128, 389, 406, 412, 444, 465, 477.

²⁶ Там же. № 2, 51, 53, 103, 116.

²⁷ Брашинский И. Б. Греческий... С. 198—199.

²⁸ Grace V. Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula // Hesperia. 1963. Vol. XXXII. P. 323. Fig. I. 1.

²⁹ Шелов Д. Б. Керамические... С. 111, № 412.

³⁰ Бадалянц Ю. С. Новые хронологические соответствия личных имен на родосских амфорах // СА. 1980. № 2. С. 162, 165.

³¹ Например: Танаис, 1976 г. № 169. РОМК 4366 (707).

Основная часть херсонесских клейм из Елизаветовского городища охватывает весь первый тип классификации В. И. Каца, а клейма из Танаиса — лишь варианты Б и В первого типа³². Единичные находки клейм Герократа, сына Невмения³³, и Никия, сына Герогейта³⁴, из раскопок Елизаветовского поселения, и Афанадора, сына Никия, из Танаиса³⁵ относятся к варианту А второго типа³⁶. По всей вероятности эти клейма ненамного отдалены от границы первого и второго типов — 275 г. до н. э.³⁷, а возможно, что клейма конца I типа сосуществовали какое-то время с клеймами II типа.

Находки синопских клейм на Елизаветовском городище и Танаисе

№ п/п	Магистраты	Елизаветовское городище	Танаис
1	Симий	1	—
2	Эпиелл	—	—
3	Дионисий (эмбл. канфар)	2	—
4	Каллисфен (эмбл. лук)	3	—
5	Гестней	14	—
6	Артемидор, сын Аполлодора	5	—
7	Мильтиад, сын Тейсандра	6	—
8	Деметрий	17	—
9	Дионисий, сын Деметрия	2	—
10	Эвхарист, сын Деметрия	19	—
11	Антимах, сын Феонейта	9	—
12	Эсхин, сын Ифия	7	1
13	Кратистарх	9	1
14	Гекатей, сын Ламаха	5	1
15	Гикесий, сын Гестиея	—	1
16	Аристион, сын Аристиппа	—	—
17	Леонт, сын Леонтистка	—	2
18	Хорэгион, сын Леомедонта	—	1
19	Анфестерий, сын Новменния	—	—
20	Антвпатр, сын Никопа	—	1

³² Кац В. И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1985. № 1. С. 103.

³³ Брашинский И. Б. Греческий... С. 197. № 739.

³⁴ Елизаветовское городище. 1986 г. № XVIII—XIX/221; 1987 г. № XX/72.

³⁵ Шелов Д. Б. Керамические... С. 150. № 590.

³⁶ Я благодарю В. И. Каца за это любезное сообщение и за ряд замечаний по содержанию статьи.

³⁷ Кац В. И. Типология... С. 103.

Клейма Синопы самые многочисленные из клейм последнего этапа Елизаветовского поселения. И хотя детальная хронология синопских клейм находится еще на стадии разработки, для IV хронологической группы удалось получить последовательность магистратов с достаточной точностью. Их список приведен в таблице. Количество клейм, найденных на каждом памятнике, отмечено цифрой.

Из таблицы видно, что клейма магистратов Эскина, сына Ифия, Кратистарха и Гекатея, сына Ламаха, фигурируют в археологическом материале обоих городищ. Характерно, что клейма на целых сосудах именно этих магистратов присутствуют на полах в комплексе помещения 52 дома XIII, открытого в 1986 г. на Елизаветовском городище³⁸. Численное преобладание синопских клейм этого периода в материале Елизаветовского городища объясняется малоизученностью начального этапа существования Танаиса. Все же, плотность находок синопских клейм в Танаисе для этого периода значительно больше, чем для других этапов.

Клейма Книда и Коса присутствуют в материале обоих городищ, но из-за отсутствия прямых параллелей и детальной хронологии этих групп клейм для данной работы интереса не представляют.

Среди клейм III в. других центров необходимо отметить наличие в материале Елизаветовского городища клейм Амастрия и группы Зенона. Клейма Амастрия ограничиваются рамками I четверти III в. до н. э.³⁹, а клейма группы Зенона В. Грейс считает египетскими и датирует 280—275 гг. до н. э.⁴⁰

Таким образом, непосредственные «точки соприкосновения» нам дают лишь клейма Синопы, а косвенные доказательства сосуществования — клейма Родоса, Херсонеса, Фасоса и Гераклея. Конец существования греческого поселения на Елизаветовском городище хронологически достаточно точно определяется пантикапейскими монетами и херсонесскими клеймами. Это время 275—270 гг. до н. э. Находки аналогичных монет, а также анализ керамических клейм позволяют сделать вывод, что Елизаветовское поселение и Танаис сосуществовали на протяжении очень небольшого периода времени — около 10 лет. Если же попытаться определить минималь-

³⁸ Материал этого комплекса в настоящее время готовится к публикации.

³⁹ Scaglov A. N. Les amphores timbrées d'Amastris // BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 365—373.

⁴⁰ Grace V. Some Amphoras from Hellenistic Wreck // BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 551—565.

ный период, то в настоящее время можно говорить лишь о трех годах (см. табл.). Более определенные выводы можно будет сделать только после получения новых «точек соприкосновения» материалов этих центров.

Уточнение периода сосуществования не противоречит времени основания Танаиса по Д. Б. Шелову, но позволяет предположить, что начало жизнедеятельности Танаиса, возможно, лежит в конце первой четверти III в. до н. э. В соответствии с этим клейма синопских магистратов Эсхина, Гекатея и Кратистарха следует датировать временем гибели Елизаветовского поселения — около 275—270 гг. до н. э., что не противоречит данным других известных нам археологических комплексов (например, Никония).

Значительные качественные различия керамических комплексов обоих поселений И. Б. Брашинский объяснял главным образом асинхронностью их существования, и в меньшей степени — экономическими и политическими причинами⁴¹. Это справедливо для археологических комплексов в целом, а для периода, определяемого первой половиной III в. до н. э., эти различия не так уж и велики: Родос, Гераклея, Фасос, Книд, Кос, Херсонес, Синопа и ряд других центров поставляют свою продукцию как в Танаис, так и на Елизаветовское поселение. Синопские амфоры в этот период поступают в Танаис более регулярно, чем в последующий период.

Накопление нового археологического материала и открытие в Танаисе комплексов, относящихся к первому периоду его существования, позволит уточнить картину сосуществования этих двух крупнейших центров Нижнего Подонья.

⁴¹ Брашинский И. Б. Греческий... С. 93.

Список сокращений

- АКСП — Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984.
- АМА — Античный мир и археология
- АО — Археологические открытия
- ВДИ — Вестник древней истории
- ГСУ — Годешник на Софийския университет
- ГХЗ — Государственный Херсонесский заповедник
- ЕКМ — Евпаторийский краеведческий музей
- ИБАИ — Известия на Българския археологически институт
- ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
- ИМСЗБ — Известия на музеите в Северозападна България
- ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
- ИНМ — Известия на народный музей Варна
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
- КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика
- НЭС — Новый энциклопедический словарь
- ОАМ — Одесский археологический музей
- ПИСП — Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху
- СА — Советская археология
- СВ — Средние века
- ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
- УЗ ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета

- УЗ МОПИ— Ученые записки Московского областного пединститута
- ХС — Херсонесский сборник
- ЯМ — Ялтинский музей
- AAnt — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae
- ABSA — Annual of the British School at Athens
- AJPh — American Journal of Philology
- ANRW — Aufstieg und Niedergang der römischen Welt
- BCH — Bulletin de correspondance hellénique
- CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
- CQ — Classical Quarterly
- Dess — Inscriptiones Latinae Selectae, ed. H. Dessau
- DUJ — Durham University Journal
- GLO — Graecolatina et Orientalia
- HZ — Historische Zeitschrift
- IGBR — Mihailov G. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae
- ISM — Inscriptiile din Scythia Minor
- JHS — Journal of Hellenic Studies
- JRS — Journal of Roman Studies
- JS — Journal des Savants
- LF — Listy filologické
- NBGAW— Neue Beiträge zur Geschichte der alten Welt. Bd. 11. Römisches Reich. Berlin, 1965.
- NJKA — Neue Jahrbücher für das klassische Altertum
- OGIS — Orientis Graeci inscriptiones selectae
- RE — Pauly's Real—Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung von G. Wissowa u. a.
- REG — Revue des études grecques
- RN — Revue numismatique
- RPh — Revue philologique
- RSI — Rivista Storica Italiana
- SRF — Schriften der römischen Feldmesser
- ZG — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Блохина Ирина Романовна* — кандидат исторических наук, доцент Тамбовского педагогического института.
- Борухович Владимир Григорьевич* — доктор исторических наук, профессор Саратовского университета.
- Демина Надежда Александровна* — кандидат филологических наук, доцент Саратовского университета.
- Кадеев Владимир Иванович* — доктор исторических наук, профессор Харьковского университета.
- Кашцев Владимир Иванович* — кандидат исторических наук, доцент Саратовского университета.
- Кац Владимир Иванович* — кандидат исторических наук, доцент Саратовского университета.
- Курбатов Александр Александрович* — кандидат исторических наук, доцент Астраханского пединститута.
- Лисовой Игорь Андреевич* — кандидат исторических наук, доцент Львовского университета.
- Мартемьянов Алексей Павлович* — кандидат исторических наук, доцент Харьковского университета.
- Модев Евгений Александрович* — кандидат исторических наук, доцент Белгородского пединститута.
- Молева Наталья Владимировна* — кандидат исторических наук, доцент Белгородского пединститута.
- Монахов Сергей Юрьевич* — кандидат исторических наук, доцент Саратовского университета.
- Парфенов Виктор Николаевич* — кандидат исторических наук, доцент Саратовского университета.
- Рогов Евгений Яковлевич* — младший научный сотрудник Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.
- Смыков Евгений Владимирович* — ассистент кафедры истории древнего мира Саратовского университета.
- Федосеев Николай Федорович* — научный сотрудник Керченского историко-археологического заповедника.
- Чернова Надежда Николаевна* — кандидат исторических наук, доцент Башкирского пединститута.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ

<i>Курбатов А. А.</i> (Астрахань). Военное значение аристократии в архаической Греции	3
<i>Лисовой И. А.</i> (Львов). Проблемы развития архаической Греции в историографии ЧСФР	14
<i>Борухович В. Г.</i> (Саратов). Агесилай в Египте	24
<i>Блохина И. Р.</i> (Тамбов). Выступление демократов в Сиракузах в IV веке до н. э.	36
<i>Кашеев В. И.</i> (Саратов). Лозунг освобождения греков в междоусударственных отношениях Восточного Средиземноморья (III—II вв. до н. э.)	41
<i>Демина Н. А.</i> (Саратов). Фольклорные мотивы в изображении Артемиды древнегреческими поэтами (Пиндар и Телесилла)	51
<i>Смыков Е. В.</i> (Саратов). Марк Антоний и политика <i>clementia Caesaris</i>	56
<i>Парфенов В. Н.</i> (Саратов). К оценке военных реформ Августа	65
<i>Кадеев В. И., Мартемьянов А. П.</i> (Харьков). О ветеранах римской армии в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э.	77
<i>Чернова Н. Н.</i> (Уфа). Античное государство в концении Фюстель де Куланжа	87

II. АНТИЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

<i>Каш В. И.</i> (Саратов). Эмпорий Херсонес	97
<i>Молев Н. А.</i> (Белгород). Монеты из раскопок городища и некрополя Китея	111
<i>Молева Н. В.</i> (Белгород). Археологические исследования на мысе Такиль в Восточном Крыму	122
<i>Монахов С. Ю., Rogov Е. Я.</i> (Саратов, Ленинград). Амфоры некрополя Панское I	128
<i>Федосеев Н. Ф.</i> (Керчь). О времени сосуществования Елизаветовского городища и Танаиса (по данным керамической эпиграфики)	154
Список сокращений	161
Сведения об авторах	163

CONTENTS

I. ANCIENT GREECE AND ROME

<i>Kurbatov A. A.</i> (Astrakhan) The Aristocracy as a Military Force in the Archaic Greece	3
<i>Lisovoy I. A.</i> (Lvov) The Problems of the Development of the Archaic Greece in the Historiography of Czechoslovakia	14
<i>Borukhovitch V. G.</i> (Saratov) Agesilaos in Egypt	24
<i>Blokhina I. R.</i> (Tambov) The Democratic Movement in Syracuse in the Fourth Century B. C.	35
<i>Kashcheyev V. I.</i> (Saratov) The 'Freedom of the Greeks' as a Slogan in Relations among the States of the East Mediterranean Area in the Third and Second Century B. C.	41
<i>Doemina N. A.</i> (Saratov) Folk-lore Subjects in the Image of Artemis in Pindaros and Telesilla	51
<i>Smykov E. V.</i> (Saratov) Marc Antony and the Policy of <i>clementia Caesaris</i>	56
<i>Parfoenov V. N.</i> (Saratov) An Appreciation of the Military Reforms of Augustus	65
<i>Kadeyev V. I., Martemyanov A. P.</i> (Kharkov) The Veterans of the Roman Army in Lower Moesia and Thracia in the First Centuries A. D.	77
<i>Chernova N. N.</i> (Ufa) The Conception of the Ancient State in Fustele de Coulanges	87

II. THE BLACK SEA AREA IN THE ANTIQUITY

<i>Katz V. I.</i> (Saratov) The Emporion of Chersonesos	97
<i>Molev E. A.</i> (Belgorod) The Coins from the Ancient Town and Necropolis of Kytaiion	111
<i>Moleva N. V.</i> (Belgorod) Archaeological Excavations in the Cape Takil in the East Crimea	122
<i>Monakhov S. Yu.</i> (Saratov), <i>Rogov E. Ya.</i> (Leningrad) Amphorae from the Necropolis Panskoye I	128
<i>Fedosyev N. F.</i> (Kertch) Concerning the Time of the Coexistence of the Ancient Town of Elizavetovskoye and of Tanais (on the data of ceramic epigraphics)	154
List of Abbreviations	161

АНТИЧНЫЙ МИР И АРХЕОЛОГИЯ

**Проблемы социально-политических отношений,
материальной и духовной культуры древности**

Межузовский научный сборник

Выпуск 7

Редактор *Н. Г. Жакина*

Художник *Е. И. Боcharов*

Художественный редактор *Е. И. Боcharов*

Технический редактор *Л. В. Агальцова*

Корректор *М. В. Попова*

ИБ № 3054

Сдано в набор 8.01.90. Подписано в печать 5.09.90. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 2. Печать высокая. Гарнитура «Литературная». Усл. печ. л. 9,76 (10,5). Уч. изд. л. 11,2. Тираж 1500 экз. Заказ № 2504. Цена 1 р. 20 к.

Издательство Саратовского университета, 410601, Саратов, Университетская, 42.
Типография издательства «Коммунист», 410002, г. Саратов, Волжская, 28.

**В издательстве Саратовского университета
в 1991 году выходит книга:**

**КАЩЕЕВ В. И. ГРЕКО-ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ МИР
И РИМ: МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И ДИПЛОМАТИЯ**

В 220—146 ГОДАХ ДО Н. Э.

Объем 13 п. л. Тираж 1000 экз. Цена 2 р. 60 к.

В книге рассматривается напряженный и во многом драматичный период в истории Восточного Средиземноморья, когда Рим столкнулся в противоборстве с такими сильными противниками, как Македонское царство и держава Селевкидов, и когда римляне подчинили своему влиянию большую часть эллинистического мира. Перед читателем предстает эпоха грандиозных войн, интенсивной дипломатической деятельности и глубокого изменения самого характера международных отношений в Восточном Средиземноморье. В книге показана специфика войны как основного средства межгосударственных отношений в этот период, различные средства и методы дипломатии, элементы международного права. На страницах книги читатель встретит имена многих выдающихся деятелей античности: последних македонских царей Филиппа и Персея, сирийского правителя Антиоха III, прозванного в древности Великим, карфагенского полководца Ганнибала, таких римских политиков и военачальников, как Сципион Африканский, Тит Фламиний, Эмилий Павел и др.

Для специалистов-историков и широкого круга читателей, интересующихся проблемами античности и истории международных отношений.

**В издательстве Саратовского университета
в 1991 году выходит книга:**

**ПАМЯТНИКИ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ
(ВОЛГО-УРАЛЬСКОЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ).
СВОД АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ**

**Том I / Под общей редакцией Н. К. Качаловой
Объем 20 п. л. Тираж 2500. Цена 4 р. 00 к.**

Ленинградским отделением Института археологии АН СССР и Саратовским университетом впервые подготовлен свод источников по срубной культуре эпохи бронзы Волго-Уральских степей. Исследователи Москвы, Ленинграда, Астрахани, Волгограда и Саратова подводят итоги изучения срубных древностей за последние 100 лет.

Впервые подробно характеризуется история изучения памятников, дается исчерпывающая информация обо всех открытых поселениях, курганных и грунтовых могильниках, отдельных находках. Книга снабжена богатым иллюстративным материалом, картами, библиографией, каталогом и географическим указателем памятников.

Для археологов, историков, работников музеев, преподавателей и студентов исторических факультетов.